ТАВРИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.И. Вернадского

На правах рукописи

УДК: 17+321.01+930.1

Шевченко Олег Константинович

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ

09.00.03 - социальная философия и философия истории

Диссертация на соискание научной степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
Кальной Игорь Иванович
доктор философских наук,
профессор

Симферополь – 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……...3

РАЗДЕЛ 1. ОПЫТ ПОСТИЖЕНИЯ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ……..…....14

1.1 Власть как проблема социальной философии……..…14

1.2 Методология исследования феномена власти……..32

1.3 Основные концепции постижения власти в условиях постсоветского пространства……..…….49

1.4 Ключевые концепты социально-философского дискурса о власти…….62

РАЗДЕЛ 2. КРИЗИСНОЕ СОСТОЯНИЕ ВЛАСТИ КАК УСЛОВИЕ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ …….80

2.1 Власть авторитета в потестарном обществе……...……..80

2.2 Кризис власти авторитета в традиционном обществе…...……..91

2.3 Авторитет власти и ее кризис……...105

РАЗДЕЛ 3. ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОМ УКРАИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ.…… 120

3.1 Проблемы постсоветского пространства и предпосылки осуществления власти в Украине……..120

3.2 Условия и факторы осуществления власти в современном украинском обществе….……..…….…135

3.3 Два сценария осуществления власти в Украине…….153

ВЫВОДЫ…….……....167

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ…….….171

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена содержанием трансформационных процессов*, которые переживает новоевропейская цивилизация в экономической, политической, правовой и социокультурной сферах общественного бытия. Начало происходящих процессов может быть отнесено к концу XIX началу XX вв., когда новоевропейский мир стал демонстрировать отказ от своих традиционных ценностей. Усилиями Ф. Ницше, О. Шпенглера, А. Тойнби, К. Ясперса и др. было положено начало многочисленным попыткам осмыслить происходящие изменения и выявить их последствия. Анализ социально-философской, политологической и социологической литературы свидетельствует, что поднятые в конце XIX и начале XX вв. вопросы не потеряли своей значимости и в веке XXI. Более того, в результате естественного развития трансформационных процессов произошла актуализация ряда проблем, среди которых особое место занял вопрос власти.

Внимание к феномену власти связано с тем, что власть обладает способностью консолидировать общественные и государственные институты в единое политическое «тело», а также несет в себе возможность преодолевать девиантные проявления, регулировать межэтнические и межконфессиональные отношения, создавать предпосылки для разрешения существенных противоречий как в обществе, так и в сфере отношений: общество и природа, личность и общество.

Актуальность обращения к проблеме власти возрастает, когда исследователь обращается к конкретному обществу, в котором на фоне общих трансформационных процессов, характерных для всей

---

* Трансформация - это существенное нарушение меры количественно-качественных изменений, обеспечивающих определенный вектор развития.

новоевропейской цивилизации, происходят радикальные изменения общественных и государственных институтов, а в итоге возникают экстремальные условия развития общества и существования человека. В таких обстоятельствах оказалась постсоветская Украина в конце XX – начале XXI вв., что и вызвало ренессанс отечественной кратологической мысли.

Диссертант продолжает традицию поиска новых возможностей на пути преодоления негативных аспектов трансформационных процессов в обществе через изучение наработанного опыта, его структурной организации и построения идеальной модели власти с учетом тенденций ее осуществления и последующим сравнительным анализом специфических реалий Украины.

Степень разработанности проблемы. Первые исследования феномена власти восходят к трудам античных мыслителей: Платона, Аристотеля, Марка Аврелия. Однако вопрос о специфике власти в условиях трансформации общественных институтов был впервые поставлен только в трактатах Августина Блаженного, Фомы Аквинского и Данте Алигьери.

Работы Ж. Бодена, Вольтера, Н. Макиавелли, Д. Локка, Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, созданные в условиях формирования нового индустриального общества, перевели рассмотрение проблемы из сферы метафизики (античность и средневековье) в плоскость практической политики.

Новые аспекты заявленной проблемы связанны с исследованиями И. Канта, И. Фихте, Г. Гегеля. И. Кант посредством понятий: воля, свобода, мораль, долг, человек, гражданин, государство - очертил гносеологические границы философии власти, а И. Фихте и Г. Гегель через диалектический подход к власти обеспечили возможность рассматривать проблему с позиций становления и развития, усматривая в трансформационных процессах не только негативное, но и положительное содержание.

В последующее время благодаря усилиям А. Шопенгауэра, К. Маркса, Ф. Энгельса, Ф. Ницше, Н. Бердяева, Х. Арендт, социально-философский

дискурс о власти второй половине XX в. заявил о своей специфике изучения власти на ряду с политологией, социологией и психологией. Среди авторов работавших в рамках социально-философского дискурса о власти, можно упомянуть Э. Фромма, С. Московичи, М. Фуко, Ю. Хабермаса, Э. Тоффлера, и др.

В Советском Союзе после публикаций известных работ Г. В. Плеханова, В. И. Ленина и малоизвестного исследования Б. Н. Хатунцева проблема власти была исключена из реестра советской науки. Потенциал русской философии второй половины XIX – начала XX века, созданный трудами Ф. М. Достоевского, М. А. Бакунина, Л. Н. Толстого, П. Кропоткина, В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, И. А. Ильина, П. И. Новгородцева, оказался невостребованным.

Возвращение интереса к проблеме власти в советскую философию стало возможным лишь в 70-ые годы, через рассмотрение проблемы авторитета власти в работах Н. М. Кейзерова. Впоследствии благодаря усилиям Г. Г. Филиппова, А. Г. Аникевича, Н. И. Осадчего и др., был поднят вопрос о формировании советской школы философского освоения власти. Но процесс был остановлен распадом Советского Союза и увлечением нового поколения исследователей политологическим, социологическим и психологическим дискурсами о власти. Однако разрешить проблемы, порожденные трансформационными процессами на постсоветском пространстве, указанные дискурсы оказались не в состоянии. В этой связи исследовательская мысль вновь обратилась к социально-философскому освоению власти.

Исследования Л. К. Байрачной, Т. Н. Желаева, А. А. Ильина, В. Г. Капустина, В. Г. Ледяева, О. В. Плотниковой, С. В. Пролеева, П. А. Сапронова, В. Г. Серебрянского, Т. В. Яблонской, созданные в рамках социально-философского дискурса, демонстрируют новый виток интереса к заявленной проблеме.

Среди наиболее активно обсуждаемых аспектов проблемы следует выделить:

- феномен свободы;
- ценностные ориентиры в условиях трансформационных процессов;
- вопрос идентичности;
- поиск национального согласия в обществах трансформационных процессов;
- построение гражданского общества (или национального государства) в условиях трансформационных процессов постсоветского пространства.

Анализ степени разработанности проблемы власти в условиях трансформационных процессов показал, отсутствие в должной мере фундаментальных исследований, рассматривающих проблему осуществления власти с точки зрения ее истории - становления и развития.

Дискуссионными остаются также вопросы понятийного инструментария исследования власти в специфических условиях трансформационных процессов на постсоветском пространстве.

Связь с научными программами, планами, темами. Работа учитывает положения национальной программы Украина «Освіта». Диссертация выполнена в соответствии с комплексной темой кафедры социальной философии Таврического национального университета им. В. И. Вернадского «Гражданское общество и специфика его становления в Крыму» (государственная регистрация темы № 0102V001652).

Целью исследования является анализ власти как одного из главных факторов консолидации и регламента человеческого общежития, а также выявление перспективных принципов осуществления власти.

Заявленная цель обеспечивает необходимость решить **задачи**, в формулировке которых отразилось авторское видение проблемы:

- исследовать существующий теоретический опыт постижения феномена власти, структурно его организовать и построить идеальный

образ власти при помощи понятий «вертикаль власти» и «горизонталь власти»;

- рассмотреть генезис власти через введение в исследовательскую практику таких понятий социальной философии как «власть авторитета» и «авторитет власти»;
- обеспечить поиск вариантов преодоления деструктивных проявлений власти современной цивилизации;
- сравнить механизм реального осуществления власти в украинском обществе трансформационных процессов с идеальным образом власти, полученным в результате успешного решения первой задачи.

Объектом исследования является власть как конституирующий фактор социума, а **предметом** исследования выступают особенности осуществления власти в условиях трансформационных процессов современной Украины.

Методологическую основу исследования составили принципы, подходы, методы, общелогические приемы и ключевые понятия.

Основными принципами диссертационного исследования выступили: принцип объективности и конкретности истины, а также принципы взаимосвязи, взаимозависимости и взаимообусловленности. Заявленные принципы нашли свое выражение в аналитическом, диалектическом, синергетическом, системном и интервальном подходах, которые явились основой методологической стратегии диссертационного исследования.

Рассмотрение проблемы в рамках аналитического подхода обеспечило возможность создать понятийно-категориальный каркас исследования. Применение диалектического подхода позволило понять процесс становления и развития власти. Синергетический подход обеспечил возможность корректно выявить варианты осуществления власти в информационном обществе. Системный подход обеспечил понимание того, что власть нужно рассматривать, исходя из представлений об обществе как едином целостном организме, определенной системе во всей совокупности и многообразии ее компонентов. Интервальный подход позволил

рассматривать эмпирический базис власти в разных интервалах, от политического до экономического.

Рассмотренные подходы обеспечиваются конкретными методами исследования: структурно-функциональным анализом, методом восхождения от абстрактного к конкретному, а также методом единства исторического и логического. Метод единства исторического и логического позволил выявить закономерности развития объекта не столько при помощи систематизации и обобщения эмпирического материала, сколько через исследование основных фаз его развития на сущностном уровне. Метод восхождения от абстрактного к конкретному обеспечил построение идеализированного объекта как необходимомого условия движение мысли от абстрактному к конкретному. Применение этого метода выявило существенные связи и закономерности объекта исследования. Метод структурно-функционального анализа обеспечил рассмотрение взаимодействия частей системы и выделение элементов властной реальности, а также определение их функций в совокупности всех частей как единого целого.

Широко использовались общелогические приемы анализа и синтеза, абстрагирования и обобщения.

В качестве понятий, создавших категориальный каркас исследования выступили горизонталь власти и вертикаль власти; ризоматическая власть; власть авторитета и авторитет власти; жизнь, свобода, собственность, формальное равенство и справедливость.

Структура диссертации.

Диссертация состоит из введения, трех разделов, которые объединяют десять подразделов, выводов, списка использованных источников, включающего 337 наименований. Полный объем диссертации составляет 191 страниц, из которых 172 занимает основной текст.

В разделе I «Опыт постижения власти в условиях трансформационных процессов» проработан понятийно-категориальный каркас диссертационного исследования и осуществлено построение идеального образа власти.

В разделе II «Кризисное состояние власти как условие переходного периода социального развития» осуществляется анализ становления и развития отношений в рамках «власть - ценности», что позволяет составить прогноз дальнейшего изменения объекта исследования в специфических условиях информационного общества.

В разделе III «Особенности осуществления власти в современном украинском обществе» на основе конкретного эмпирического материала и сравнительного анализа с идеальным образом власти, выявлены наиболее вероятные пути развития власти современной Украины.

Научная новизна исследования находит свое выражение в положениях:

1. Выявлено, что определяющим для характера власти и ее осуществления является противоречие принципов власти (иерархия, господствование, подчинение обеспечивают вертикаль власти, а влияние, управление, согласие – горизонталь власти) базовым ценностям человека (жизнь, свобода, собственность, формальное равенство и справедливость).

2. Обосновывается тезис о том, что генезис и развитие власти укладывается в трехчленную схему: от власти авторитета (потестарное общество) через авторитет власти (индустриальное общество) к новому качеству власти авторитета (информационное общество).

3. Обосновывается положение о том, что в условиях трансформационных процессов современного общества ставка на идеологические клише ныне демонстрирует свою несостоятельность, что и проявляется в кризисе вертикали власти (а следовательно и в кризисе авторитета власти) как доминирующей модели структурной организации индустриального общества.

4. Утверждается положение о том, что в Украине реальные предпосылки и условия осуществления власти говорят либо в пользу тенденции усиления авторитета власти (авторитарность), либо в пользу

реализации принципов ризоматической власти (анархия, бойкотирование, капсулирование).

5. Содержание трансформационных процессов, общая логика развития власти позволяют сделать вывод о том, что будущее украинской власти на уровне должного связано с доминированием горизонтали власти. На практике это может найти свое выражение в построении поликультурного социального пространства с ориентиром на идею гражданского общества и осуществления гражданского согласия.

Практическое и теоретическое значение результатов диссертации

Сформулированные общие принципы осуществления власти наполнены конкретным содержанием. Полученные результаты, свидетельствуют о специфике украинской. Они могут быть использованы для формирования концепции развития власти в Украине.

Разработки диссертационного исследования, могут быть использованы при подготовке лекционных курсов в высших учебных заведениях в рамках социально-философских и политологических дисциплин. Использованный опыт классификации и обработки источниковедческой базы может быть применен в специальных курсах по философии истории и истории политических идей.

Отдельные положения диссертации могут быть использованы при подготовке специальных курсов по кратологии, гражданскому обществу, философии власти и истории власти в европейской традиции.

Личный вклад соискателя. Концепция, содержание, выводы диссертации и тексты опубликованных статей подготовлены и изложены автором самостоятельно. В статье подготовленной в соавторстве с И. И. Кальным и Ю. Д. Паруновой автору принадлежит анализ историко-философского опыта рассмотрения заявленной проблемы.

Апробация работы.

Основные положения диссертационного исследования отражены в докладах на международных конференциях и конгрессах: международной

научной конференции «Государственная власть и политическое участие» (Севастополь, 6-8 октября 2003 г.); международной научной конференции «Людина-Світ-Культура. Актуальні проблеми філософських, політологічних та релігієзнавчих досліджень (До 170-річчя філософського факультету Київського національного університету імені Тараса Шевченка)" (Київ, 20 - 22 квітня 2004 р.); международной научно-практической конференции „Общество и власть: возможности диалога" (Симферополь, 21-22 мая 2004 г.); международной научно-практической конференции "Гражданское общество: возможности и перспективы становлення на постсоветском пространстве" (Севастополь, 5 октября 2004 г.); международной научной конференции "Історія філософії: теорія та методологія (До 110 річчя від дня народження В. Ф. Асмуса)" (Київ, 17 грудня 2004 р.); XXXIV научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов ТНУ им. В.И. Вернадского «Актуальные проблемы философии: общество, политика, культура» (Симферополь, 21-23 апреля 2005 г.); на IV Российском философском конгрессе «Философия и будущее цивилизации» (Москва, 24-28 мая 2005 г.); на I Таврических чтениях «Отечественная философия: современные коллизии» (Донузлав, Медведево, 17 - 21 сентября 2005 г.); XX научных чтениях «Культура народов причерноморья с древнейших времен до наших дней» (Симферополь, 23-24 ноября 2005 г.); XXXV научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов ТНУ им. В.И. Вернадского «Актуальные проблемы философии: общество, политика, культура» (Симферополь, 25-28 апреля 2006 г.); XXI научных чтениях «Культура народов причерноморья с древнейших времен до наших дней» (Симферополь, 26-27 апреля 2006 г.).

Основное содержание диссертации отражено в публикациях:

Статьи

1. Шевченко О.К. Ценностные ориентиры субъекта власти в условиях переходного периода // Ученые записки ТНУ. Серия «Философия». - 2004. - Т. 17 (56), № 2. – С. 125 - 133.

2. Кальной И.И., Парунова Ю.Д., Шевченко О.К. Проблема идентичности в условиях трансформации современного украинского общества // Ученые записки ТНУ. Серия «Философия». – 2004. - Т. 17 (56), № 2. – С. 110-118.

3. Шевченко О.К. Феномен власти и ее постижение в обществе трансформационных процессов // Ученые записки ТНУ. Серия «Философия. Социология». – 2006. - Т. 18 (57), №1. – С. 132-144.

4. Шевченко О.К. Специфика осуществления власти в современной Украине // Ученые записки ТНУ. Серия «Философия». – 2006. – Т. 19 (58), №1. – С. 268-271.

5. Шевченко О.К. Сравнительный анализ философских концепций власти в Украине и России // Культура народов Причерноморья. – 2006. - №74. – С. 160-165.

Тезисы

1. Шевченко О.К. Принципы социально-психологического механизма власти // Материалы международной научной конференции «Государственная власть и политическое участие». – Севастополь: Изд-во СевНТУ, 2003. - С. 163 - 165.

2. Шевченко О.К. Отношение к феномену «власть» в условиях переходных периодов (Эллинизм, Ренессанс, Постмодерн) // Матеріали міжнародної наукової конференції „Актуальні проблеми філософських, політологічних і релігієзнавчих досліджень (До 170 річчя філософського факультету Київського національного університету ім Т. Г. Шевченко)”. - К.: Центр навчальної літератури, 2004. - С. 799 - 801.

3. Шевченко О.К. Взаимоотношение светской и духовной власти в условиях современной Украины // Материалы IV Международного семинара «Религия и гражданское общество: между национализмом и глобализмом. – Симферополь: Таврия, 2005. – С. 288-290.

4. Шевченко О.К. Феномен власти и его метаморфозы // Труды IV Российского философского конгресса «Философия и будущее цивилизации». – М.: «Современные тетради», 2005. - С. 166 - 167.

5. Шевченко О.К. Украина: постсоветское наследие и предпосылки становления нового общества // Материалы XXXIV научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов ТНУ им. В.И. Вернадского «Актуальные проблемы философии: общество, политика, культура». Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2005. – С. 41 - 45.

6. Шевченко О.К. Тема власти в постсоветской философии // Материалы XXXV научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов ТНУ им. В.И. Вернадского «Актуальные проблемы философии: общество, политика, культура». Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2006. – Вып. 2. - С. 63-64.

РАЗДЕЛ I. ОПЫТ ПОСТИЖЕНИЯ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕСОВ

1.1 Власть как проблема социальной философии

История осмысления власти длится более 2,5 тысяч лет. Первые систематические попытки определить существо заявленной проблемы традиционно соотносят с именами Платона и Аристотеля. Эти разработки находятся в рамках классического философского дискурса. Однако античная философская мысль не ставила вопрос об общих основаниях власти. Признанные авторитеты античной философии Платон и Аристотель в своих исследованиях, в той или иной мере касающихся проблемы власти, осуществили работу, связанную с классификацией и описанием видов власти и ее влияния на личность и общество, выявили схемы функционирования власти. Но попыток найти то инвариантное, что представляет собой власть как таковая, они не делают. Сейчас их наработки вполне бы уложились в рамки политологического, но никак не философского дискурса. И это при том, что именно древнегреческая мысль вывела категории «сущность», «субстанция», «феномен». Создается впечатление, что при рассмотрении проблемы власти древнегреческие философы не считали необходимым использовать ими же выведенные категории. У Платона и Аристотеля можно найти лишь отдельные высказывания по данному предмету. Так, для Платона власть – это прежде всего отношения господства и подчинения, которые прочно покоятся на принципах справедливости и долга. Для Аристотеля власть – это некий закон, принцип космоса, который упорядочивает все элементы бытия в мире. Но данное положение можно считать репликой,

которую Аристотель, по его собственному признанию, не видит необходимости развивать [11, с. 382]. В целом власть в античной философии - очень размытое понятие, не имевшее статуса категории. Как справедливо замечает один из исследователей власти В.Г. Ледяев, мыслители «не вдавались в подробный анализ понятия власти, считая само собой разумеющимся, что ключевые термины … «власть», «влияние», «авторитет», «правление» не требуют разработки, поскольку значение этих слов понятно для людей со здравым смыслом» [151, с. 25]. Не удивительно, что античные философы рассматривали власть исключительно с практической точки зрения - как механизм осуществления управленческих решений. Для объяснения круга явлений общественной жизни на уровне общего и целого было достаточно емких понятий «номос» и «аномия», «космос» и «хаос». Эллинская философско-политическая мысль при ответе на вопрос, почему видимый мир строго организован, опиралась на представление об инверсии порядка в хаос и трансформации хаоса в порядок. Понятие «власть» использовалось для раскрытия специфики космоса, например, его иерархичности, для отличия человеческого мира от животного. Власть была операциональным термином, с помощью которого происходило выяснение насущных вопросов политического бытия. Аристотеля интересовали причины существования вертикальной иерархии. Изучая эту проблему, он использует понятия «властвующее начало» и «подвластное начало». Первое доминирует над вторым, ибо таков порядок мира – Космос.

Единственным, но очень серьезным вкладом античных мыслителей в философский дискурс о власти является обращение к заявленной проблеме через раскрытие загадки ее ценностных оснований: субъект и объект власти, их нравственная природа [Аристотель. 1236], сила власти в отношениях Закона и личности [202; 203; 204], проблемы долга, личной свободы и эгоизма «власть предержащих» [2]. Работая в рамках парадигмы антропоцентризма, античные философы сумели определить место власти в человеческих отношениях, перевести проблему из плоскости обезличенного

порядка в область мятущейся человеческой природы. Даже Аристотель, с его идеей о властвующем и подчиненном началах в мире, не избежал «очеловечивания власти».

При отсутствии выработанных философских правил постижения власти античная традиция все же имеет серьезное познавательное значение. Опыт Платона, Аристотеля, Марка Аврелия и др. свидетельствует о том потенциале, какой несет в себе антропологический подход к проблеме власти. В XIX в. этот подход приобрел характер аксиологической проблематики.

Таким образом, первые попытки проникнуть в тайну власти редуцировали последнюю до практики повседневных отношений или, в лучшем случае, формулировали абстрактные, не находящие себе места в общей картине постулаты нравственного или космического характера. В этом проявилась одна из особенностей заявленной проблемы. При исследовании ее в ключе классической рациональности, она «теряет» свое концептуальное содержание и редуцируется до феномена управления или искусства управления – политики. Но как только в дискурс о власти добавляется ее метафизический аспект, сразу же появляется проблема ее онтологических оснований на уровне взаимосвязи сущности и существования, что ведет к необходимости вывести феномен власти в самостоятельный объект исследования.

В эпоху средневековья, в результате широкого распространения христианской доктрины, доминирует тезис о том, что «всякая власть от Бога». Проблема власти принимает отчетливо выраженный метафизический характер, что инициирует создание доктрин о власти, претендующих на раскрытие онтологических основ бытия власти. С первым систематическим изложением онтологии власти выступил Августин Блаженный. Основой его кратической концепции явилось учение о предопределенности земной иерархии – небесной, о греховной государственной власти и благочестивой – церковной. Рассматривая власть как ключевое понятие своего

метафизического учения, Августин поневоле предопределил получение ею статуса самостоятельной проблемы с выходом на поиск взаимосвязи онтологических оснований (воля бога или дьявола), ее проявлений, а также исследования ее формы и общего содержания.

В средневековье проблема власти поднималась различными церковными мыслителями (например, в трудах Тигасия). Задачу рассмотреть проблему как целое взял на себя Фома Аквинский. В своих многочисленных трудах, а в особенности в трактате «О правлении владык» он вводит различия между сущностью власти (божья воля) и ее осуществлением (конкретный способ правления). Последнее он классифицирует и подробно анализирует. Каркасом теории Фомы Аквинского явилось учение о законах, их видах и степени соподчиненности. Закон в разработках Фомы - это сущность власти как порядка управления и подчинения. Он устанавливается Богом, который замещает собой источник власти, ее онтологические основания. Однако отсюда не следует, что каждый конкретный правитель имеет власть от Бога и представляет его. Фома через тезис «выбора добра или зла» выводит, что князь может обрести власть незаконно и, следовательно, вопреки воле Бога. Однако, по Фоме Аквинскому, такая власть считается неправильной и ненастоящей [282].

Для объяснения различий форм власти Фома вводит понятия «происхождение власти» и «использование власти». Ориентируясь на работы Аристотеля, Фома использует категории справедливости и блага. Именно они отличают в конечном итоге настоящую власть от фальшивой. Последняя, является, по мысли Фомы, временным и неправильным способом управления

Переходом от средневековой онтологии власти к науке о власти эпохи Возрождения и философии Нового времени является трактат флорентийского мыслителя Данте Алигьери «Монархия» [70]. Данте синтезирует уже накопленный опыт античности и развитого Средневековья. От античности он взял стремление к классификации и описанию отдельных элементов проблемы через категории целого и части. Он в полной мере использует

категории сущности и явления, что свидетельствует о влиянии средневекового подхода к проблеме. Последнее и заставляет его постоянно искать некие общие фундаментальные черты светской монархии. Эта методологическая установка приводит Данте к формулированию задач, которые поднимают вопросы о субстанциональных основаниях светской власти: «Существует … некое действие, свойственное человечеству в целом, в соответствии с которым упорядочивается великое множество людей во всей своей совокупности, и этого действия не может совершить ни отдельный человек, ни семья, ни селение, ни город, ни то или иное королевство» [70, с. 25].

Основными понятиями, с помощью которых Данте исследует поставленную проблему, являются «воля», «согласие», «справедливость». Он мыслит глобально, в рамках всего человеческого рода, выходя за узкие границы изначально заявленной цели своего трактата – доказать эффективность и абсолютную ценность монархии. Используя формальную логику Аристотеля и наработанный опыт Средневековья, Данте делает попытку раскрыть сущность политического строя, что приводит к созданию ряда блестящих набросков о власти как более общего представления, чем политика или государство. Власть у Данте становится понятием, которое фактически претендует на статус категории.

Эпоха Возрождения обеспечила «второе дыхание» философии, искусству, политике, праву; заложила основания для становления науки, нанесла серьезный удар по философскому осмыслению власти, ее онтологическим основаниям. Н. Макиавелли, Гуго Гроций и др., обращаясь к теме власти, ставили перед собой прагматические задачи и решали их в духе научной рациональности. Их интересовали прикладные аспекты проблемы: как обеспечить отношение господства и подчинения, какой политический строй является приемлемым для их соотечественников [161]. Онтология власти оказалась невостребованной, а опыты Данте Алигьери были преданы забвению.

Возрождение и Новое время отказались от исследования онтологии власти и обратили внимание исключительно на построение масштабных утопий и рекомендаций по осуществлению власти. Одни исследователи делали это откровенно цинично [161], другие стремились найти некие идеальные формы осуществления власти [178], третьи являли собой воплощение сарказма по отношению к существующим властным режимам, выступая в роли интеллектуальных маргиналов [234; 238]. Но были и такие исследователи, которые стремились осмыслить, что же такое власть и, прежде всего - власть на феноменальном уровне [56; 157; 227]. Наибольшее влияние на концепции XIX в. и последующего времени оказали система Т. Гоббса и его метод разрешения проблемы власти как некой единой целостности. По существу Т. Гоббс заложил основания для формирования научного подхода к власти, который в конце XIX - начале XX в. усвоили политология и социология (основные положения концепции Т. Гоббса находятся в его центральном политическом трактате «Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского» [56]).

Т. Гоббс рассматривает проблему, исходя из принципа каузальности. Власть для него - это возможность достижения некоего блага. Она инициируется самим человеком, а не является постоянно присутствующей и неизменной метафизической величиной, как ее представляли в Средние века. Исследование власти Т. Гоббса - это механистическая теория в ее социальном приложении, где власть - это некое постоянно меняющееся отношение между двумя переменными. Носителем власти является агент, который стремится достичь блага, рассматривая других (объект власти) в качестве средства для достижения своих целей. Властные отношения асимметричны, конфликтны и ведут к господству одних людей над другими. Очевидно, что необходимо некое условие, чтобы описанная схема работала. Эту функцию выполняют договорные отношения, которые являются формой власти, ее регламентом. Договор между людьми позволил функционировать властным отношениям, сделал их реальными. Достижение блага как цель

властных отношений строго ограничено способом осуществления, который имеет свою форму и свой механизм. Наиболее ярким примером являются отношения между государством, обществом и человеком. Последний аспект получил особое рассмотрение в работах Ж.-Ж.. Руссо (апологетика) [227] и Б. Спинозы (критика) [252].

Помимо обоснования необходимости научного подхода к исследованию власти, представители Нового времени через формирование исторического подхода, создали предпосылки для возвращения данной проблемы в лоно философии. В отличие от античных и средневековых толкований проблемы власти «властеведы» Нового времени обращаются к историческим сюжетам. Так, Дж. Локк в своих «Двух трактатах о правлении», пытаясь определить «правильную» власть для человека, восходит к истокам христианской истории – к Адаму и Еве [157, с. 20 - 130]. Он демонстрирует неизменность сущности власти при постоянно изменяющихся формах правления.

В Новое время исторический аспект стал обязательным правилом для любого трактата, посвященного власти. Ситуация обрела подобие завершенности с выходом работ И. Гердера, когда у принципа историчности появились не только своя форма, но и конкретное содержание. Исследование предельных оснований власти получило при помощи ретроспективного взгляда необходимую фактологическую базу и вполне оправданное желание выявить общие неизменные основания власти «тогда» и «сейчас» при очевидно различных внешних формах проявления (См. И. Гердер. «Идеи к философии истории человечества» [54]).

Однако подлинная честь возвращения проблемы власти в рамки философского дискурс принадлежит представителям немецкой классической философии. Среди них следует особо выделить таких мыслителей, как И. Кант, И. Фихте и Г. Гегель [51; 52; 101; 102; 279-281].

Рассматривая исходные предпосылки власти, философы Античности, Средневековья, Возрождения и Нового времени использовали в качестве ключевых понятий «природу человека» и «божье провидение». И. Кант

существенно расширяет арсенал операциональных понятий. Он вводит и обосновывает понятие Воли (которое позднее развили А. Шопенгауэр [317] и Ф. Ницше [188]), рассматривая волю как необходимое основание власти, ее предпосылку. Второе необходимое основание власти Кант усматривает в Свободе. Сопряжение этих двух понятий задает интенцию власти вообще. Мера взаимосвязи свободы и воли задает границы власти, влияет на ее конкретные формы, формирует институт Закона и Государства. Проблему формы проявления власти И. Кант разрешил через понятия «мораль» и «право». Их различие по И. Канту заключалось в способах принуждения к поступкам. Мораль основана на внутреннем побуждении человека и осознании им своего долга, а право - на внешнем диктате [101-102]. Такая ситуация ведет к строго заданным схемам поведения, являющимся основными способами предложения властных решений. И. Кант методично разбирает и выстраивает категории власти, вооружая исследователя хорошо продуманным понятийным инструментом. Однако дефиницию власти он не выводит. Под властью он понимает и государство, и закон; и отношения подавления, подчинения, и диктат.

Философия власти И. Канта по сравнению с исследовательской практикой Нового времени намного богаче, хотя и не лишена противоречивости [216]. Рассмотрение власти через категории свободы и воли, нравственности и права, закона и государства позволило говорить об онтологии власти, о ее предельных основаниях.

Определенный вклад в становление философии власти вносит и И. Г. Фихте. В своих работах: «Основные черты современной эпохи» [281], «Назначение человека» [279] и в трактате «Основы естественного права согласно принципам учения о науке» [280] И. Фихте при рассмотрении меры соотношения свободы, морали, государства идет дальше И. Канта. В рамках «практической философии» И. Фихте рассматривает заявленную проблему в ее историческом аспекте через парадигму диалектического становления «Я».

Обосновывая положение, что «Я» полагает само себя, свое собственное бытие» - И. Фихте выходит на проблему порождения индивидом своего духа и, соответственно, личной свободы и собственности в форме отношения «Я» к миру, что является необходимым атрибутом становления и развития власти. И если ориентир на данную проблему в гносеологическом плане заложил еще И. Кант, то И. Фихте наделяет эти понятия практическим содержанием.

Становление «Я» возможно лишь при наличие другого, «Не-Я». Ибо становление человека и ориентир на признание (авторитет) возможны лишь в обществе, только среди людей. В этой связи для обретения личной свободы, через отношение с «Не-Я», необходимо ограничить свою волю, свободу и собственность признанием и принятием свободы, собственности и воли другого. Это возможно осуществить только при условии сохранения доминанты морали и права над эгоцентризмом, когда институт государства осуществляет общий контроль за формальной стороной процесса осознания и осуществления человеком своего «Я».

Таким образом, если для И. Канта необходимое ограничение стремления индивида к абсолютной свободе регулировалось личным долгом и внешним диктатом, то для И. Фихте регулятором выступает сама природа свободы. Ибо становление свободы мыслимо без **диалога** «Я» и «Не-Я», который предполагает взаимное ограничении стремления своих участников к безграничной свободе и утверждению абсолютной воли.

В философской традиции И. Фихте следует признать основоположником диалектики власти, философом, который впервые представил детально разработанную концепцию развития и становления власти, применив метод единства исторического и логического*.

Новое «прочтение» диалектики власти дал Г. Гегель. Его не без основания считают одним из основоположников волевой теории власти [6, с. 33]. Правда, как показало исследование наследия И. Канта и И. Фихте,

* Подробный анализ философских возрениях И. Фихте по этим вопросам см. [189]

волевая теория имеет свои теоретические основания уже в их философских системах. Поэтому заслуга Г. Гегеля в философском постижении власти видится в другом.

Его теория в самом общем виде выстраивается как «способность (возможность) одного субъекта навязывать свою волю другому субъекту» [6, с. 33]. У Г. Гегелю это звучит как «господство Духа, получающее форму всеобщности в любой сущности» [21, с. 4]. Специфика его философской системы обеспечивает особое прочтение вопросов взаимоотношения «человек – гражданин – государство». По Г. Гегелю высшей формой объективации Духа является государство, а следовательно, государство является и высшей формой господства и безусловным авторитетом как для общества, так и для человека. Человек рассматривается не столько как гражданин, сколько как подданный. Государство претендует на роль источника морали, права и свободы. Но если И. Кант и И. Фихте позиционировали власть в пределах человеческой природы, то Г. Гегель произвел фактическое отчуждение власти от человека, закрепив ее за обезличенным институтом государства.

Можно сделать вывод, что Г. Гегель в методологическом плане определил вектор развития индустриальной цивилизации с ориентиром на закон и национальное государство, в противовес праву и гражданскому обществу.

Еще одним интересным аспектом диалектики власти Г. Гегеля являются его размышления о статусе субъекта и объекта власти. В своей работе «Феноменология духа» [51] Г. Гегель представил диалектику отношений господина (субъект власти) и раба (объект власти). По Г. Гегелю там, где встречаются два человека, неизбежно возникает напряжение. Каждый из них хочет, чтобы другой признал его господином ситуации. В этой борьбе неизбежно один будет подчинен другому. Но господин (подчиняющий) является подчиняющим только потому, что раб признает его в качестве господина. Однако ситуация может измениться, когда:

- господин не сможет признавать за рабом его рабский статус, а себя позиционировать как господина;
- раб откажется видеть в себе раба и признавать за господином его статус;
- более того, возможен вариант, когда раб становится господином господина.

Игра «господин-раб» развивается на государственном, общественном и личностном уровнях. Дилемма «раб-господин», возникшая еще в античную эпоху, получила у Г. Гегеля всестороннее развитие и стала органичной частью его философии власти. Впоследствии проблема «раб-господин» нашла свое новое толкование в классической формуле Б. Рассела: «А подчиняется Б в условиях С, но при условии К, Б подчиняется А» [337, с. 204]. В таком виде она вошла в абсолютное большинство кратологических работ XX века.

Философия власти Г. Гегеля послужила основанием представления о субъекте и объекте власти, о тождестве власти и государства на протяжении всего XX в.

Кроме того, существенное влияние на кратологию оказала его диалектическая методология. Диалектика Г. Гегеля, которую можно рассматривать как качественную теорию развития, позволяет исследовать власть как закономерный процесс, увидеть в становлении власти логику поступательного процесса с предсказуемым результатом. Она обеспечивает возможность свободно и методически корректно оперировать категориями сущности и явления, целого и части, общего и единичного.

Младогегельянцы, «поставив философию Гегеля с головы на ноги», лишили власть ее онтологического статуса, а окунувшись в стихию политической борьбы, обратились к тем же проблемам, что и мыслители Нового времени, но на качественно ином уровне [164]. Проблема изучения власти требовала известной отвлеченности от бурных, но сиюминутных политических событий и не могла быстро принести «дивиденды». Поэтому, в

очередной раз, проблема власти лишилась своей самостоятельности, став заложником проблемы государства, свободы, равенства и справедливости.

Проблема власти как таковая в исследовательской практике исчезла, оставив вместо себя нейтральный термин власть. Эта ситуация стала во многом возможной благодаря возникшему во второй половине XIX в. позитивизму, который методологически «законсервировал» идеи И. Канта, И. Фихте и Г. Гегеля, не дав им развиться в философию власти как особую отрасль философии. После усилий О. Конта философия власти как таковая исчезает [118]. Новые науки социология, психология, политология дают свое, прагматическое прочтение исходных посылок власти.

Единственной философской работой в это время является неоконченный труд Ф. Ницше «Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей». Эту работу Ф. Ницше следует считать первым образцом социально-философского дискурса о власти. Она построена с учетом наработанного опыта исследования феномена власти. В ней есть и онтология, и история, и практика. Системное видение власти он обосновал, используя ключевые понятия «жизнь», «воля», «свобода», «общество», «человек», «государство», «авторитет» и «справедливость». Власть - это не просто механизм подавления индивида индивидом и не некая абстрактная сила или начало, а феномен, коренящийся в человеческом обществе, инициирующий его развитие и усложнение. Ф. Ницше методично ищет источники власти и находит их не просто в человеческом обществе, а в Человеке, его индивидуальной воле и свободе. Воля к власти - это стержень человеческого общества, при потере которого общество деградирует [187, с. 21, 31]. Подобный антропологический поворот проблемы власти Ф. Ницше проводит через наполнение заявленных общефилософских категорий аксиологическим и философско-историческим содержанием [188, с. 466-582].

Работа «Воля к власти» является таким же рубежом в философии власти, как и трактат Данте Алигьери «Монархия». «Воля к власти» Ф. Ницше подводит итог новоевропейского опыта исследования власти, накопленного в

течение пяти веков. Как и работа Данте, она не относится ни к научному, ни к религиозному, ни к чисто философскому дискурсу. Обе концепции подготовлены в духе практической философии и во многом обязаны своим появлением трансформационным процессам (в одном случае средневековой Европы, в другом - Европы Нового времени). Они являются своеобразной квинтэссенцией дискурса о власти своих эпох. Так же, как и работа А. Данте, капитальный труд Ф. Ницше отодвигается на второй план новомодными исследованиями и обретает заслуженное признание лишь на следующем витке постижения власти – в конце XX века.

XX век не дает повода говорить об отчетливо выраженной философии власти. Х. Арендт, П. Бурдье, М. Вебер, Э. Канетти, Н. Луман, С. Московичи, Т. Парсонс, Б. Рассел, М. Фуко [8; 9; 36; 39; 100; 158; 180; 198; 287; 337] совмещали в своих исследованиях власти философию, психологию и социологию, опираясь как на философские, так и на научные методы освоения социальной действительности. Каждый из них вырабатывал свой, исключительно ему присущий способ постижения власти, который было бы некорректно сводить к науке или философии.

Говоря же об онтологии власти, следует отметить усилия М. Вебера, направленные на то, чтобы выявить психологические основания власти, работы М. Фуко, пытавшегося обосновать невозможность вычленения каких-либо онтологических оснований власти, труды Н. Лумана, сводящего онтологию власти к почти кибернетической теории систем [158].

Но при этом тема власти, в рамках если не академической, то университетской науки, все больше отождествляется с политологией. Говорить о научном понимании власти стало означать говорить о политологии*. Такой подход закрыл тему философского дискурса о власти. Но, как справедливо заметил М. Фуко, XX век продемонстрировал бессилие

* Модными стали работы являющимися практическими руководствами по удержанию власти, например см. [61]

западной научной мысли подменить философию в решении фундаментальных, предельно общих проблем власти [287, с. 75].

Нетрудно заметить, что из этого краткого обзора «выпала» отечественная кратология. Дело в том, что онтологические аспекты власти в работах отечественных философов, от Г. Сковороды до Н. Бердяева, практически не присутствуют. Исключение составляют Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, И. А. Ильин, П. Кропоткин, Н. Бердяев [22; 76; 89; 136]. Отечественные мыслители занимаются вопросами государства, права, свободы и справедливости. Они вписываются в традиционную схему развития западной мысли.

Начавшийся этап систематического постижения онтологии власти со стороны Г.В. Плеханова, В.И. Ленина, Л.М. Троцкого, Б.Н. Хатунцева в 20-30-ые годы был прекращен [205, 153, 269, 292], а само понятие «власть» надолго исчезло из энциклопедических и философских словарей Советского Союза.

Ренессанс внимания к феномену власти наступил во второй половине 60-х годов. Первым значительным исследованием власти стала монография известного ленинградского философа Н.М. Кейзерова «Власть и авторитет. Критика буржуазных теорий» (М., 1973). Спустя полтора десятилетия вышла коллективная монография «Власть: Очерки современной политической философии Запада» [45]. Этими работами история советской онтологии власти не исчерпывается. Можно отметить также исследования Н. И. Осадчего «Социально-философский анализ власти как общественного явления» [193]; Г. Г. Филиппова «Социальная организация и политическая власть» (М., 1985); А. Г. Аникевича «Политическая власть: вопросы методологии исследования» [6] и др. По глубине поднятых проблем, фундаментальному анализу феномена власти они могут считаться эталоном для последующих исследователей власти.

Восприняв новые веяния, постсоветская политическая наука сумела заявить о принципиально новом научном (но старом философском) подходе к изучению заявленной проблемы.

В 1991 году в журнале «Партийная жизнь» впервые было представлено широкой аудитории понятие кратология (властеведение). За прошедшие пятнадцать лет усилиями доктора философских наук, академика Виктора Федоровича Халипова и его последователей была выработана целостная концепция новой отрасли научного знания под обобщающим названием – кратология. Было подготовлено несколько десятков монографий, составлен ряд словарей и хрестоматий, подробно разработан учебный курс новой академической дисциплины, открыто несколько вузовских кафедр кратологии.

Основной идеей концепции В.Ф. Халипова было создание «не идеальной схемы власти, а полной научной картины той реальной властной практики, с которой люди имеют дело» [290, с. 39]. Для осуществления этой заявки В. Ф. Халипов определил в качестве объекта нового научного знания власть во всем ее многообразии, а в качестве предмета – «основные явления, принципы и закономерности реального мира власти» [290, с. 26]. Особенное внимание предполагалось уделить государственной власти [290, с. 3].

Формулируя цель и задачи новой научной отрасли, Халипов сделал основной акцент на практической значимости, фактически отказавшись от построения фундаментальной кратологии. Это нашло свое отражение в заявленной им цели кратологии. Она заключается в «предвосхищении результатов деятельности и установки на достижение таких результатов, которые предопределяют исследовательские, прогностические, практические усилия и преследуют необходимость найти оптимальные решения возникающих проблем применительно ко всему разнообразию условий – исторических, социальных, персональных, национальных и т.д.» [290, с. 28]. Практическая направленность кратологии определяет ее конкретные задачи:

- выяснение сути, природы, состава (комплекса) властей и возможностей

их использования;

- определение подлинных (и закулисных) действующих субъектов, объектов власти;
- установление принципов, закономерностей власти;
- отслеживание (мониторинг) тенденций развития конкретных проявлений власти;
- изучение меры, степени, масштабов воздействия внутренних и внешних факторов на происходящие преобразования власти;
- непредвзятую оценку истинного состояния власти и науки о ней [290, с. 28-29].

По мысли В.Ф. Халипова, для решения поставленной цели и сформулированных задач необходимо сконцентрировать в рамках кратологии положительный опыт смежных наук, которые так или иначе исследуют проблему власти (в составленном автором списке таковых наук насчитывается более 70 наименований).

Кратология представляется В.Ф. Халипову в качестве системы мультиотраслевого научного знания о власти с ориентиром на практическое применение уже накопленного теоретического багажа в области фундаментальных исследований власти как философского, так и научного характера. При этом сама власть определяется как «универсальное и повсеместно распространенное явление, регулятор отношений (управляемости) в живой природе.., уберегающее от самоистребления, различного рода страхов, ограничивающее от взаимоистребления, хотя нередко и способствующее такому взаимоуничтожению путем войн или соперничества в борьбе за существование» [290, с. 16].

Конечно, приведенные положения не бесспорны и нуждаются в уточнениях, дополнениях и, возможно, переработке. Однако само намерение определить власть как объект самостоятельной области научного знания заслуживает всяческого внимания. Выделение власти в качестве объекта новой отрасли научного знания – кратологии - это реальная возможность

преодолеть узко научный (политологический или социологический) взгляд на власть.

Но для определения фундаментальных положений кратологии В.Ф. Халипов воспользовался формой классического научного дискурса, который уже продемонстрировал свое бессилие в создании сколь-нибудь долговечной концепции власти. В результате возник явный перегиб в сторону повседневных практик власти, их государственных аспектов в ущерб фундаментальной кратологии. Это проявилось, в частности, в сужении предмета новой науки. Для исправления этой ситуации имеет смысл обратиться к опыту социально-философского, практического постижения заявленного объекта исследования. Обращение к этому дискурсу философии обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, с самого начала постижения феномена власти человеческая мысль обратилась к ее практическим характеристикам, заинтересовалась аксиологической проблематикой. Позднее усилился философско-исторический аспект рассмотрения власти и ее составляющих. Наиболее полно и удачно исследование проблемы власти проявилось в социально-философских работах Данте Алигьери и Ф. Ницше. Это дает основания утверждать, что для постижения власти вообще и для формирования науки о власти социально-философский дисурс наиболее плодотворен.

Во-вторых, социально-философский дискурс располагает возможностью интегрировать разные пласты человеческого знания (социологии, психологии, философии, политологии, правоведения) и сделать заявку на раскрытие подлинной сущности власти, лучше оценить такие фундаментальные проблемы сегодняшнего дня, как кризис управления, потеря субъектами власти авторитета и доверия у населения, ограниченная дееспособность принципов либеральной демократии в посттоталитарных государствах.

В отличие от кратологии, социальная философия уже имеет наработанный опыт решения комплексных задач в рамках

компаративистского подхода к проблеме власти, что позволяет выделить конкретный потенциал социальной философии в области познания власти:

- философия, как форма рационального освоения мира, изначально ориентирована на открытие предельных оснований бытия мира и в этом смысле для всех отраслей гуманитарного освоения она является источником знания общего, которое «в процессе социального научного познания обогащается конкретным фактическим материалом и преобразуется в систему взаимосвязанных понятий и суждений» [219. - с. - 54] общего и единичного, целого и части;
- социальная философия обеспечивает возможность изучать власть на уровне ее исходных, аксиоматических посылок, что дает возможность выявить достоинства и недостатки применяемых методологических стратегий для постижения власти;
- социальная философия обеспечивает возможность построения единого понятийно-категориального аппарата постижения власти (которого до сих пор нет ни у кратологии, ни у политологии), опираясь на определенную, заранее сформулированную стратегию изучения заявленного объекта и предмета науки о власти.

Построенная по принципам классической науки, кратология стремится найти универсальные законы власти, не обращая внимания на принцип конкретности истины. Подтверждением тому служат попытки последних десяти лет изучать специфическую властную реальность в Украине или в России с точки зрения теорий решения конкретных проблем, стоявших перед западным миром (особой популярностью пользуются теории М. Фуко, Ю. Хабермаса, Н. Лумана, М. Вебера и т.д.). Эффективность подобных экстраполяций сомнительна, а методологические аспекты их применения, по меньшей мере, спорны. Что касается социальной философии, то она, используя свою специфику постижения реального мира, способна привнести в кратологический дискурс изрядную долю конструктивной критики и

способствовать усовершенствованию принципов постижения власти в рамках самостоятельной научной области знания.

Выводы:

1. Социальная философия выступает в властеведении как системообразующий институт всего комплекса кратологического знания.
2. Значение социальной философии проявляется в анализе перспективных методологических стратегий и в формировании категориального аппарата кратологии.

1.2 Методология исследования феномена власти

Проблема методологии как стратегии исследования феномена власти получила определенную, но недостаточную разработку. Больше внимания было уделено методам изучения власти, как совокупности приемов и операций теоретического или практического освоения власти. Немало усилий, как в отечественной, так и зарубежной кратологии было направлено на изучение специфических авторских концепций, основанных на фундаментальных основаниях той или иной теории организации общества. Однако самим подходам как масштабным исследовательским парадигмам (под ними в данном случае понимается комплекс фундаментальных положений, в рамках которого формируются специфические методы постижения действительности) не было посвящено ни одной монографии. Можно говорить лишь об отдельных параграфах в той или иной диссертации, где дается беглый обзор существующих методологических стратегий.

В рамках заявленной темы диссертации сравнительный анализ существующих гносеологических подходов освоения власти является насущной необходимостью. Это обусловлено как неудовлетворительным состоянием методологических оснований кратологии, так и спецификой проявления власти в условиях трансформационных процессов современного общества. Специфические условия трансформационного периода проходят по реестру особенного, а поэтому требуют выработки особых исследовательских программ. Существующие концепции власти претендуют на объяснение частных случаев власти, не посягая на представления власти как целого. Это и определяет необходимость сравнительного анализа гносеологических подходов и их осуществления в философии власти, с надеждой выявить их достоинства и недостатки для достижения заявленной в диссертационной работе цели и для выполнения сформулированных задач.

Аналитический подход

В западной кратологии аналитический подход является наиболее распространенной гносеологической стратегией освоения власти. Под аналитическим подходом понимается семантико-лингвистический анализ понятийно-категориального аппарата власти. Конечно, название достаточно условное, однако с легкой руки известного исследователя власти В.Г. Ледяева прочно вошло в кратологию.

Этот подход был подробно разработан и получил всестороннее развитие в трудах таких авторитетов политологии и философии власти, как Р. Даль, Дж. Марч, С. Льюкс [333-335] и др. Особый колорит этому исследовательскому направлению придала французская школа постижения власти в лице П. Бурдье, С. Московичи и М. Фуко [36, 180, 287].

Аналитический подход к постижению власти с методологической точки зрения многоаспектен. Построенный на анализе лингвистических форм освоения власти (исследователи насчитывают более 500 основных концептов дискурса власти), он предполагает значительное многообразие авторских теорий. Однако, несмотря на разнообразие идей, методик и концепций,

сторонников аналитического подхода объединяет не только методологическое сходство форм анализа, но и стремление ответить на один фундаментальный вопрос, который является камнем преткновения данного направления кратологии. Возможно ли выработать (освоить, создать, построить) общее определение власти и сопутствующие ей понятия (свобода, воля, равенство, справедливость и др.)? В зависимости от решения этого ключевого вопроса западная традиция распадается на два направления. На этом ключевом аспекте стоит остановиться более подробно.

Возможность и целесообразность выработки общих понятий как инструмента познания властной реальности оспаривались часто и достаточно аргументированно. Наиболее емко такая позиция представлена в работах известного западного политолога С. Льюкса. Согласно С. Льюксу, власть является «сущностно оспариваемым понятием» и, как таковое, не имеет универсального определения [334]. Основная идея сущностно оспариваемых понятий сводится к следующему.

Во-первых, политические и социальные понятия власти, свободы, справедливости имеют неотъемлемую ценностную составляющую. Идеологический элемент как бы непосредственно «встроен» в содержание этих понятий, и это обрекает на неудачу любые попытки его «объективного» определения.

Во-вторых, каждую точку зрения по указанным понятиям теоретически доказать можно, а опровергнуть эмпирическим путем ту или иную теорию практически невозможно. Отсюда следует отсутствие приоритетности версий относительно понятийного аппарата социальной реальности и невозможность разрешить спор между ними на основе рациональных аргументов [151. - с. - 11]. Ситуацию усугубляет то, что власть как проблема имеет бесконечное множество проявлений, и, следовательно, нельзя выработать общее понятие, которое подходило бы под каждый аспект власти.

Против этой точки зрения выступил один из авторитетов российской кратологии В. Г. Ледяев. Его монография «Власть: концептуальный анализ»

[151] является прямым ответом на теорию «сущностно оспариваемых политических и социальных понятий». Аргументация В. Г. Ледяева о возможности и даже необходимости создания предельно общих понятий как инструмента познания власти безупречна (по крайней мере, в рамках заявленного им аналитического направления философии). Однако его видение проблемы влияния ценностного фактора исследователя на содержание того или иного социального понятия нельзя считать удовлетворительным. По сути аргументация В.Г. Ледяева сводится к ремаркам о незначительности ценностного фактора власти и возможности (целесообразности) избегать абсолютизации этого влияния [151, с. 14]. В рамках социально-философского дискурса такую позицию можно рассматривать как явное упрощение проблемы.

В данном исследовании «ценностная зависимость» понятий власти рассматривается как необходимый компонент их успешного использования. Это положение имеет свои основания и свою аргументацию. Прежде всего, кратологические понятия должны использоваться как инструменты для познания конкретной социальной реальности. Попытка вывести предельно обезличенные понятия для решения насущных проблем сегодняшнего дня приводит к неудачам. Например, когда понятийные аппараты М. Фуко, Ю. Хабермаса, П. Бурдье и других западных исследователей используются для познания ситуации, которая сложилась на территории постсоветского пространства, то как правило, практические результаты таких исследований равны нулю. Слишком различны условия существования развитых обществ западной Европы и трансформирующихся посттоталитарных обществ на постсоветском пространстве, которым еще только предстоит обрести свое лицо. Слишком различны системы ценностей в рамках указанных сообществ. Создание понятийного аппарата без учета ценностей общества и свойств связанных с ними, которое он призван отображать - занятие бесперспективное и сомнительное.

Для исследования проблемы на феноменальном уровне ценностный фактор является необходимым условием постижения властной (социальной, культурной, политической и даже экономической) реальности. Его введение в ткань исследования возможно через изучение семантики предмета исследования в живом и литературном языке. Что касается сущностного уровня, то вполне возможно выстроить ряд категорий, которые являлись бы универсальными, т. е. подходили бы для исследования глубинных процессов, происходящих в плоскости власти самых разнообразных сообществ, стоящих на исторически разных уровнях развития. Другое дело, что категориальный каркас без конкретных терминов – мертворожденный концепт, но и понятия, наполненные конкретным смыслом, без масштабного анализа ситуации на уровне абстрактных, предельно обезличенных концептов – категорий, обречены на поверхностный анализ.

Особенностью аналитического подхода, в котором существуют основания для аберрации, является ситуация, когда социальные, экономические, политические, правовые аспекты власти служат лишь для иллюстрации таких понятий, как политика, демократия, свобода, равенство, справедливость. Последние как бы вырваны из реальности и де-факто подчинены первым. Отсюда особое значение имеют проблемы смысла, формы и содержания исследуемых понятий, а также методологический разрыв между теорией и практикой исследования.

Среди отечественных исследований в рамках аналитического подхода следует отметить уже упоминавшуюся монографию В. Г. Ледяева и исследование одного из пионеров этого направления А. Г. Аникевича «Категориальный ряд власти: социально-философский аспект» [6]. Если исследование В. Г. Ледяева представляет собой классическую работу в духе Р. Даля, то работа А. Г. Аникевича несет печать советской традиции, когда понятия рассматриваются через их реальное содержание, помагая избежать бесперспективного спора о словах, который переносится в рамки практической философии. Исследование А. Г. Аникевича имеет

определенную значимость для кратологии, а работа В. Г. Ледяева - для теоретической философии, а также для формирования дискурса в рамках общегуманитарного знания о власти.

Опыт показывает, что исследования власти в рамках аналитического подхода в отечественной кратологии редки, однако использование аналитического метода как вспомогательного – очень популярно и разнообразно в способах его применения. И это не просто дань философской моде XX века. Рассмотрение понятий, с помощью которых осваивается проблема власти, по определению обеспечивает отправную точку отсчета будь-то философского или политологического исследования. Другое дело, по каким принципам будет построена эта часть исследования. Будет ли это попытка выявить категориальную структуру идеального объекта с ориентиром на применение его для практического исследования или же демонстрация в духе конвенциализма, где автор лишь договаривается о содержании используемых им терминов и предлагает свою интерпретацию существующих семантических конструктов. Первый вариант предпочтительней

В рамках данного диссертационного исследования использование аналитического подхода для построения понятийно-категориального каркаса изучаемого объекта и предмета исследования будет осуществлено в следующих подразделах диссертации, обеспечив его социально-философскую направленность.

Системный подход

Системный подход ориентирует исследователя на познание целостности общества, на выявление всей совокупности его внутренних и внешних связей и, в конечном счете, на сведение знаний об объекте в единую теоретическую картину [219, с. 255]. Системный подход как таковой включает три вида анализа:

- системно-структурный;
- системно-функциональный;

- системно-динамический.

Суть системно-структурного анализа заключается в установлении частей системы и связей между ними. Он позволяет проявить состав системы, определить ее сложность и пределы гибкости ее физической структуры.

Системно-функциональный анализ ориентирован на рассмотрение взаимосвязей и взаимодействия частей системы. Он предоставляет возможность выявить функцию системы, ее свойства и характер связей между элементами систем.

Системно-динамический анализ заключается в изучении механизмов развития и изменения систем. Он нацеливает исследователя на рассмотрение генезиса системы, анализ устойчивых тенденций ее трансформации, определение оптимальных критериев ее развития*.

В силу своей гибкости и почти математической точности системный подход позволяет исследователю работать со сложнейшими структурами, выявлять взаимосвязь их компонентов, оценивать жизнеспособность и предел сопротивляемости целого. Успехи системного подхода в моделировании сложных систем, особенно в генетике, кибернетике и социологии привели к его широкой популярности как в естественных, так и в гуманитарных науках. Не избежало увлечения системным подходом и кратологическое знание. По сути, сама идея и оформление кратологии является следствием системного мышления, но это не означает, что системный подход к власти лишен недостатков.

В зарубежной кратологии наиболее авторитетными сторонниками этого подхода можно считать: Аристотеля, Т. Гоббса, Э. Канетти, а также современных классиков Т. Парсонса и Н. Лумана. Подготовленная в 80-х годах XX века работа Н. Лумана «Власть» несет отпечаток увлеченности гуманитариев успехами кибернетики как системы связей и управления. О многом говорят уже названия глав этой фундаментальной монографии:

---

* Несколько отличное от классического представления системного похода см. статью А.Ю. Цофнаса [299, с. 33-36]

«Власть как средство коммуникации», «Кодовые функции», «Генерализация влияния». Н. Луман рассматривает власть как некоего посредника между людьми, классами, обществом, государствами и др. Но при этом за функциями власти, ее феноменами теряется само представление о власти как целостном явлении. Понятие власти предельно сужается и редуцируется до уровня управления, координатора передачи информационных пакетов от объекта «А» до объекта «Б». Любопытно, что в этом отношении наблюдается почти концептуальное сходство методологической стратегии немецкого социолога с диалектическим материализмом в его московском прочтении, где проблема власти также сжимается до уровня кибернетики: канала передачи информации между двумя или более физическими объектами.

Почему это произошло? По-видимому, и в первом, и втором случаях абсолютизация системного подхода привела к исключению метафизической составляющей власти. Системный подход, по определению, способен оперировать лишь рациональными, логически непротиворечивыми феноменами. Все, что выходит за рамки структуры и функции, автоматически выводится за грань исследования. Как показывает материал предыдущего подраздела, это весьма негативно сказывается на глубине исследования власти. Воля и свобода, равенство и справедливость редуцируются до количественных характеристик и теряют свой онтологический статус. Остается лишь частный аспект власти, хотя и легко фиксируемый в количественных характеристиках – управление. Истину этого тезиса наглядно доказывает анализ российских исследований власти в рамках системного подхода [58; 67; 80].

Преодолеть недостаток системного подхода, но в то же время сохранить представление о власти как структурно организованном явлении возможно через синергетику. Синергетический подход рассматривает объект не статично, а в динамике. Он вводит в гносеологию власти метафизическую составляющую через категорию хаоса и понятие «точка бифуркации».

Синергетический подход

Синергетический подход в его классическом варианте И. Пригожина и Д. Глейка обеспечивает:

- рассмотрение проблемы самоорганизации объекта;
- выявление механизмов спонтанного образования;
- сохранение сложных систем, особенно находящихся в отношении устойчивого неравновесия со средой;
- исследование нелинейных эффектов эволюции систем, их кризисов и бифуркаций.

Уже из этого краткого обзора возможностей видны широкие перспективы изучения власти в рамках синергетического подхода в диапазоне от поиска онтологических оснований власти до фундаментальных разработок представления о власти как специфическом виде отношений между идеальным хаосом и идеальным порядком [55, 159]. Однако, как ни странно, этот подход в кратологии малопопулярен (он используется в редких кандидатских диссертациях, тезисах конференций, в философских брошюрах). Более того, синергетические аспекты власти рассматриваются преимущественно не философами, а психологами, социологами, юристами, что значительно обедняет объект и предмет исследования. Так, можно отметить любопытную брошюру российского ученого Л. В. Лескова [155], где формулируется новый подход к социальному прогнозированию через дилемму взаимоотношений сакральной власти и власти, основанной на знании. Автор заявляет о синергетической кратологии. Но это заявление скорее декларировано, чем обосновано.

Попытка обнаружить среди известных западных концепций власти традицию синергетического подхода не увенчалась успехом. Можно говорить лишь о присутствии элементов синергетического мышления в исследованиях власти Д. Батлер, П. Бурдье, Н. Лумана, Э. Тоффлера, М. Фуко [20; 36; 158; 266; 287].

Возможно, что игнорирование синергетики как средства постижения саморазвивающихся объектов кроется в невнимании кратологов к вопросам,

связанным с историей власти. Работ, посвященных истории развития власти, пускай даже исключительно как социальной системы, очень мало [58; 230]. История власти ограничивается изучением идей мыслителей прошлого о власти, но не развития самой власти, как специфической организованной системы человеческих отношений. Поэтому и синергетика, делающая упор на долгосрочном развитии сложных систем, мало популярна, а вопросы хаоса, порядка и власти трансформируются в конкретные проблемы аномии, иерархии и управления, что значительно обедняет кратологию и лишает философию власти права на поиск онтологических основ власти.

Учитывая заявленную цель диссертации, ее философско-историческую направленность, предполагается широко использовать синергетическую модель гносеологического отношения к объекту и предмету исследования, в особенности, когда речь идет о долгосрочных прогнозах развития власти.

Диалектический подход

Диалектический подход в силу его политической маркированности является «золушкой» современной кратологии. Это связано с прочно укоренившейся традицией современных исследователей власти отождествлять диалектический подход с марксизмом, диамат с истматом. Однако это очевидное заблуждение. Эти понятия необходимо различать.

Сам по себе диалектический подход, который находит свое выражение в общеизвестных трех принципах диалектики, является хорошо разработанной методологией рационального освоения мира и в этом отношении составляет достойную конкуренцию уже заявленным гносеологическим стратегиям. При этом следует отдавать себе отчет, что существует диалектический подход, основанный на нескольких предельно обобщенных принципах, а также существуют философские учения, широко применяющие диалектический подход как инструмент познания. Можно выделить очень разные, но имеющие в своем фундаменте три принципа диалектики, философские концепции: Г. Гегеля, К. Маркса, Н. А. Бердяева, В. И. Ленина, Э. В. Ильенкова, [51; 164; 22; 153; 88].

Существенное влияние диалектический подход оказал на фундаментальную работу о власти отечественного философа Н. А. Бердяева «Царство духа и царство Кесаря». Заложенное уже в названии противопоставление позиционируется автором как источник развития общества и находит своих близнецов в таких противоположных и тождественных явлениях, как человек и Бог, человек и кесарь [22, с. 296-301, 310-317].

Примером использования диалектики власти в постсоветской философии служат работы [171; 207; 277]. Лишенные недостатков, связанных с политической заангажированностью диамата, они представляют собой яркие примеры исследования власти в рамках диалектического метода. В Западном мире любопытным способом использования принципов диалектики являются работы известного американского социолога Э. Тоффлера: «Третья волна» и в особенности «Метаморфозы власти» [266; 267].

Это доказывает необоснованность отказа от диалектики по соображениям ложной «моральной, научной или политической чистоплотности». Появление в последние годы исследований власти, созданных в рамках диалектического подхода, свидетельствует о новом витке интереса к представленному подходу и актуальности его применения.

В рамках данной диссертации диалектический подход интересен прежде всего как теория, объясняющая не только возможность противоречий (коими пестрит проблема власти), но и источник их развития. Немалое влияние на изучение феномена власти оказывает и принцип отрицания отрицания, способный в гносеологическом симбиозе с синергетической категорией «точка бифуркации» выявить сущность переходного периода и существенные аспекты трансформационных процессов, их интенцию и логику развития. Применение возможностей диалектики позволит наметить один из вариантов обеспечения кратологической потребности в

исследованиях истории власти, как необходимого компонента футорологических коментариев общественного развития*.

Интервальный подход

Интервальный подход был концептуально оформлен во второй половине XX столетия. В конце XX - начале XXI века он получил солидное обоснование в целом ряде монографий, статей и сборников тематических конференций. Более того, интервальный подход ныне можно рассматривать не только как интересную философскую концепцию, но и как предмет нескольких основательно разработанных учебных курсов.

Основным тезисом интервального подхода, который рассматривается его авторами Ф. В. Лазаревым и М. М. Новоселовым, как продолжение диалектики (вводится даже определение «интервальная диалектика» [145, с. 31]), служит идея относительности, что ведет к обоснованию принципа многомерности мира.

Интервальный подход утверждает, что пространство бытия объекта многомерно. В одних условиях он актуализирует одни свои качества, в других – другие [145, с. 25-26]. В рамках интервального подхода снимается абсолютизация таких понятий, как тождество и различие, получает новое прочтение закон единства и борьбы противоположностей, обосновывается концепция о «многомерной системе», получает свое дальнейшее развитие принцип «конкретности истины» [145, с. 32].

В целом интервальный подход способен предложить новое осмысление плохо изученных парадоксов власти: ее кажущийся «хаотичный беспорядок», «сильную слабость», абсолютность власти и ее относительность... К сожалению, кратологическая мысль еще не осознала в полной мере достоинства этого подхода и перспективы его применения для освоения феномена власти.

---

* Сравнительный анализ синергетики и диалектики в рамках методологических стратегий социальной философии см. [57, 109].

В рамках данного диссертационного исследования масштабное применение интервального подхода возможно лишь при условии фундаментальной проработки его гносеологических возможностей при постижении власти. Однако ни в отечественной, ни в зарубежной литературе к этому аспекту эпистемологии никто не обращался. Все же при известном формате исследования, корректное применение этого нового и перспективного метода исследования возможно в прикладном аспекте, на уровне изучения эмпирии власти в разных интервалах (политическом, социокультурном, правовом, экономическом).

Наряду с отмеченными подходами исследования феномена власти хорошо себя зарекомендовали: метод единства исторического и логического, метод восхождения от абстрактного к конкретному, метод структурно-функционального анализа, общелогические приемы анализа и синтеза.

Метод единства исторического и логического

Благодаря Иоганну Гердеру принцип историчности в познании явлений прочно укоренился как в философии, так и в науке. Он сделал познающего субъекта потенциально способным расширить свои гносеологические возможности при изучении сложноорганизованных и активно трансформирующихся объектов [54, с. 618-619]. На практике принцип историчности применяется как составная часть метода единства исторического и логического. При помощи категорий становления и развития принцип историчности «отвечает» за видоизменение объекта изучения, а логическое теоретически воспроизводит развивающийся объект во всех его закономерных связях и отношениях. Достоинство метода единства исторического и логического - в возможности выявления закономерностей развития объекта не столько при помощи систематизации и обобщения эмпирического материала, сколько через исследование основных фаз его развития на сущностном уровне.

Этот метод является незаменимым, когда возникает необходимость обратиться к изучению постоянно изменяющейся социальной реальности.

Общество, как **саморазвивающаяся** система, по определению, находится в процессе постоянного развития, логику которого можно постичь, лишь применяя принцип историчности. Все сказанное в полной мере относится к власти, которая является существенным элементом структуры общества.

Использование заявленного метода можно обнаружить уже в трудах Платона, Аристотеля, Аврелия Августина, Д. Локка [157, 202-204]. Однако первое масштабное применение метода единства исторического и логического для изучения феномена власти принадлежит перу И. Фихте и Г. Гегелю.

В настоящее время для постижении власти метод исторического и логического применяется спорадически. Однако те редкие монографии, в которых он оказывается востребован, входят в золотой фонд кратологии. В качестве подтверждения заявленного тезиса можно привести монографии М. Фуко «Надзирать и наказывать», Э. Тоффлера «Метаморфозы власти» [266], Ю. Хабермаса «Вовлечение другого. Очерки политической теории» [289].

Эти исследования демонстрируют, что метод исторического и логического и ныне сохраняет свой познавательный потенциал при обращении к проблеме власти.

Метод восхождения от абстрактному к конкретному

Этот метод характеризует развитие гносеологического отношения от менее содержательного к более содержательному и более совершенному знанию. Использование метода предполагает осуществить построение идеализированного объекта как необходимое условие движения мысли от абстрактного к конкретному. В этом качестве идеализированный объект выступает как мысленная познавательная конструкция реальности, позволяющая при помощи предельно широких понятий – категорий, выявлять существенные связи и закономерности, недоступные при изучении реальных объектов.

Этот метод особенно востребован при обращении исследователя к проблеме власти. Заявленный объект изучения, как об этом свидетельствует

история его познания, постоянно демонстрирует способность оставаться вне рамок исследовательского поля, имеющего исключительно эмпирический, прикладной характер. Попытка исследовать власть, опираясь на методы наблюдения, описания, измерения, приводила проблему власти к редукции до уровня проблемы управления. Эту аберрацию можно преодолеть только через обращение к методу восхождения от абстрактного к конкретному.

Метод структурно-функционального анализа

Заявленный метод предполагает рассмотрение взаимодействия частей системы с точки зрения их роли в ее сохранении и воспроизводстве.

Классически метод структурно-функционального анализа имеет следующий алгоритм применения:

- определение основной функции системы;
- указание подфункций системы, ее отдельных частей;
- установление иерархии частей системы с учетом принципов детерминации, когерентности и синергии;
- выявление возможной дисфункции системы и способов ее преодоления;
- характеристика механизма регуляции системы.

При исследовании проблемы власти метод структурно-функционального анализа применяется для выявления элементов властной реальности и определения их функций в совокупности всех частей власти как единого целого. Однако, выступая неотъемлемой частью системного подхода, он несет на себе отпечаток ограниченности его познавательных возможностей.

Так, изначальная посылка метода предполагает, что существование власти как некого рационального объекта исключает метафизическую, иррациональную составляющую власти. К каким негативным последствиям приводит заявленная гносеологическая позиция - уже рассмотрено в рамках изучения системного подхода.

Однако это не означает, что метод структурно-функционального анализа бесполезен для кратологических исследований. Как показывает опыт

использования этого метода, структурно-функциональный анализ оправдывает себя при изучении систем управления, функционирования элементов государства, а также выявления предпосылок формирования власти, условий ее осуществления и факторов влияния с конкретными механизмами проведения в жизнь управленческих решений, с формами государственных отношений, структурной организацией социальных конгламератов [58].

Общелогические приемы анализа и синтеза

При помощи анализа (мысленного расчленения целостного объекта исследования на его составляющие) и синтеза (восстановления целостности объекта посредством соединения ранее выделенных признаков, свойств, сторон, отношений в единое целое) возможно сформировать целостное представление об интересующем объекте исследования.

Объективной предпосылкой использования общелогических приемов анализа и синтеза для изучения проблемы власти является очевидное стремление заявленного объекта исследования к структурной самоорганизации. Эта особенность власти и предоставляет исследователю возможность плодотворно использовать заявленные общелогические приемы исследования.

Выводы:

1. В рамках данного диссертационного исследования использование аналитического подхода будет осуществленно для построения понятийно-категориальный каркаса изучаемого объекта и предмета исследования с ориентиром на социально-философскую направленность исследовательской практики.
2. Системный подход будет использован для работы со сложными, но статичными структурами, с ориентиром на выявление взаимосвязи их компонентов, оценивание их жизнеспособности и пределов сопротивляемости среде.

3. Учитывая заявленную цель диссертации, ее философско-историческую направленность, предполагается широко использовать синергетическую модель гносеологического отношения к объекту и предмету исследования, в особенности, когда речь идет о долгосрочных прогнозах развития власти.
4. В рамках данного исследования диалектический подход интересен, прежде всего, как теория, объясняющая не только возможность противоречий, но и определяющая источник их развития. Немалое влияние на изучение власти оказывает и принцип отрицания отрицания, способный в гносеологическом симбиозе с синергетической «точкой бифуркации» выявить сущность переходного периода и существенные аспекты трансформационных процессов, их интенцию и логику развития.
5. В рамках диссертационного исследования возможно и необходимо примененять интервальный метод, изучая эмпирию власти в разных интервалах (политическом, социокультурном, правовом, экономическом), учитывая многомерность феномена власти.
6. Использование метода единства исторического и логического в заявленном диссертационном исследовании рассматривается как необходимое условие рассмотрения генезиса власти, ее становления и развития.
7. Метод восхождения от абстрактному к конкретному будет востребован при конструировании идеального объекта власти, при помощи предельно общих понятий – категорий.
8. Метод структурно-функционального анализа планируется применить для выявления взаимодействия частей власти как системы.

1.3 Основные концепции постижения власти в условиях постсоветского пространства

Каждый из вышеперечисленных подходов рассматривается как стратегически ориентированный комплекс принципов гносеологического отношения к власти. Однако они дополняются ориентиром на определенную специфику постижения власти, которая выражается в аксиоматической дефиниции при использовании таких ключевых понятий, как свобода, равенство и справедливость.

В рамках постсоветского пространства сложились такие концепции постижения власти, как:

- потенциально-волевая, или общефилософская;
- социально-психологическая;
- социологическая;
- комплексная или кратологическая [311].

Потенциально– волевая, или общефилософская концепция власти

Своими истоками потенциально-волевая концепция уходит в середину XVII века и связана с именем Т. Гоббса. В его сочинении «Левифан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского» можно найти механизм идентификации **возможности** с **властью** [56]. Завершенную форму этой концепции придал М. Вебер [39]. Сторонники потенциально-волевой концепции склонны рассматривать власть как **вероятную способность** субъекта власти производить воздействие на объект. В этом случае «**субъект**» и «**объект**» власти редуцируются до уровня деятельности индивидов. В работах Т. Гоббса и М. Вебера власть рассматривается преимущественно как асиметричное **отношение** (т.е. чем большей властью обладает субъект власти, тем меньше власти имеется у объекта) между людьми. Логическим следствием этого является проблема соотношения двух

воль и пределов индивидуальной свободы человека. Это ведет к необходимости рассмотреть проблему взаимосвязи **свободы** и **воли**, выявить их предельные основания. Рассмотрение проблемы под этим ракурсом предполагает возможность выйти на подлинно философский уровень освоения проблемы, несмотря на то, что основатель этого направления заложил основания скорее для научного дискурса о власти. Однако, включиться в философский дискурс власти в рамках потенциально-волевой концепции можно лишь через освоение идей И. Канта, Г. В.- Ф. Гегеля, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Н. Бердяева. Только в этом случае потенциально-волевая концепция обретает ориентир на онтологические вопросы власти. Когда власть становится властью? Можно ли говорить, что власть появляется сразу в виде свершенного акта – воздействия или принуждения? Является ли властью способность, потенциальная возможность осуществления воли? Поставленные вопросы имеют прямое отношение к проблеме соотношения чистого и наличного бытия, существования власти вообще (как нечто, которое является при этом ничем) и наличного бытия власти (способа ее осуществления, форм ее проявления, механизмов ее функционирования).

Несмотря на возможности, заложенные в рамках потенциально-волевой концепции, они оказались невостребованными в отечественной социальной философии. Вероятно, это связано с тем, что понятия «субъект» и «объект» власти наделяются предельно широким смыслом, и за ними стоят уже не только индивиды, личности как у Т. Гоббса, но и группы, общности, общественные и государственные структуры. Расширительное толкование «субъекта» и «объекта» власти ведет к тому, что проблема **воли, свободы, равенства и справедливости** приобретает формальный характер. Эти базовые ценности власти редуцируются до уровня инструментов осуществления власти. Воля теряет свою метафизическую сущность и рассматривается как показатель потенциала принуждения субъекта власти и предрасположенности к подчинению объекта власти. Свобода как фундаментальная категория философии также теряет свое значение и служит

нуждам диагностики характера властных отношений. Равенство вырождается в декларацию, а справедливость как ценность уступает место эффективности и необходимости.

Таким образом, можно сделать вывод, что потенциально-волевая концепция, попадая под сильнейшее влияние позитивизма, способна редуцировать проблему до уровня вопросов о механизмах осуществления власти, исключая возможность плодотворного философского дискурса.

Представителями потенциально-волевой концепции в условиях трансформационных процессов постсоветских обществ можно считать В. Г. Ледяева и Р. В. Зимовеца.

В уже упоминавшейся монографии В. Г. Ледяев определяет власть как «способность субъекта обеспечить подчинение объекта в соответствии со своими намерениями» [151, с. 268]. Р. В. Зимовец в своей кандидатской диссертации «Феномен влади в культурі» отмечает, что «влада завжди є чимось «більшим» ніж конкретна форма її актуалізації. Вона завжди існує в модусі потенційності і не може бути редукована до її проявів. Сутність влади полягає у тому, що вона завжди може щось здійснити, що вона тримає для себе відкритим коло підконтрольних можливостей здійснення» [85, с. 96].

Несмотря на то, что монография В. Г. Ледяева, как уже отмечалось, подготовлена в рамках аналитической школы [151, с. 17], а кандидатская диссертация Р. В. Зимовеца – в духе культурологического анализа [85, с. 180], результат представленных положений практически идентичен. Это обусловлено тем, что и В. Г. Ледяев, и Р. В. Зимовец активно используют традиционные для потенциально-волевой концепции исходные посылки. Влияние позитивизма ограничило потенциально-волевую концепцию вопросами соотношения свободы и воли как факторами, но не онтологическими основаниями власти. Вероятно, этим объясняется, что авторы отмеченных работ не сумели выйти на проблему сущности власти, обеспечить ее аксиологическую интерпретацию. Что касается феноменального уровня, то здесь авторы чувствуют себя уверенно и

достаточно обоснованно доказывают, что уже **наличие** воли и свободы говорит о возникновении власти [50, с. 4-5], но это не означает, что сущность власти должна быть идентична условиям и факторам ее проявления. И хотя авторы делают попытку показать переход власти от сущности к явлению, но позитивистские влияния не позволяют им в полной мере осуществить эту возможность. Немалую роль здесь сыграло влияние западноевропейской политической философии (работы которой, созданы преимущественно в духе формальной рациональности), при явно недостаточной адаптации идей таких классиков как Г. В.- Ф. Гегель, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, В. Виндельбанд [51; 52; 317; 188; 43].

Тем не менее нельзя игнорировать и несомненное достоинство отечественного направления потенциально-волевой концепции. Эти исследования важны тем, что они дают возможность обратиться к таким фундаментальным проблемам власти, как **воля и свобода,** рассмотреть власть не просто как статичную, явленную систему, а как чистую **возможность бытия** и ее переход к бытию наличному, конкретному. Все это позволяет де-факто отнести потенциально-волевую концепцию к классическому философскому дискурсу и заявить о его перспективах именно как философского аспекта кратологии, а не как придатка психологической или социологической концепции.

Социально-психологическая концепция власти

Очень близка к потенциально–волевой социально-психологическая концепция постижения власти. Успехи психоанализа, адаптация в философском дискурсе идей фрейдизма и неофрейдизма [65; 66] обеспечили становление этого направления философии власти [310]. Среди классиков психологической концепции следует назвать З. Фрейда, К. Г. Юнга, А. Адлера, К. Хорни, Т. Адорно, Д. Батлер. Как правило, основатели этой концепции работали под впечатлением ужасов тоталитарных режимов. Поэтому их непосредственной целью было выявить причины и механизмы подавления свободы и воли, отказа личности от этих ценностей.

В качестве своей исходной посылки психологическое направление выдвинуло тезис, что власть - это всегда **дискурс** между субъектом и объектом. Исходя из этого, исследователи зачастую приходят к фетишизации властных **отношений**. Власть прямо или опосредованно отождествляется с **коммуникацией**. **Легитимация и легитимность** признается центральной проблемой власти как целостности. При этом игнорируется тот факт, что отношения между субъектом и объектом власти могут претендовать лишь на роль механизма осуществления власти, но никак не на ее сущность. Обостренное внимание исследователя только к коммуникативной составляющей власти создает трудности восприятия целостности власти. Власть лишается права на статус особенного вида бытия в мире. Она уже не может претендовать на специфический способ бытия (политическая деятельность, которая находит отражение в отношениях субъекта и объекта власти), свою форму проявления (политическая культура в рамках социально-политического пространства) и специфическую форму осуществления (историческое время конкретного общества, конкретные формы государственного правления). Такая позиция является следствием игнорирования философского дискурса освоения власти.

Но при всех своих изъянах психологическая концепция власти имеет и несомненные достоинства. Представители этой концепции оперируют в своих исследованиях богатым эмпирическим материалом. Поэтому достигнутые результаты в рамках этого направления необходимо принимать во внимание. Кроме того, сама методологическая канва психологического подхода ориентирована на человека и его внутренний мир, показывает скрытые механизмы его «**Я**». Этот антропологический поворот имеет, несомненно, положительное значение, ибо демонстрирует более глубокое исследование проблемы человека, чем в рамках формального марксизма 80-х годов и концепции абстрактного человека как субъекта власти начала 90-х годов XX вв. Актуальность изучения практики субъектно-объектных отношений делает психологическую концепцию одной из самых

востребованных в условиях решения проблемы постижения феномена власти*.

В рамках этого направления авторские вариации проблемы варьируются от попыток представить власть только как разновидность психологического **воздействия** [316, с. 15; 315] до утверждения, что власть - это исключительно **отношение между двумя волями** [141, с. 12]. На умеренных позициях стоят Т. А Штукина [318, с. 69] и В. Н. Соколов, А. Г. Старинец [248, с. 147]. Они считают, что сущность власти хоть и определяется психологическим содержанием, но не исключает наличия социального компонента (к ним же можно отнести и работы Р. Чалудина [300]) .

Большинство современных представителей социально-психологической концепции работают исключительно в рамках идей, предложенных основоположниками реляционистской теории власти. При этом, как правило, они обращают свое внимание лишь на положительные стороны концепции и практически не принимают во внимание ее недостатки и методологическую ограниченность.

Но в рамках социально-психологической концепции зреет осознание необходимости ревизии используемой методологической культуры. Первым серьезным шагом в критическом переосмыслении ряда идей психологической теории власти явилась коллективная монография «Общество и политика: Современные исследования, поиск концепций» под редакцией В. Ю. Большакова (СПб., 2000). Представленные в ней работы А. Л. Свенцицкого, В. В. Крамника, В. К. Васильева демонстрируют стремление выработать собственные методологические основания в рамках психологического подхода и уйти от фетишизации властных отношений. Эти работы являются первым шагом к реабилитации социально-философского дискурса и поиску предельных оснований заявленных проблем (социальная власть у А. Свенцицкого, лидерство у Л. Васильева, субъект и объект власти

---

* Серьезное влияние єта концепция оказала и на смежные с философией власти области знания, например, см. [74; 86;126,; 237].

у В. Крамника). А. Г. Конфисахор в своей монографии «Психология власти» (СПб., 2004) сделал серьезную заявку на определение роли философии в психологии власти и обосновал необходимость адаптации достижений философского дискурса при изучении частных вопросов в рамках психологического подхода*. Однако подобного рода проекты скорее исключение, чем правило.

Социально-психологическая концепция власти предоставила в распоряжение кратологии такие проработанные понятия, как **воздействие, отношение, стремление к власти, обладание, человек как субъект власти, легитимность и легитимация**.

Социологическая концепция власти

Социология оказала существенное влияние на формирование и развитие философии власти. Классиками концепции считаются М. Вебер, Т. Парсонс, Д. Истон, Н. Луман, Т. Кларк, М. Крозье и др. Достоинством этого направления является попытка определить место и роль властного феномена в рамках единой системы – общества, определение **критериев идентификации** того или иного **феномена с властью**. Говоря о наличном бытии власти, эта позиция в принципе оправданна. Она позволяет провести строгую классификацию видов власти, осуществить скрупулезный анализ взаимоотношений субъекта и объекта власти (как на личностном, так и на общественном уровне). Потенциально социологическая концепция предоставляет возможность отследить формы взаимоотношений индивида, общества и государства и представить их взаимосвязь как строгую и гибкую систему. Возможности социологической концепции могут и должны быть востребованы при изучении конфликта во **взаимоотношениях участников властного процесса**, качественных отличий мировоззренческих позиций субъекта и объекта власти, степени прочности той или иной **властной**

---

* К указанным работам следует добавить интересное исследование С. Г. Артемовой, где осуществляется попытка изучать проблему на стыке социологии, психологии и социологии; особо интересны выводимые автором дефиниции ключевых понятий заявленной проблемы [13. – с. – 13, 14-15]. Стоит обратить внимание и на небольшое эссе Б.И. Коваля и М.В. Ильина [110].

структуры. Но, используя возможности социологического подхода, нельзя предавать забвению и его «ахиллесову пяту». Это прежде всего касается произвольной замены онтологических оснований власти властными отношениями, что делает неприемлемым использование исходной посылки этой теории. Еще одним существенным изъяном социологического подхода является чрезмерное увлечение построением структур (преимущественно вертикально-иеархического уровня). За схемами властных отношений, системами и подсистемами теряются человек и его ценностные ориентации. Человек редуцируется до индивида с точно заданными параметрами, а власть теряет свою антропологическую составляющую. В этом случае существует опасность отчуждения (пока в методологическом плане) человека от власти и отождествления последней с государством или общественной структурой. К сожалению, в рамках отечественного социологического подхода эти аберрации нашли свое полное выражение. Так, **власть** изучается либо как **функция социальной системы общества** [236, с. 9, 21] либо как **средство интеграции общества** [49, с. 186], либо как **структурная форма этой системы** [73, с. 4].

Представляя власть как функцию социальной системы, апологеты социологической концепции неизбежно игнорируют вопросы, связанные с ценностной оценкой власти, не поднимаясь выше установления ее эффективности, где справедливость подменяется определением пределов полномочий власти, а человек лишается права обладания властью и ставится в узкие, заранее предписанные рамки поведения. Рассматривая **власть как структурную форму системы,** Н. Г. Диденко выделяет управление в качестве содержания, а власть и государство - в качестве формы [73, с. 4]. Таким образом, техническая процедура осуществления власти объявляется ее содержанием. При этом сама власть рассматривается как форма, а по сути - отождествляется с государством (хотя автор делает заявку на диалектическое взаимодействие этих феноменов [73, с. 17]). Человек как обладатель власти

выпадает из этой системы и редуцируется до уровня строительного материала.

Если в рамках психологической концепции наметились попытки провести ревизию методологической культуры постижения феномена власти, то в рамках социологической концепции это еще предстоит сделать.

Тем не менее заявленная концепция интересна как наиболее полное практическое использование всех достоинств и недостатков системного подхода, их своеобразная иллюстрация. Вклад социологической концепции в кратологию на уровне концептов заключается в переносе внимания исследователя на **структуру, функции и системную организованность наличного бытия власти**, а также на уточнение вопроса, при каких условиях возможно новое прочтение **проблемы легитимности и легитимации, обмена информацией, управления***.

Комплексная, или кратологическая концепция власти

Советская философская школа оказала значительное влияние на развитие российской и украинской кратологической мысли. Прежде всего это проявилось в тенденции определять **субстанциональное ядро власти**, прослеживать взаимосвязь сущности и явления.

В. И. Митрохин изначально видит **власть как «волевое удовлетворяющее обладание»**, Л. К. Байрачная - как «**волевое выражение интересов субъекта власти**» с ориентиром на социальную ответственность, А. И. Соловьев – как «**форму социального давления на людей**», зависящую от ценностных ориентаций субъекта и объекта власти [171; 19; 250].

Изучение власти в рамках комплексной концепции предоставляет возможность обосновать право власти на свой способ бытия, свою форму проявления и свою форму осуществления. Это обеспечивает предпосылки снятия методологических ограничений потенциально-волевой, психологической и социологической концепции и раздвижения границы

---

* Особенно сильно эта концепция повлияла на процесс отождествления проблем управления и власти. В качестве характерного примера такой аберрации см. [25].

изучения власти до сущностного уровня. В какой то мере это - свидетельство восприятия базовых идей советской философии власти [193, с. 17]. Однако, в отличие от последней, кратологическая концепция стала на паритетных началах уделять внимание не только государству, классовым антагонизмам, но и проблеме человека во власти [239]. Власть как проблема начинает обретать антропологические черты, что обеспечивает возможность уйти от «советской» схемы отождествления власти с государством, а субъекта власти - с государственными структурами. Категория субъекта власти становится предельно широкой. Она не ограничивается государственными или общественными организациями. Такой подход является в методологическом плане первым шагом к переосмыслению факта отчуждения человека от власти, наделению его в теоретическом плане правом статуса субъекта власти. Но сам человек представлен слишком абстрактно. Понадобились усилия представителей психологического подхода, чтобы обосновать положение о человеке как субъекте власти, определить статус его индивидуального «Я», выявить роль его ценностных ориентиров во властных отношениях.

Методологическую установку на продолжение поиска предельных оснований власти продолжили О. В. Плотникова и коллектив авторов под руководством В. В. Ильина. Но их исследования попали под влияние реляционистской концепции власти. Власть рассматривается по преимуществу как **отношение между людьми, при этом особое значение уделяется «стихии человеческого общения»** [277, с. 7]. Вводится термин «**властеотношения**» [207, с. 25]. Правда, заимствование из реляционистской теории происходит только на уровне восприятия техники анализа. Власть рассматривается как **отношение, свойство** общества, что обусловливает необходимость исследования коммуникативных структур данного феномена. Особое внимание уделяется механизмам осуществления власти, принципам ее функционирования. Происходит определенная фетишизация властеотношений, которые идентифицируются как онтологические

основания власти. Однако статус властеотношений не выходит за рамки способа бытия власти, в качестве которого выступает политика. Поэтому основная идея монографии под редакцией В. Ильина выглядит методологически некорректной.

В работе О. В. Плотниковой тенденция сворачивания комплексного подхода к проблеме власти и анализ одного или двух ее аспектов проявляется не столь явно. О. Плотникова осуществляет попытку совместить два вида дискурса: философский (в форме концептуального анализа власти) и социально-философский (поиск взаимосвязи сущности власти с конкретными общественными формами ее осуществления). Однако эту попытку следует признать не совсем удачной. Автор уходит от поиска предельных оснований власти, хотя и рассматривает проблему в социальном, политологическом, психологическом, антропологическом интервалах, выявляя формы бытия власти на уровне биосферы, социосферы и антропосферы.

И, тем не менее, заслугой всего направления является желание выйти за узкие рамки формального марксизма и адаптировать наиболее продвинутые философские и политологические идеи западного мира. Благодаря фундаментальной проработке философских категорий воли и свободы В. И. Митрохин, Л. К. Байрачная и А. И. Соловьев ушли от излишней психологизации темы и предложили модель власти как многомерного феномена, имеющего единое субстанциональное ядро.

В начале XXI в. появляются работы, в которых прослеживается генетическая связь с комплексной концепцией, но при отсутствии преемственности с практическими результатами этого направления начала 90-х годов.

Второе поколение апологетов комплексного направления восприняло цели своих предшественников, но существенно изменило методологический и понятийный аппарат. Если в работах начала 90-ых годов прослеживаются мысли, берущие свое начало у Платона (где власть это **сила**), то теперь на вооружение была взята традиция, имеющая в своих истоках работы

Аристотеля: «во всем, что будучи составлено из нескольких частей, непрерывно связанных одна с другой или разъединенных… сказывается властвующее начало и начало подчиненное. Это общий закон природы» (Аристотель. Политика. 1254а. 9) Созданные в рамках системного подхода исследования В. Ф. Халипова и Н. Ю. Денисовой обосновывают представление о власти как некоем цементирующем начале, принципе организации бытия вообще [290, с. 16; 72, с. 10]. Рассматривая проблему в таком ракурсе, эти исследователи уходят от традиций новоевропейской кратологической мысли, которая, начиная с Н. Макиавелли и Т. Гоббса, рассматривала власть как инструмент общества, как функцию социальной структуры. С этого времени можно говорить о кратологической концепции, которая генетически связана с комплексной концепцией постижения власти.

В какой-то мере к ним примыкает работа А. Д. Латипова. Заявляя об использовании диалектического метода [146, с. 13], А. Д. Латипов ищет «то инвариантное, что остается константным при всех исторических изменениях и формах власти» [146, с. 13]. Он полагает, что власть «есть особая (надзоологическая) сила общества, превышающая естественную биологическую сумму силы образующих его людей. Это метафизическая (безличностная, надиндивидуальная) сила» [146, с. 14].

Несомненно, такие предложения по рассмотрению проблемы власти позволяют подняться на определенный уровень абстракции и использовать достоинства социально-философского дискурса, избежав тем самым засилья «формальной рациональности», фетишизации «социального действия», «психологического или волевого воздействия», «механизмов обеспечения функционирования социальной системы», т.е. тех исследовательских аберраций, которые возможны в рамках осуществления потенциально-волевой, психологической и социологической концепции власти.

На основании проведенного анализа следует вывести ключевые концепты кратологического дискурса о власти*. Это **властеотношение, властвующее начало, власть как удовлетворяющее обладание**.

Заявленные концепты власти в разных подходах и теориях не имеют абсолютного характера. Более того, рассмотрение понятийного аппарата любой социальной, а тем более кратологической проблемы, должно начинаться с изучения живого и литературного языка той социокультурной реальности, в рамках которой осуществляется исследование (этот тезис был сформулирован и обоснован в предыдущем подразделе). В данном случае речь идет о русской социокультурной среде. Именно этот последний тезис неоправданно часто игнорируют представители отмеченных концепций. Рассматривая генезис понятия «власть» в западноевропейских языках, они практически не обращаются к семантическому полю власти в восточноевропейской лингвистической традиции. В рамках социально-философского дискурса такой подход неприемлем. Поэтому задачей следующего раздела будет согласование уже выявленных концептов власти в специфических концепциях с семантическим полем власти в восточноевропейских языках (последние будут рассмотрены через толковые словари и словари синонимов). На основе полученного лингвистического материала будут выстроены концепты социально-философского дискурса, направленного на постижение власти в обществах трансформационных процессов с ориентиром на специфику постсоветского пространства.

Выводы:

1. Анализ концепций власти выявил дефицит философско-исторического исследования власти, а также актуальность его применения для решения заявленной проблемы.
2. Основными концептами дискурса о власти в разных концепциях служат: воздействие, отношение, стремление к власти, обладание, человек как субъект власти, легитимность и легитимация, структура, функция,

* Отчасти к єтому дискурсу можно отнести монографию С.Пролеева [217].

системная организованность наличного бытия власти, обмен информацией, управление, властеотношение, властвующее начало, власть как удовлетворяющее обладание, притязание.

1.4 Ключевые концепты социально-философского дискурса о власти

Этимологические словари дают следующую картину этимологии власти в старославянском языке:

1. Власть: (из владеть) властвовать, властный, властитель, область, областной.

- Волость, волостный.
- Волость, волостель, волостелин.
- Власть, властник, собственник; глава дому.
- Власт, могущество, властель. Дворянин, властник, собственник.

Др. славян. Vala – сила, господство [213, с. 216].

2.Власть: володеть, володею, волость – «власть», «право», позже (10 в.) «государство», «страна», еще позже «округ».

В русском языке владеть и власть из старосл. Volost [92, с. 157].

3. Власть:

- область, княжество, государство;
- владение собственность;
- власть, **господство, владычество**;
- право, возможность что-л. делать;
- лица, облеченные властью [241, с. 244-246].

Толковые словари русского языка предоставляют следующее объяснение такого ключевого понятия, как власть.

1. Власть:

- **Право**, **сила** и **воля** над чем., **свобода** действий и распоряжений; начальствование; **управление** [68, с. 213].

2. Власть:

- **Право** и возможность подчинять кого-что-н. своей воле, распоряжаться действиями кого-н.;
- права и полномочия правительства, правительственного лица;
- образ правления, **государственный строй**;
- могущественное **влияние**, принудительная **сила;**
- лица, облеченные властью, **начальство** [263, с. 310].

3. Власть:

- **Право** и возможность распоряжаться кем-чем-н., подчинять своей воле;
- политическое господство, **государственное управление и его ор**ганы;
- лица, облеченные правительственными, административными полномочиями [264 – с. - 86].

При этом словари литературного русского языка во многом более официозны:

1. Власть:

- **Право управления государством**; права и полномочия правительства, правительственных органов;
- органы государственного управления; правительство;
- форма правления страной, государственный строй;
- право и возможность **повелевать**, управлять, распоряжаться действиями, поведением кого-либо [243, с. 436-437].

2. Власть:

- **Право и возможность повелевать**, распоряжаться действиями, поведением кого-либо;
- Могущественное влияние чего-либо, неодолимая сила чего-либо.

- **Форма управления страной**.
- Право и возможность управления государством.
- Органы государственного и местного управления [244, с. 304].

Можно отметить интересную деталь. Определение власти в дореволюционных словарях и словарях эпохи Перестройки имеют менее императивный характер и апеллируют к таким ценностям, как право, справедливость, уделяя значительное внимание возможности власти. Для советских словарей 30-50-х годов власть - это государство, безусловное право диктата. Подобный сюжет тоталитарного прошлого прочно вошел в советскую культуру и спустя 15 лет после крушения СССР еще не до конца исчез из нашего повседневного и литературного языка, риторики политиков (где власть, там всегда органы власти), философских и научных исследований власти (см. концепции власти).

На основании представленных определений можно выстроить ряд понятий, которые входят в семантическое поле власти: **воля, сила, свобода, право, могущество, влияние, господствование** (более удобная форма чем повелевание)**, управление, государство**.

Кроме того, при анализе понятия «владеть» в толковых и литературных словарях XIX-XX веков прослеживается четкая связь с понятием «власть».

Так в словаре Даля представлен следующий семантический ряд: **«Владеть**: **обладать**; владычествовать, **властвовать**; управлять полновластно; ***иметь в своей собственности***, называть по праву своим» [68, с. 212].

В словаре Ушакова:

Владеть:

- Иметь что-н. своей собственностью, обладать;
- **держать в своей власти**, управлять (книж);
- быть в состоянии действовать чем-н., пользоваться чем-н. [263, с. 305].

В толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой:

Владеть:

- **иметь своей собственностью**;

- **держать в своей власти, подчинять** (в отличие от словаря Ушакова это опять не книжное, а вполне живое выражение).
- Уметь, иметь возможность пользоваться чем-нибудь, действовать при помощи чего-нибудь [264, с. 86].

Таким образом, к заявленному ряду следует добавить такие важные понятия, как **Обладание и Собственность**.

Анализ толковых словарей украинского языка представил следующую картину.

1. Влада:

- право керувати державою, політичне панування;
- керівні державні органи; уряд;
- право та можливість розпоряджатися, керувати ким, чим-небудь;
- сила чого-небудь, могутність [245, с. 701].

2. Влада:

- Право керувати державою, політичне панування;
- керівні державні органи; уряд;
- право та можливість розпоряджатися, керувати ким, чим-небудь;
- сила чого-небудь, могутність [40, с. 151].

3. Влада:

- право управління державою, політичне панування;
- права і повноваження державних органів;
- органи державного управління, уряд;
- право та можливість розпоряджатися, керувати ким, чим-небудь;
- могутність, сила [261, с. 142].

4. Влада:

- право і спроможність наказувати, керувати, розпоряджатися діями, поведінкою кого-чого-небудь;
- право керувати державою; права і повноваження уряду, органів державного управління;
- керівні органи державного управління, уряд [223, с. 297] .

Как видно, семантика понятия “власть” в русских и украинских языках существенно не различается (та же ситуация с белорусским вариантом концепта власти – улада). Различие лишь в деталях. Так, в украинском языке отождествление власти с государством, органами государственного управления более прочно и влиянию времени практически не поддалось. Эта особенность будет учтена в третьем разделе при изучении властной реальности в украинском обществе*.

Выбранная методология диктует необходимость выстроить иерархию концептов, которые в силу своей укорененности в русском языке должны определить границы социально-философского дискурса о власти.

За центр схемы можно взять концепт «**власть**». Его ближайшими спутниками являются **«сила», «воля», «право», «свобода»**. Для пояснения последних и качественной оценки самой власти в словарях употребляются такие концепты, как **«могущество», «влияние», «господствование», «управление»**. Следующий ряд представляют два понятия, которые иногда отождествляются с властью, но чаще служат для наглядной, количественной, опредмеченной иллюстрации заявленных и довольно абстрактных понятий. Эти два концепта - **«государство» и «собственность»**. Последним концептом, семантическое поле которого включает в себя все заявленные понятия, концептом, который структурирует представленную систему и является ключевым для определения генезиса власти, служит понятие **«обладание»****.

Однако приведенные концепты могут лишь очертить семантическое поле власти и дать общее представление об исследуемом феномене. Для создания понятийного инструментария необходимо выявить в рамках семантического поля тот круг понятий, который может претендовать на статус категории, вывести их на должную степень абстракции и выстроить

---

* Любопытно, что понятие «авторитет», казалось бы, ключевое для определения власти, встречается лишь в энциклопедических и философских словарях и напрочь отсутствует в обыденном и литературном языке для пояснения феномена власти.

** На стыке психологии и философии понятие собственность нашло особое развитие см. [24].

категориальный каркас диссертационного исследования, ориентированного на достижение заявленной цели и выполнение сформулированных задач диссертации.

Для начала следует вывести из семантического поля власти ключевые понятия, которые могут стать основой для конституирования социально-философского дискурса. Они способны помочь освоить динамику власти как специфического вида деятельности, как особой формы отношения в обществе и как конституирующего фактора социума. Понятно, что просто литературным языком здесь обойтись невозможно. Необходимо привлечь опыт научного и философского дискурса о власти. В рамках поставленной задачи актуальным видится обращение к концепту «авторитет».

Как уже отмечалось, существует значительное отличие от словарей литературного и живого языка от языка советских философских энциклопедий. Так, в последних основным наиболее близким к власти понятием является авторитет. В постсоветских изданиях авторитет для определения власти уходит и занимает вполне в духе неопозитивизма нишу одного из методов осуществления властных функций [46, с. 171]. Такое внимание советских философов к понятию авторитет не случайно.

Во-первых, после работ Хатунцева (20-ые годы вплоть до конца 50-ых) философских исследований власти не проводилось вообще. Единственной нишей, где удавалось (хотя бы фрагментарно) вводить феномен власти в социально-философские исследования, была проблема авторитета. Да и то в силу того, что по поводу авторитета вышло ряд статей В. И. Ленина и одна заметка Ф. Энгельса. В последующем проблема авторитета и наработки советской философии были собраны и обстоятельно изучены в монографиях известного ленинградского ученого Н. М. Кейзерова.

Во-вторых, вопрос об авторитете как условии и факторе бытия власти органично вытекал из самого семантического круга проблемы. Позитивные проявления воли, свободы и силы немыслимы без обретения особого статуса. В толковых словарях данный статус определяется как **право** на

поступок. В философии был использован заимствованный концепт из романо-германских языков - «авторитет» (при сохранении немецкого варианта его прочтения).

Само понятие « авторитет» появилось в русском языке лишь в начале 18 века [92, с. 27] и использовалось для определения значимого свидетельства в деле науки, принимаемого слепо и на веру [68, с. 4]. Лишь благодаря усилиям философов, в основном через освоение классической немецкой философии, понятие «авторитет» стало играть важную роль в определении власти. Первой ласточкой стала короткая статья в Энциклопедии Брокгауза и Эфрона, где авторитет определяется как «значение и основанная на значении или с ним соединенная власть». Подробно понятие было рассмотрено в рамках советского периода изучения власти. На современном этапе наметилась любопытная закономерность. В словарях понятие «авторитет» теряет свое значение, но в рамках монографических исследований, особенно в кандидатских диссертациях, происходит настоящий ренессанс этого понятия.

На основании анализа кратологической литературы можно сделать вывод, что российскими и украинскими учеными понятие «авторитет» рассмотрено достаточно полно и емко [7; 26; 79; 116; 260; 268]. С точки зрения этимологии исследователи фиксируют, что понятие «авторитет» восходит к эпохе Августина Блаженного [116, с. 13]. Само по себе понятие «авторитет» нетождественно понятию «власть»[*]: оно выступает как выражение отношения к субъекту власти [268, с. 52]. Авторитет по своему содержанию субъектно-объектен, а по форме представляет собой субъектно-объектную связь [7, с. 7]. Носителями авторитета выступают лидеры и вожди, творческие и гениальные люди. Носителем авторитета может быть и коллектив людей [268, с. 18]. Семантическая близость понятий «авторитетный человек» и «человек во власти» позволяет отождествлять их в

---

[*] Об этом различии см. в одной из последних работ по авторитету: И. И. Ефремов. Функции и роль авторитета как феномена социальной жизни // Философия и общество. - 2005. - №1. – С. 38 – 56 [79].

бытовой речи. Однако в литературном белорусском, русском и украинском языках они носят лишь характер подобия [226, с. 61, 15, 69]. Такая же ситуация сохраняется и в немецком языке. Но во французском и английском языках ситуация иная. Так, в английском языке слова «власть» и «авторитет» переводятся одинаково – authority [225, с. 27, 79]. Во французском языке власть – pouvori [283. – с. 74], авторитет – autorite [283, с. 17], но лица, наделенные властью, – autorites [283, с. 74].

Для определения семантического поля этого было бы достаточно. Но для наделения понятия «авторитет» статусом операционального понятия необходимо привлечение результатов всестороннего исследования этого феномена в работе украинского автора Богданова. Он отмечает, что авторитет функционирует как исторически установленная константа и вместе с тем динамичная структура. Он «відтворює конкретно-історичний іноваційно-конструктивний потенціал певної соціальної спільноти, яка репрезентує традіції та цінності минулого, прадукує нормативні утворення сьогодення та конструює моделі соціальної взаємодії найближайшого майбутнього [26, с. 353].

Понятие авторитет является необходимой составляющей для постижения генезиса власти в заявленных рамках. Более того, он, в силу своей специфики, помогает прояснить историческую динамику отношений воли и свободы, права и государства, стремления к обладанию и его практического осуществления. Для исследования этих сложных процессов предлагается использовать понятия «власть авторитета» и «авторитет власти». Последнии были синтезированы из двух концептов «власть» и «авторитет» Эти понятия вводит в научный оборот И. И. Кальной [60]. Исходя из семантических рассуждений и истории философских исследований власти и авторитета, такое сопряжение правомерно.

Исходя из концепции И. И. Кального, власть авторитета это понятие, обозначающее исходную ступень развития власти, которая предполагает наличие определенных признаков:

- относительно небольшая общность людей;
- прямые отношения между членами коллектива, исключающие посредников;
- ориентир людей на признание, утверждение своего «Я».

Исторически власть авторитета соответствует первобытнообщинному строю. Хронологически власть авторитета охватывает длительный эволюционный период. Авторитет возникает в условиях формирования социосферы, мировоззрения и индивидуальности человека. Образование первых государств знаменует собой ломку власти авторитета и трансформацию потестарного общества в традиционное.

Власть авторитета характеризуется доминированием обычного права, примата целого над частью, мифологическим мировоззрением, формированием культуры страха [60, с. 6 - 7]. Можно выделить генезис власти авторитета, его классический этап развития и закат (угасание) в эпоху Возрождения (в эпоху первоначального накопления капитала). На смену власти авторитета приходит авторитет власти, который является естественным следствием логики развития общества, это ответ в форме буржуазной культуры и индустриальной цивилизации, когда складывается фетишизация товара, денег и капитала; когда на социальном Олимпе доминируют политика и научное мировоззрение.

Для исследования конкретных обществ трансформационных процессов понятия «власть авторитета» и «авторитет власти» подходят как нельзя лучше. Они позволяют оценивать происходящие процессы не только с точки зрения их эффективности, но и через антропологическую и онтологическую составляющую, используя весь простор семантического поля власти, выявляя меру соотношения силы, воли, свободы и права, осуществляя сравнительный анализ качества **управления**, **господства**, **могущества** и **влияния**, фиксируя количественные характеристики власти через понятия **государство** и **собственность**, выходя на онтологический уровень через концепт **обладание**. Понятия «власть авторитета» и «авторитет власти» позволяют

рассмотреть динамику власти через разнообразные парадигмы: синергетическую, диалектическую, интервальную, системную. Но попытка определить их статус как категорий кратологии наталкивается на определенные трудности. Для примера попытаемся провести сравнительный анализ власти во французской республике Шарля де Голя и союза племен Зулусов в XIX веке. Так, власть в IV французской республике представлена отчетливо выраженным авторитетом власти. Форма его проявления – демократическая президентская республика, форма его осуществления – французская бюрократия, способ его бытия – политические отношения. Для Зулусов же характерна власть авторитета, когда форма проявления и форма осуществления власти являются неразделимым целым и принадлежат общине во всей совокупности ее действительных членов. Способом бытия общины выступает политическое пространство, которое находится в зародышевом состоянии.

Если использовать понятия «власть авторитета» и «авторитет власти», тогда необходимо постоянно учитывать то особенное и исключительное, чем обладают два указанных объекта исследования. Их хронологическую и географическую удаленность друг от друга; разные уровни общественно-политической и экономической жизни, разное историческое прошлое. Другими словами, необходимо учитывать те характеристики, которые объективно влияют на конкретные формы власти. В таких условиях плодотворный сравнительный анализ практически исключен. Совсем иная ситуация может возникнуть при использовании максимально широких понятий – категорий, которые призваны описать абсолютные сущностные характеристики власти. Они позволят создать идеализированный объект - основу для осуществления метода восхождения от абстрактного к конкретному. Без использования этого метода философское познание власти, по очевидным причинам, теряет свое гносеологическое значение. В виде таких категорий предлагается использовать понятия «вертикаль власти» и «горизонталь власти».

Как отмечают исследователи, еще в древнекитайской, древнеиндийской и древнегреческой философских традициях появился прообраз понятий «вертикаль власти» и «горизонталь власти». А. А. Котенев и А. Е. Лукьянов сделали заявку на выделение архетипов власти, ее «первородной сущности … ее генетики не столько в плане исторической эволюции, сколько в плане генетических кодов власти, способствующих ответу на вопрос: что есть власть в своем абсолютном значении» [126, с. 10]. Исследуя содержание мифов и философских традиций Древнего Китая, Древней Индии и Древней Греции, авторы выходят на архетип горы и архетип воды, символизирующих вертикаль и горизонталь властных отношений. Символы горизонтали и вертикали в решении проблемы власти активно используются и в современной российской философии. Так, К.Ф. Завершинский, изучая вопрос легитимации и легитимности, обращается к символу горизонтали общественных отношений как антиподу жесткой иерархии церкви [81, с. 100]. К этому же приему прибегает М. Н. Кузьмин, описывая систему зависимостей в средневековом обществе [140, с. 59][*]. Особое место образы горизонтали и вертикали занимают в концепции И. И. Кального. Как координаты общественного развития (вертикаль власти и горизонталь коммуникативного отношения), в его работах они обрели статус операциональных понятий. Можно сделать вывод, что предложенные категории имеют корни непосредственно в самой структуре власти, в ее глубинном слое, что и нашло отражение в архетипах горы и воды, образах вертикали и горизонтали власти. При этом важно, что они носят универсальный характер и свойственны обществам, которые очень сильно отличались и в культурном, и в экономическом, и в социальном планах. Но совместимы ли они с семантическим полем власти в славянских языках? Для ответа на этот вопрос выделим ключевые концепты, раскрывающие содержание заявленных категорий.

---

[*] Традиция рассмотрения светской и духовной власти имеет солидную традицию в отечественной философии см. [22; 41; 328]

Вертикаль власти.

По определению вертикаль власти имеет четко заданные параметры: отношения иерархии, господствования-подчинения. Данные критерии являются следствием дальнейшего уточнения семантического поля власти и понятия «авторитет власти». Исключая из понятия «авторитет власти» параметры, которые были необходимы для исследования конкретных обществ на заданном историческом отрезке (так смывается историческая динамика смысловой структуры понятия, характерного для потестарного общества или традиционного), можно прийти к «чистому понятию», которое должно отразить сущность исследуемого феномена.

Первый признак вертикали власти представляет ее иерархия. Она является отражением физической структуры той реальности, которую замещает категория «вертикаль власти». Вертикаль власти характеризуется пирамидальным строением, высшие ступени которого занимают функционеры с более широким доступом к информации и большим спектром управленческих решений (наиболее часто к данному понятию приобращаются в социологической концепции власти).

Второй признак вертикали власти – это ее господствование. По словарю: «обладать преимуществом перед кем-н». Господствование подразумевает наличие четко выраженных объекта и субъекта власти. При этом волевое воздействие субъекта власти на объект абсолютно и не подлежит корректировке со стороны последнего (данное понятие – визитная карточка психологической концепции власти).

Третий признак вертикали власти – это факт подчинения. Подчинение проявляется в отношении нижестоящего и вышестоящего. Система власти функционирует только в случае выполнения команд с вершины пирамиды к ее основанию.

Горизонталь власти.

Вторая, парная, категория власти выстраивается по аналогичной системе. Она характеризуется признаками влияния, управления и согласия.

Первый признак - влияние. По словарю: «действие оказываемое кем-н., авторитет». В данном случае оно представляет физическую структуру горизонтали власти. Когда все ее элементы находятся в одной плоскости, каждый из них автономен и имеет прямую возможность для коммуникации или воздействия в направлении избранной цели. Данная физическая структура характеризуется принципами когерентности, синергии и каузальности и находит свое теоретическое воплощение в системном и синергетическом подходах. Понятие «влияние» подробно разрабатывалось во всех концепциях власти, особенно в аналитической и комплексной концепциях.

Второй признак – управление (направлять ход, движение). Объект и субъект власти присутствуют, но их роли выражены нечетко и часто взаимозаменяемы. Сутью признака является отсутствие четких директив временного субъекта власти и жесткого контроля над процессом их исполнения. Существует некая общая программа действия, где контролируется лишь качество результата ее выполнения. Предполагается широкое поле для импровизации и интерпретации заявленной задачи*. Это понятие родилось в социологической концепции, свое нынешнее прочтение получило в рамках комплексной концепции власти.

Третий признак - согласие. Направление действия коллектива не вырабатывается узким кругом лиц, а является делом каждого заинтересованного в проекте лица. Общая задача формулируется с учетом интересов всех членов, которых касается данный проект. Признак согласия подразумевает возможность инициативы снизу и коррекцию задачи в ходе ее исполнения. Использование понятия «согласие» характерно для комплексной концепции, хотя основной смысл концепта находит свое оригинальное прочтение во всех концепциях власти.

Таким образом, «вертикаль власти» - это категория, отражающая такую объективную реальность, которая характеризуется наличием иерархической

---

* Любопытные размышления по данному вопросу см. [4, 98, 141, 142]

системы построения элементов и отношений в рамках господствования и подчинения. Для постижения феноменального уровня этой реальности необходимо использовать такие понятия, как «авторитет власти» и «государство».

Горизонталь власти - это категория, которая объясняет объективную реальность с помощью терминов «влияние», «управление» и «согласие». Для феноменального уровня можно использовать такие понятия, как «власть авторитета» и «общество».

Как уже отмечалось, «вертикаль власти» и «горизонталь власти» - это абстрактные категории, которые отражают предельно идеализированную реальность. Отдельно взятые, они имеют очень небольшое гносеологическое значение. Другое дело, если по аналогии с «властью авторитета» и «авторитетом власти» попытаться выявить точки их сопряжения. Логично, что получившаяся система координат и будет являться исходным этапом освоения власти на феноменальном уровне. Ибо в точке сопряжения вертикали и горизонтали и складывается способ бытия власти: в форме бюрократии, государства, политики.

Для выявления их гносеологического потенциала необходимо обратиться к системному и синергетическому подходу.

Общество как самоорганизующаеся система нуждается в регламенте деятельности ее субъектов. Главным фактором этого объективного процесса выступает власть в качестве определенной формы правления. В системе власти вертикаль обеспечивает ее стабильность и устойчивость, а горизонталь задает «правила социальной игры».

Вертикаль власти представлена авторитетом власти в лице официальных институтов государства: органов судебной, исполнительной и законодательной власти. Горизонталь представлена властью авторитета в форме явного или неявного гражданского общества. Последнее принято понимать как «ассоциацию свободных, равноправных, а стало быть, автономных и активно действующих людей с ориентиром на собственное

благо и благо общества, ибо их личная жизнь осуществляетя в сфере публичной жизни» [98].

На сущностном уровне вертикаль власти и горизонталь власти имеют точки сопряжения, которые находятся в той или иной системе властных координат. Их характеристики носят абсолютный характер и позволяют выявить то общее, что представляет собой, например, власть в племени Зулусов и власть в условиях Французской республики эпохи Шарля де Голля. Их объединяет единая сеть властных координат при совершенно разных формах проявления и осуществления.

Власть как особый вид бытия в мире, помимо уже рассмотренной системы категорий, имеет ряд принципов функционирования. Однако очевидно, что доминированием субординации над координацией нельзя объяснить причины подчинения общества государству, или наоборот. Необходимо рассмотреть ту реальность, которая обеспечивает нормальное функционирование указанной системы в человеческом обществе.

Благодаря усилиям Ф. Ницше, а также целой плеяды неокантианцев, среди которых особенно следует видеть П. Риккерта и В. Виндельбанда, можно с уверенностью сказать, что в качестве таковой реальности выступают ценности человеческого бытия, которые для удобства рассмотрения целесообразно разделить на **демократические** и **гражданские**. Первые обеспечивает государство, а вторые – общество*.

Согласно мнению большинства исследователей, ценности формируются в результате и в ходе культуризации и социализации индивида [93, с. 64] и фиксируются в науке и философии как междисциплинарное понятие [154]. В этом процессе они испытывают мощное воздействие со стороны базовых человеческих инстинктов. Благодаря усилиям А. Адлера с его «Индивидуальной психологией» и К. Юнга с его «Аналитической психологией» стало очевидным, что «человек от природы рождается слабым,

---

* Существующие ныне виды классификаций ценностей см. в обстоятельных монографиях А.А. Макейчика и И.А. Суриной [160; 257].

беспомощным существом … человек остро испытывает чувство своей «неполноценности». Вместе с тем, под влиянием этого чувства, в психике каждого человека формируются специальные механизмы для возведения «компенсирующей душевной надстройки» [152, с. 136.]. Стремление к признанию и власти и является той компенсацией, которая заявляет о себе как основная движущая сила психики человека. А. Адлер возвел власть в один из основополагающих инстинктов человека, а Юнг, поддерживая мысль своего коллеги, даже ставит власть на одну ступень с эросом, называя их природными инстинктами [326, с. 71; 325, с. 28-29]. Таким образом, формирование ценностных ориентаций идет уже при наличии у человека инстинкта власти и во многом под его определяющим воздействием. Отсюда можно заключить, что базовые ценности человеческого общежития являются основными ценностями власти, ибо их формирование происходило под влиянием властного инстинкта и для определенной системы власти.

Исследователи выделяют ряд основополагающих ценностей человеческого бытия: **Жизнь, Волю, Собственность, Свободу, Формальное равенство и Справедливость** [97, с. 67]. Они носят безусловный онтологический характер и, к тому же, в основной своей массе являются ключевыми концептами семантического поля власти. Априори эти ценности предоставляются человеку по праву его рождения. Однако на практике они находятся в жесточайшей зависимости от определенного типа власти, от определенных принципов властной структуры. Идею реализации их в чистом виде на практике можно отнести к утопиям, которыми так богато общество трансформационных процессов [82]. Человеческая природа такова, что она стремится достигнуть предельных оснований [111]. И феномен ценности здесь не является исключением. К чему может привести безудержное стремление к свободе, хорошо видно на примерах «вольной республики батьки Махно», пугачевщины и т.д. Необходимы сдерживающие механизмы, которые бы дополняли гражданские ориентиры на ценности. Таковыми могут служить принципы вертикали власти, конституирующие реальность и

придающие ей законченную форму. Вопрос о мере соотношения вертикали и горизонтали власти, о демократических и гражданских ценностях каждая эпоха решает по-своему.

Таким образом, начав с анализа методологических подходов и вычленения семантического поля власти, через построение категориального каркаса диссертационного исследования можно сформулировать основное проблемное поле заявленной темы. Оно заключается в поиске меры соотношения принципов власти и направленности человека на осуществление фундаментальных ценностей. Во втором разделе диссертации будет исследована динамика и перспективы этого поиска для европейской цивилизации на уровне общего, а в третьем разделе будет осуществлен анализ полученного опыта для выявления особенного и специфичного в рамках современного украинского общества.

Выводы по разделу:

1. Социальная философия, рассматривая проблему власти, заявляет о себе, как о системообразующем элементе всего комплекса кратологического знания.
2. Значение социально-философского подхода к исследованию феномена власти проявляется в анализе перспективных методологических стратегий новой отрасли науки и формировании категориального аппарата кратологии [311].
3. Основой методологической стратегии диссертационного исследования принимаются диалектический и синергетический подходы постижения власти, реализуя принцип дополнительности возможностей аналитического, системного и интервального подходов.
4. Анализ концепций власти выявил дефицит философско-исторического исследования власти, а также актуальность его применения для решения заявленной проблемы.

5. Основными понятиями дискурса о власти в разных концепциях служат: воздействие, отношение, стремление к власти, обладание, человек как субъект власти, легитимность и легитимация, структура, функция, системная организованность наличного бытия власти, обмен информацией, управление, властеотношение, властвующее начало, власть как удовлетворяющее обладание, признание, притязание.
6. Основными концептами социально философского дискурса власти являются: власть авторитета и авторитет власти, горизонталь власти и вертикаль власти, иерархия, господствование, подчинение, влияние, управление, согласие, а также воля, жизнь, собственность, свобода, формальное равенство и справедливость.

РАЗДЕЛ II
КРИЗИСНОЕ СОСТОЯНИЕ ВЛАСТИ КАК УСЛОВИЕ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

2.1 Власть авторитета в потестарном обществе

Вопрос о времени появления власти остается одним из наиболее дискуссионных в отечественной кратологии. По этому вопросу существуют три точки зрения, каждая из которых опирается на изначальные аксиоматические основания определенной авторской концепции.

Согласно первой из них, власть есть феномен, присущий сугубо человеческому обществу, и, следовательно, она появляется с возникновением первых протообщественных структур в истории человечества [141; 151; 250]. Вторая группа исследователей рассматривает власть как общий принцип бытия в мире - вопрос о ее появлении отодвигается во «мрак веков», к тому моменту, когда хаос уступает место порядку [10; 11; 12; 72; 290]. Философы третьей группы видят во власти специфические отношения управления и подчинения, существующие между косным и живым веществом. В этом случае вопрос об историчности власти решить невозможно, так как авторы указанной концепции не говорят о возможности властных отношений только внутри живого или косного веществ[50; 207].

Учитывая заявленную цель и задачи диссертационного исследования, автор причисляет себя к адептам первого направления, принимая положение о том, что нижний исторический предел власти ограничивается возрастом 1,5 милн. лет, когда уместно вести речь о появлении проточеловеческих особей. Указав нижнюю хронологичесую границу подраздела, необходимо

установить и верхнюю планку, таковой можно рассматривать время появления первых государственных образований.

Характер эмпирического материала, посвященного потестарному обществу, диктует специфику методологии. Поскольку эпоха потестарного общества не знала письменности, постольку судить о процессах, протекавших на заре человечества, можно исключительно по данным археологии. Для их расшифровки необходимо интегрировать данные социологии, психологии, культурологи, этнографии, психолингвистики и антропологии (как раздела биологии). Этим объясняется необходимость обращения к методу компаративистики.

Использование наработок указанных отраслей научного знания поможет не только «расколдовать» предметы материальной культуры, но и создать наиболее вероятную схему общественных процессов, протекавших в нем. В этом отношении незаменим метод аналогии, который допускает возможность «переносить» социальные отношения у наиболее примитивных народов современности на исследуемую эпоху [138]. Однако, применяя метод аналогии, необходимо учитывать, что даже самые примитивные человеческие сообщества сегодняшнего дня стоят на более высокой ступени эволюции, чем первые представители homo sapiens. Это является главным недостатком метода аналогии.

В качестве наглядной иллюстрации заявленной специфики можно обратиться к ключевому понятию заявленного подраздела – **«потестарное общество».**

Термин «потестарное общество» введен советским этнологом Ю. В. Бромлеем [138, с. 3] и благодаря трудам Л. Е. Куббеля прочно укоренился не только в этнографии, но и в политической антропологии, философии и, отчасти, истории. Призванное акцентировать внимание на властных отношениях в доклассовых обществах, ныне понятие «потестарное общество» претендует на роль правопреемника понятия «первобытное общество». Исходя из важности этого понятия и создавшейся

неопределенности в его толковании, необходимо провести этимологический анализ.

Термин «потестарный» предложен Ю. В. Бромлеем в качестве производного от латинского термина «potestas», трактуемого им как власть. Однако латинско - русский словарь свидетельствует, что прямое значение слова «potestas» - это прежде всего сила, мощь (производным от латинского является английское слово «poten» – сильный, сила, могущественный). Во втором значении слово переводится как господство, а затем уже и как власть - в основном, как власть отца фамилии над домочадцами. Поэтому нередки случаи, когда потестарное общество трактуется как патриархальное, что сужает изначально смысл, вкладывавшийся Бромлеем и Куббелем в это понятие, – *все виды догосударственных человеческих образований*. Ситуацию усугубляет обращение к древнегреческому языку, в котором похожее по звучанию слово «ποτεαί» означает «делать, производить, творить». Это смещает политический акцент термина в экономическую и культурную сферы и сближает его с термином «первобытное общество». Таким образом, термин «потестарное общество» следует признать неудачным. Но он прочно укоренился в науке и философии, поэтому он будет применяться в диссертационном исследовании в том значении, которое было заложено Бромлеем и Куббелем.

Власть авторитета не появилась сразу в готовом, раз и навсегда созданном виде в рамках потестарного общества, хотя и принято считать, что она явилась исторически первой формой осуществления власти [60, с. 13]. Власть авторитета прошла долгую историю становления и развития, пока не достигла пика своего существования.

Принимая за аксиому тезис об эволюции человека из среды ископаемых приматов, предпосылки становления власти авторитета следует искать в животном прошлом человека, в его ориентире на признание и утверждение своего «Я» в отношении с окружающим миром.

Исследования Л. А. Файнберга и О. В. Плотниковой позволяют говорить, что властные отношения, характерные для первых человеческих коллективов, выросли из властных отношений ископаемых приматов так же, как и чисто социологические характеристики первобытных обществ – экзогамия и матрилинейность [275, с. 8]. При исследовании проблемы авторы не ставили цель проследить процесс преемственности властных отношений от ископаемых гоминид к прачеловеку. Этот аспект отсутствует также в работах Л. Е. Куббеля, наиболее авторитетного автора по проблемам власти в примитивных сообществах. Пробел не был восполнен и его преемниками в сборнике статей «Ранние формы социальной стратификации» (М., 1993). Такая же ситуация сохраняется и в западной научной и философской мысли. Наиболее представительные авторы по указанной проблеме Клод Леви-Стросс (этнограф и философ) [148], Д. Фрезер и М. Элиаде (исследователи мифов) [284; 285; 323], Дж. М. Робертс (антрополог и специалист по древнейшей истории) [222] не находят в своих монографиях места проблеме преемственности власти. Они довольствуются простой фиксацией факта наличия тех или иных форм власти в прачеловеческих обществах.

Исходя из такого положения дел, можно опереться лишь на богатый эмпирический материал, потому что какой–либо авторитетной версии исторических предпосылок формирования властных отношений в потестарных обществах не существует.

Выделяя предпосылки формирования власти авторитета в прачеловеческом обществе, необходимо остановиться на двух аспектах: биологическом и социальном. Первый аспект проблемы поможет выделить общие корни власти авторитета в древнейших человеческих сообществах и их животных предков. Социальный аспект должен осветить отличия власти авторитета в среде пралюдей и ископаемых гоминид. Таким образом, можно зафиксировать древнейшие источники власти на уровне ее формирования и создать методологические предпосылки для рассмотрения ее развитых форм в потестарном обществе.

Биологические предпосылки власти авторитета

По всей видимости, древнейшие гоминиды, как и современные приматы, имели достаточно сложную структуру организации стада и разветвленную сеть властных отношений. Уже на этом этапе развития древнейшие гоминиды демонстрируют элементы взаимоотношений, которые впоследствии были наследованы и усовершенствованы человеческими коллективами. Это и доминирование координации над субординацией в мирных условиях, и жесткое вертикальное соподчинение в случае внешней угрозы [275, с. 49]. Это и высокий статус самки, который наводит на мысль о матриархате, и незначительные преимущества «руководящего звена» перед всеми остальными. Однако данная структура свидетельствует не о «разумности» приматов, а, скорее, о необходимости подобного порядка для выживания особей, имеющих видовые признаки обезьян (отсутствие мощных клыков и когтей, относительная физическая слабость, наличие множества естественных противников). Таким образом, по точному замечанию О. Ю. Артемовой, отношения между людьми находились в ничем «не осложненной зависимости от нужд жизнеобеспечения» [12, с. 47]. Особенности их организации предполагали добычу пищи, защиту потомства, защиту от естественных врагов. Доминирование влияния над иерархией в мирное время позволяет приматам селиться на обширных территориях, что обеспечивает максимум пищи. Смена иерархией влияния, утверждение господства над управлением, во время опасности (нападение врага, пересечение опасных участков территории, охота) дает возможность коллективно отражать угрозу жизни и спасать жизни самок и детенышей.

Таким образом, система протовласти авторитета обусловлена специфическими видовыми отличиями высших приматов и древнейших гоминид. Она является свидетельством мудрости природы и результатом ее творчества. Однако природные факторы, повлекшие становление протовласти авторитета и его объективные уловия существования, с появлением огня и искусственных орудий труда, существенно не

изменились. Человек продолжал подвергаться угрозе если не со стороны хищников, то со стороны голода. Даже на уровне потестарного общества метод добычи пищи оставался прежним – охота и собирательство, и, следовательно, биологические предпосылки становления протовласти авторитета продолжали сохранять свою актуальность.

Немалую роль в биологических предпосылках сыграл существенный аспект протовласти, отмеченный антропологами. Его можно обозначить как инстинкт власти, находящий свое выражение на практике в стремлении к обладанию и утверждению своего признания в стае. Так, Л. А. Файнберг приводит случаи, когда бывший вожак, проигравший своему сопернику и потерявший свой статус, без видимых физических причин очень быстро слабеет, отчуждается от стада и, в конечном итоге, умирает. Этот феномен, судя по исследованиям А. Адлера, сохранился в инстинктах человечества и по сей день. Именно этот инстинкт пережил остальные рудименты биологического прошлого власти, несмотря на влияние культуры, социума и цивилизации.

Социальные предпосылки власти авторитета*

Одной из важнейших социальных предпосылок становления власти авторитета явилась интересная особенность, характерная исключительно для приматов. Имеется в виду продолжительный процесс социализации. Детеныш обезьяны может стать обезьяной только в сообществе своих видовых родичей – отсюда стремление к заботе о потомстве, обостренное и относительно продолжительное внимание к самкам и потомству [275, с. 150]. В человеческом сообществе действует тот же механизм, но он усугубляется более длительным этапом подрастания потомства. Скачок в продолжительности этого процесса произошел в середине палеолита и серьезно отразился на социальной структуре племени [222, с. 24]. Вероятно, именно эта причина стала определяющей в инициировании появления

* О связи форм тарнсформации власти и характера социально-экономических условия см. [206].

исторически первой формы общественной жизни – рода (это время датируется эпохой мустье).

Первобытная община, по сравнению с первобытным стадом и, тем более, с социальной организацией высших обезьян, имела значительные качественные отличия от последних. Это, прежде всего, зачатки «обычного» права, первобытная нравственность, искусство, которые получили свое развитие в рамках мифологического мировоззрения. Развитые уровни сознания естественным образом обозначали понимание древними людьми различия между «Мы» (община) и «Он» (остальной мир). Осознание своего отличия от остального мира, своей непохожести приводило к желанию опровергнуть объективные различия, вернуться к состоянию единства с миром (ибо отчуждение от мира влечет состояние душевного дискомфорта). Весь корпус мифологических верований направлен на преодоление первой в истории человечества формы отчуждения – отчуждения человеческого общества от мира. Тотемизм должен подтверждать родство человека с животными, фетишизм – с миром природы, анимизм – с потусторонним миром и т.д. Преодоление отчуждения требовало посредника для взаимоотношений между общиной и остальным Миром. Естественно было предоставить эту роль самому сильному, энергичному члену общины – вожаку, который неизбежно наделялся сакральными характеристиками*.

В исключительных случаях (война, охота, общение с богами) вождь возглавляет вертикаль иерархии общины (которая делится по поло-возростному характеру). Создается парадокс, когда сосуществуют два вида власти авторитета. В обычное время – безусловное доминирование общественного мнения, а при решении нестандартных проблем вся тяжесть решения ложится на личность вождя [148, с. 398 - 408]. Но при этом, культура мифа через направленность на определенные ценности (прежде

---

* Вопрос о сакральности власти в потестарную эпоху крайне сложен. Его разрешают, основываясь на противоречивых исторических и этнографических материалах. Так, по одной точке зрения, власти издавна наделялась представителями потестарного общества сакральными характеристиками [138. – с.- 87,89;]. Но против этого факта выступает Леви-Стросс [148, с. 394]. На данный момент вопрос о сакральности власти остается дискуссионным.

всего равенство и справедливость) препятствует доминированию части над целым, подчиняя индивидуальные потребности и интересы общественным. Происходит формирование отношений между принципами власти и системой ценностных ориентиров. На практике это нашло выражение в ситуации, которую тщательно изучил видный европейский этнолог К. Леви–Стросс. В своих наблюдениях он отмечает, что как только вождь перестает выполнять обязательства перед общиной, она, в соответствии со своими нравственными идеалами, немедленно распадается на автономные группы, и этому процессу ничто не в силах помешать. [148, с. 408]. Таким образом, вождество в целом остается невыразительной и второстепенной частью власти авторитета по сравнению с такими ценностями как равенство и справедливость. С ростом индивидуальности, выделением «Я» из коллективного «Мы», усложнением культуры можно говорить уже о свободе, собственности и воле как определяющих ценностях человеческого общежития. Спорным остается вопрос о статусе ценности жизни. Согласно классическим утверждениям историков потестарного общества, статус ценности жизни ничтожно мал, ибо ценность индивида условна. Находки последних лет поставили под сомнение этот стереотип. Обнаруженные останки индивидов с сильными увечьями исключают возможность для них самостоятельного добывания пищи, но свидетельствуют о том, что эти люди с ограниченной дееспособностью прошли значительный срок жизни при помощи своих сородичей. Похоже, что даже в потестарном обществе жизнь индивида оценивалась достаточно высоко, что дает основания заявлять о ценности «Жизнь» как определяющей в системе первобытной нравственности.

В рамках потестарного общества создается прообраз, не находящий своего закрепления в ценностных ориентирах. Это система авторитета власти с жесткой иерархией и субординацией (младшие подчиняются старшим, женщины - мужчинам и т.д.) при развитой форме коммуникативных отношений. На уровне заявленного периода появляются лишь зачатки этой системы. Она не имеет четких границ. Указанные формы отношений не

могут развиться. Их тормозят не только нормы культуры, но и биологическое прошлое человека, которое препятствует развитию последней. Круг культуры узок, а следовательно, влияние животного прошлого на человека достаточно велико. Ценностные ориентиры дополняют инстинкты и формируются под воздействием последних. И лишь в силу такой ситуации несбалансированная и, на первый взгляд, нелогичная система власти авторитета может эффективно существовать. Перелом наступает, когда изменение экономических условий (появление земледелия и скотоводства) модифицирует социально-правовые и нравственные основания общества, когда на смену мифологическому мировоззрению одновременно приходят религиозное и философское, а на смену материнскому роду - патриархальная семья. Это время становления и утверждения традиционного общества.

Экономические предпосылки власти авторитета

Эти предпосылки проявляется через решение проблемы распределения и добычи пищи, орудий труда и украшений. Согласно последним исследованиям, этот процесс не носит характера коллективного распределения продуктов производства (коллективная собственность как таковая не существует). Каждый из участников производственного цикла обладает монопольным правом на владение продуктом своего труда. Но это не распространяется на пищу. Охотники и собиратели обязаны складывать всю добытую пищу в общий котел. Позднее пища распределяется среди представителей племени. При этом никто не обладает правом абсолютного контроля за этим процессом. Жесткие табу на накопление ценностей отсутствовали, а обладание материальными ценностями не могло повысить статус человека [12, с. 50 - 51].

Нормативные предпосылки власти авторитета

Власть авторитета регламентирует всю общественную и индивидуальную жизнь. В монографии Г. Г. Васильева «Социокультурная эволюция и социальное управление» [38] совершенно справедливо отмечается, что на данном этапе человеческие коллективы «заимствуют у

животного мира присущий ему принцип бессознательного управления, но с качественно иным, внегенетическим способом хранения и передачи информации» [38, с. 41]. Власть авторитета через традиции, а точнее, через нормы первобытной нравственности и ориентиры на фундаментальные ценности человеческого общежития, регулирует взаимоотношения людей в социуме. Особую роль в этом процессе играло общественное мнение, которое далеко превосходило авторитет индивидуума, даже жреца или вождя [148, с. 400]. Власть авторитета в потестарном обществе - это не закон и не воля конкретного человека. Это традиционный порядок вещей, умноженный на силу общественного мнения.

Социокультурные предпосылки власти авторитета

Эти предпосылки характеризуются культурой страха, выраженной в исторически первой форме мировоззрения – мифологии. Именно в мифологии закрепляются противоречивые нормы власти авторитета, обеспечивается регламент отношений. Об этом в той или иной форме было сказано достаточно. Теперь необходимо обратить внимание на одно важное свойство мифа, который препятствует формированию авторитета власти. Отличительной чертой государства, как известно, является право на смертную казнь. Мифологическое же мировоззрение отвергает смерть как таковую, ибо оно создает ситуацию обратимости времени [323, с. 44] и, следовательно, исключает один из механизмов авторитета власти – страх смерти.

В рамках социокультурного измерения опорой власти авторитета являлся материнский род. Подрастающее поколение в процессе социализации усваивало многие биологические черты взаимоотношений. Забота о детях, ритуал их вхождения в общину находились под контролем женской части коллектива. М. Мид отмечала, что забота о детях есть врожденное качество женщины, которое, конечно же, основано на биологических посылках [170, с. 315]. Поэтому черты властных отношений, характерных для прачеловеческих коллективов, успешно ретранслировались

и в более развитые человеческие общества, сохраняя свою безусловность на уровне инстинктов. При становлении патриархальной семьи власть авторитета не исчезла, а обрела новые формы.

Политические предпосылки власти авторитета

Политика как способ бытия власти, как искусство управления, проявляется и в потестарном обществе, где политика заявляет о себе как протополитика. Отсутствует профессионализм, но присутствуют политические отношения. Это касается, в первую очередь, избрания вождя. Однако политика тесно переплетена с моралью, протоправом, религией и экономикой. Провести между ними четкое разграничение практически невозможно. Лишь на следующем этапе произойдет формирование права, экономики, политики как отдельных уровней бытия социума. В этом отношении был совершенно прав известный английский ученый Э. Тайлор, говоря, что «развитие умственной, нравственной и политической жизни … идет далеко не одинаковым темпом» [259, с. 37.]

Эмпирия показывает, что в потестарном обще закладываются предпосылки горизонтали и вертикали власти, формируются архетипы «воды» и «горы». Доминирующими оказываются принципы влияния, управления и согласия, и лишь в результате экстремальных факторов проявляются принципы иерархии, господствования и подчинения. Последние значительно ограничиваются биологическими инстинктами, которые закладывают основы ценностных отношений к жизни, равенству и справедливости через культуру мифа. Говорить о горизонтали и вертикали власти в таких условиях можно лишь учитывая спорадичность функционирования заявленных принципов. Их осуществление в рамках системы координат возможно лишь при выделении власти в самостоятельную социальную структуру, отчуждении последней от инстинктов и формировании противоречия между общечеловеческими ценностями и властной структурой. В потестарном обществе эти понятия разделены скорее условно, чем безусловно.

Выводы:

1. Власть авторитета изначально укоренена не в социальном, а в биологическом бытии прачеловеческих обществ.
2. С появлением протообщественных структур власть авторитета находит свое основание в материнском роде, а позднее - в патриархальной семье.
3. Существование власти авторитета возможно лишь в рамках добывающей экономики, первобытной нравственности и при отсутствии посредников в принятии властных решений.
4. В пределах власти авторитета формируются противоречия между иерархией и влиянием, господствованием и подчинением. Благодаря специфическим условиям потестарного общества (слитности власти, инстинктов и ценностей в единое целое) эти противоречия являются источником благополучия человеческих коллективов.
5. При отчуждении власти от культуры, власти от человека появляется противоречие между властью и ценностями. Решение этого противоречия в разных измерениях человеческого бытия определяет характер власти, ее форму и содержание.

2.2 Кризис власти авторитета в традиционном обществе

Если в предыдущей части исследования изучалось становление феномена власти авторитета, то во втором подразделе стоит задача подвергнуть анализу феномена перехода к новому качеству авторитета

власти. Изучение переходных этапов вообще и власти в частности предполагает особый подход к решению заявленной проблемы. Это обусловлено спецификой трансформационных процессов, действием новых факторов, увеличением числа альтернативных вариантов развития общества. В традиционном обществе это нашло свое выражение в том, что возникли условия:

- сосуществования религиозного и философского мировоззрений при сохранении сильных позиций мифологии;
- обретения высокой степени вариативности культуры одного и того же этноса;
- постоянной борьбы религиозного и политического фактора.

Переходный период очень своеобразен в гносеологическом плане. По определению, он проходит под знаком маргинальности, когда одновременно причудливо переплетаются основания традиционного общества и зарождающиеся условия и факторы индустриального общества. Решение заявленной задачи возможно с учетом применения метода единства исторического и логического. Ибо через реализацию его принципов можно оценить специфику переходного этапа для последующей истории развития власти. Возникает возможность выявить закономерности развития объекта не столько при помощи систематизации и обобщения эмпирического материала (как это было продемонстрировано в первом разделе), сколько через исследование основных фаз развития на сущностном уровне. Это дает возможность не увязнуть в массиве парадоксов, которыми изобилует исследуемый этап, и осуществить заявленные принципы диссертационного исследования. Метод единства исторического и логического позволит систематизировать наработанный опыт (от Платона до Данте) в пределах единой парадигмы. Последняя подразумевает ответ интеллектуального меньшинства на объективные исторические изменения.

В научной литературе нередко можно встретить мнение, что на смену устаревшей системе власти мгновенно (или через небольшой промежуток

времени) приходит новая, более совершенная модель [38; 80; 230]. Как правило, исследователи отмечают, что с появлением государства появилась исторически новая система власти [80, с. 16]. Однако за скобками остаются разные принципы построении власти – полисная тирания и эллинистическая монархия, прямая демократия и империя с ее мощным бюрократическим аппаратом, средневековые королевства и средневековые республики (Лангедок, Венеция, Швейцария, Генуя, Нидерланды и др.). Попытки привести их под общий знаменатель как некую единую систему власти, характерную для традиционного аграрного общества, выглядят неубедительно [38, 80]. Очевидно, что указанный этап существования власти, во-первых, отличается от предыдущего – потестарного общества и, во-вторых, от последующего – индустриального общества. Не подлежит сомнению, что, несмотря на частые разногласия исследователей, его нецелесообразно разбивать на несколько самостоятельных частей - с точки зрения кратической истории. Следовательно, это некий период времени, который послужил своеобразной базой для появления нового характера властных отношений в индустриальном обществе, при этом он отличен от потестарного общества и, наконец, в его рамках не была сформирована единая властная парадигма. Следует сделать вывод, что он является переходным этапом, полем для социальных экспериментов, временем выработки универсальной властной концепции, которая в настоящем исследовании обозначена как авторитет власти. Эти процессы укладываются в рамки традиционного общества. Синонимами этого термина часто служат понятия «аграрное, доиндустриальное, примитивное, феодальное общество». Исследователи связывают этот термин с различными хронологическими периодами: от неолита до XIX в. Сам термин возник при попытке определить социокультурную модель социального устройства, асимметричную современному обществу. Существует ряд попыток создать общую теорию традиционного общества [90; 180; 267], но ни одна из них общемирового признания не получила. В данном исследовании под традиционным

обществом понимается период от появления первых протогосударств до формирования развитых форм государственной и общественной жизни в эпоху Возрождения и Нового времени.

Основная интрига переходного периода заключается в том, что заложенные в потестарном обществе противоречия между институтом вождества и общественным мнением с усложнением социума, изменением мировоззрения, сменой типов экономической деятельности выливаются в отчетливо фиксируемые конфликты. Складываются новые, радикальные формы власти – тирания и демократия. Рушатся нравственные устои общества (трагедия Гесиода), на смену естественному праву приходит закон (трагедия Сократа). В условиях разделения инстинкта и ценностей, биологического и культурного, старая система власти авторитета демонстрирует свое бессилие уже в рамках городов-государств, не говоря о великих многоэтничных и поликонфессиональных империях [5]. Появляется настоятельная необходимость поиска нового принципа властных отношений, который отвечал бы смутно осознаваемым новым ценностным ориентирам. Неслучайно Античность, Средневековье и Возрождение пестрят социальными утопиями и дарят миру великолепные примеры политических прожектов. На феноменальном уровне новые социо-культурные, экономические, политические и правовые реалии требуют адекватного отражения не просто в системе управления (ее можно выработать интуитивно), а в решении основного противоречия, возникшего еще в первобытные времена – между авторитетом общественного мнения и авторитетом должности (иерархией). Проблема усугублялась появлением новой мощной и динамически развивающейся структуры – государства, новых взаимоисключающих друг друга типов мировоззрения (религия и философия). Отсюда парадоксы политической истории данного периода: резкая смена, а порой и сосуществование тирании и монархии, демократии и олигархии, аристократии и отчасти анархии. Выработка конкретных управленческих решений, на основе которых формируется система

управления, нуждается в здравом смысле и ориентации в текущем социально-политическом моменте, а сиюминутная эффективность способов подчинения объекта власти не вызывала на протяжении столетий серьезных теоретических проблем. Другое дело - формирование принципов власти, адекватных ценностной реальности, которые являлись бы универсальными и примиряли бы общество с его отчужденной формой – государством, находили бы место взаимоотношениям в метасистеме «человек – общество - природа». Для этого нужны время и серьезные, целенаправленные усилия творческой части человечества. В результате появляется новая властная парадигма, которая в данной диссертации обозначена как авторитет власти.

Рассмотрим кризис потестарного общества, его духовной основы и власти авторитета в разных сферах человеческого общежития. Споры о подлинных причинах его кризиса до сих пор не утихают среди историков и философов. Достаточно вспомнить марксистскую версию о динамично развивающихся производительных силах и тормозящих эту динамику производственных отношениях [164]. Не менее популярной является версия М. Вебера о духовных источниках кризиса [39]. Особняком стоит теологическая версия [165; 230]. В данный момент рассмотрение этих версий привело бы к ненужному отступлению от главной линии диссертации, в рамках которой необходимо выяснить причины кризиса власти и выявить, явился ли он реакцией на кардинальную смену принципов общественного бытия или же сам инициировал эту смену.

Уничтожение парадигмы власти авторитета проявилось в исчезновении базовых условий ее существования, которые были рассмотренны в предыдущем подразделе. Причинами крушения власти авторитета явились:

- резкий рост численности человеческих коллективов на ограниченной территории;
- усложнение человеческого общежития – образование государства и классов;
- уменьшение роли биологического начала в общественной жизни;

- возникновение новых типов мировоззрения – философского и религиозного, а соответственно новых ценностных систем;

Численность человеческих коллективов возросла в результате смены форм экономической эксплуатации природы (от собирательства к земледелию). Наиболее обоснованной причиной этого явления следует считать смену экологического фактора [125, с. 16 -17]. Причину появления частной собственности и государства логично было бы искать не столько в «злой воле» вождей и старейшин, сколько в объективной необходимости регулировать новые отношения, возникающие с появлением земледелия и скотоводства (необходима координация труда больших коллективов, пополнение обширного и сложного в техническом отношении трудового инвентаря и др.) [324]. Возникновение новых типов мировоззрения, судя по всему, также предшествовало изменению властной концепции [12].

Таким образом, кризис власти авторитета был следствием глобального кризиса в человеческом обществе, который затронул все общественные аспекты (от социокультурного до экономического) и инициировал новое измерение его жизни – политическое измерение (становление последнего происходило одновременно со становлением государства и авторитета власти [60, с. 19]).

Экономические предпосылки кризиса власти авторитета

С появлением института частной собственности уравнительные отношения потестарного общества постепенно деградируют, и, следовательно, власть авторитета с ее идеями координации и всеобщего благополучия теряет свою опору. Этот процесс прекрасно продемонстрировал Ф. Энгельс. Стихийно, без глубоких интеллектуальных усилий, на уровне очевидного управленческого решения предпочтение отдается субординации в вопросе распределения излишков производства. Прообразы иерархии и субординации в лице вождества теряют экономическую (уравнительные отношения, коллективная собственность) систему сдерживающих факторов. Таким образом, формируется

экономическая база для создания независимой от общественного мнения власти, которое позднее проявит себя в форме государства.

Социокультурные предпосылки кризиса власти авторитета

Мифологическое мировоззрение уступает место религиозному и философскому. Из коллективного «МЫ» выделяется индивидуальное «Я». Власть авторитета, эффективно функционирующая, когда индивидуальные интересы приносятся в жертву коллективным, начинает давать сбой. Потенциал, заложенный в институте вождества, с утверждением частной собственности выливается в структуру, конкурирующую с общественным мнением. Вся античность пронизана трагедией. Воля индивида сталкивается с общественным мнением (Одиссей, Тиресий, Сократ, Перикл, Фемистокл). Философское мировоззрение стремиться опереться на индивидуальный и неповторимый разум, религия - на душу. Обе идеи находятся в противоречии с мифом, отказывающим человеку в праве на индивидуальную неповторимость. Нанося удар по «идейному» содержанию власти авторитета, смена мировоззрений подготавливает почву для отчуждения человека от власти. Если ранее каждый член коллектива являлся частичкой власти, то теперь, заявляя право на самостоятельность, он входит в двусторонние отношения с властью, противопоставляя себя власти. С последней все более ассоциируется государство, а не некое абстрактное право или состояние личности. Образование первых государств, в частности полисов, окончательно дискредитирует принцип власти авторитета. Он продолжает действовать лишь на уровне семьи, где сохраняются реликтовые структуры потестарного общества. Патриархальная семья, ставшая прообразом государства, при развитии последнего, заявляет о своей маргинальности по отношению к порожденному ей институту. Уже Аристотелю приходится доказывать родственный характер семьи и государства. Данный факт не был для его современников очевидным. В Античности и Средневековье семья с ее характерными отношениями власти авторитета всегда входила в конфликт с государством. М. Мид совершенно справедливо заметила, что только в

высоких цивилизациях институт семьи планомерно уничтожается [170, с. 320]. Возможно, кризис семьи в поздней античности и дисгармоничные формы брака во время Средневековья явились косвенными свидетельствами отсутствия компромисса между властью авторитета и авторитетом власти.

Нормативные предпосылки кризиса власти авторитета

В первобытном обществе право воспринимается уже как система прав и обязанностей [60]. Но только с появлением традиционного общества происходит инверсия права в форму закона. Для последнего неприемлемы понятия справедливости и морали. Закон опирается не на силу общественного мнения, а на авторитет власти - государства и его структур. Закон обеспечивается не нравственностью, а карательными санкциями государства. В этом отношении был прав В. И. Ленин, говоря, что государство - это аппарат подавления [153. с. 376-379]. Однако в правовом измерении сохраняются, вплоть до Нового времени, рудименты потестарного общества, когда субъектом правовых норм остается семья, а не конкретный индивид. Долгое время продолжают существовать установки табу и талиона, традиции кровной мести, правила коллективной ответственности общины, семьи, клана за проступки индивида. Такое положение дел характерно в целом для переходного периода от власти авторитета до авторитета власти.

Политические предпосылки кризиса власти авторитета

Потестарное общество не нуждалось при решении властных вопросов в посредниках - в слое профессиональных чиновников или политиков. Однако с усложнением социально-политической и экономической ситуаций появилась потребность в формировании новых институтов человеческого общежития. Первоначально они выполняли административно-военную функцию, сохраняя целостность территории и порядок внутри общества. Лишь позднее, по мере своего усложнения и развития, в эпоху первоначального накопления капитала, государственные структуры заявят о себе как инструмент политики. К этому времени стоит отнести появление политического сознания как мощной силы, подчинившей себе конкретный

институт государства. Имеется в виду ситуация, когда люди с помощью своего политического сознания воспринимают свою государственность. У них формируется убеждение, что только в государстве они могут реализовать свои цели [60, с. 21]. Государство, являясь выражением авторитета власти, стремилось и стремится отождествить себя с властью вообще. Однако такой реликт, как общественное мнение, постоянно напоминал о себе. Это отчетливо заметно в правовой и социокультурной сферах. Этот фактор постоянно присутствовал в экономическом измерении (ограничение экономической деятельности некоторых классов в условиях средневековья, постоянное попирание прав частной собственности в Античности и др.). Противоречия между властью авторитета и авторитетом власти привели к многочисленным попыткам (на теоретическом уровне – социальные утопии, на практическом – богатый спектр государственных экспериментов) их примирения [15, с. 27][*]. Следует остановиться на этом подробней, ибо необходимо учитывать исторический опыт переходного периода при оценке кризиса индустриального общества и определении благоприятных форм и способов его преодоления.

Труды Платона и Аристотеля, социальная утопия первого и трезвый анализ текущей ситуации второго, представляют собой прекрасные образцы инициирования долгого поиска выхода из развивающегося кризиса власти авторитета. И тот, и другой работали в сложное время, когда кризис власти еще не был осознан, когда зарождающийся институт государства только заявлял о своих возможностях, когда индивид еще не был отчужден от власти. Однако и Аристотель и Платон сумели зафиксировать наиболее существенные черты кризиса – в области экономики, нравственности и структуре общества. Созданные ими типологии и оценки политических режимов блестяще демонстрируют проблемы становления принципов государственного строительства. Именно Платон в своих «Государстве»,

[*] В рамках западной традиции данная борьба проявилась в противопоставлении двух образов – тирана и мудреца [112]. На востоке тот же самый конфликт отразился в образах поэта и чиновника [194, с. 26].

«Законах» и диалоге «Политик» предложил упорядоченную и логическую схему взаимоотношения власти авторитета и авторитета власти. Правда, вариант решения был представлен не с учетом тенденций, а исходя из ностальгических воспоминаний прошлого. Появился гибрид государства, построенного по принципам авторитета власти (жесткая стратификация общества, вертикальная иерархия государственной структур) при способах управления, характерного для власти авторитета (доминирование координации над субординацией, идея осознанного подчинения существующим правилам, преобладание интересов коллектива над индивидами, отсутствие чиновников и политиков). Попытки претворить в жизнь этот замысел оказались неудачными.

Аристотель подошел к проблеме более рационально. Его политика - это результат скрупулезной оценки текущего момента (проведенной в афинской политике) [10], предельно внимательное изучение принципов функционирования государства (в правовом, экономическом, нравственном, управленческом измерениях) [11]. Он не предлагает утопий, а лишь трезво оценивает оптимальный уровень соотношений координации и субординации, общественного мнения и государственного управления. Однако недостатком этого анализа является тот факт, что теоретическая модель Аристотеля могла работать лишь в античном обществе классического типа.

Шире смотрели на проблему младшие современники Аристотеля – Ксенофонт и Исократ. Они предложили первый в истории универсальный способ построения многонационального государства без ущемления национальных или конфессиональных прав его подданных. Они наметили переход от самого понятия «гражданин» ко всеохватывающему – «подданный». И раб, и господин, и царедворец, и крестьянин перед лицом государства едины. Таким образом, они теоретически предвосхитили практическое решение этой проблемы в эллинистических империях востока и вершину развития античного государства – образование Римской империи.

Последняя явилась итогом многолетних поисков идеальной формы соотношения общества и государства. В рамках империи предельно обостряется противоречие между гражданином и подданным. Эта трагедия отчетливо заметна в судьбе мыслителя Марка Аврелия. Как гражданин, он **желает** остаться философом и любящим семьянином. Но, как подданный, он **обязан** стать императором. Как частный результат этого противоречия на свет появилась его замечательная книга «Наедине с собой». Марк Аврелий находит компромиссный вариант решения указанной дилеммы. Во внешнем мире он блестящий император, удачливый воин и блестящий администратор, а на листах своего дневника он нежный отец, любящий муж и тонкий мыслитель. Однако этот путь лишь для избранных [2]. На феноменальном уровне поиск осуществлялся через определение наиболее универсальной формы проявления и формы осуществления власти. В качестве первой выступали выборные должности и бюрократия, как формы осуществления конкурировали тирания, монархия, демократия, олигархия, империя. В результате была найдена универсальная форма осуществления власти – бюрократия. С крушением империи слой профессиональных чиновников не исчез. На некоторое время его вытеснила система вассалитета. Но система вассальных обязаностей была хороша лишь для узкого диапазона условий, ее закат начался уже в XIII веке [293, с. 71], а с появлением Генеральных штатов, парламента, первых средневековых республик и национальных государств она, как оптимальная форма регламента общежития людей, окончательно уходит в небытие [297, с. 22-24].

Средневековье с повсеместным развитием христианства значительно трансформировала нормы мифологического мировоззрения в религиозное и очистило право от коллективной ответственности. Оно сделало индивидуума единственным ответчиком за свои грехи. Сакрализируя государство, оно закрепило претензии государства на олицетворение власти и ее

доминирование над общественным мнением. Роль должности возросла неизмеримо, человек на этой должности перестал быть значимым*.

Эпоха первоначального накопления капитала знаменовала собой поворотный этап. Началось теоретическое обоснование начавшегося процесса. Первым, кто обосновал новую парадигму власти, был Н. Макиавелли. В своей работе «Государь» он «сводит счеты» с властью авторитета, отрицая такие ее основополагающие черты, как равенство и справедливость. Перед князем или чиновником, заявляет Н. Макиавелли не должны стоять вопросы нравственного выбора, все его поступки должны быть подчинены эффективности функционирования государственной машины [161, с. 76-83, 120-126]. Ж. Боден развивает ряд мыслей Н. Макиавелли. Однако если его предшественник много внимания уделял анализу практических поступков князей, то Ж. Боден сосредотачивает свое внимание на теории государства вообще. В своем главном труде «Шесть книг о государстве» он выводит квинтэссенцию принципа власти авторитета, считая, что власть государства - это «абсолютная, не связанная никакими законами власть над гражданами и подданными» [27].

Излишне восторженная оценка государства итальянскими мыслителями сменилась попыткой найти примирение между обществом и активно развивающимся государством. Коллизии политики Карла I в Англии (с его претензией на абсолютную власть), известная политика его французского коллеги Луи XIV – «короля - Солнце» с заявкой «Государство – это Я» показали, к каким уродливым формам может привести ничем не ограниченный авторитет власти. В Англии и Франции интеллектуальное меньшинство задалось целью найти приемлемые формы сосуществования государства и общества, гражданина и подданного. В Англии эту традицию представляют Т. Гоббс и Дж. Локк. Среди французских мыслителей особенно выделяются Ж. Ж. Руссо и Ф. А. Вольтер. Их - работы это образец построения идеально сбалансированного механизма сдерживания амбиций

* О специфике этого процесса на востоке см. [274].

государства силой общественных институтов. Результатом их усилий явился проект «гражданское общество», который дал начало целому направлению в философско-политической мысли Европы. Однако, несмотря на всю его привлекательность, в жизни он не был реализован. Из богатого наследия современная действительность востребовала лишь концептуально оформленную идею государства с его сбалансированной системой распределения власти. Имеется в виду знаменитая трехчленная система государственной власти: власть судебная, исполнительная и государственная. Поднимаемая мыслителями проблема **сосуществования** общества и государства была заброшена на полтора столетия и стала актуальной лишь в первой половине XX века в связи с банкротством идеи доминирования авторитета власти вообще и государства над обществом в частности.

Таким образом, усилиями Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Ж. Бодена, Д. Локка, Ф. А. Вольтера, Ж. Ж. Руссо, Ш. Л. Монтескье идея государства обрела завершенную форму. Средневековая модель государства с опорой на нравственность (теократия) была заменена более гибкой - республикой, в основу которой практика политической жизни положила наживу и лицемерие. Преимущество авторитета власти над властью авторитета, со снятием нравственных и юридических ограничений, при закреплении этой идеи спецификой экономического развития, обрело свое выражение в появлении современного типа власти. Оформление политического сознания окончательно сформировало новую властную парадигму в образе авторитета власти.

В условиях трансформационных процессов линия противостояния власть - ценности значительно усилилась*. Во многом заявленные казусы и парадоксы исследованного этапа становления власти объясняются отчужденностью ценностных ориентиров человека и власти. Противостояние сменилось подменой коренных ценностей человеческого общества

---

* Изучение любопытныго вектора этой проблемы см. [18, с. 65-71], а также любопытные формулы их примерения через т.н. «сценарии власти» [273]

заменителем - идеологией. Развитие культуры, ослабление биологического наследства человека привело к возможности создания лжеценностей, лженравственности. В силу этих обстоятельств, в рамках индустриального общества противоречие «власть - ценности» было на время снято. При этом инстинкт власти и обладания нашел свое конкретное выражение в идее частной собственности, в феномене «успешного человека».

В рамках указанного противоречия развивалось противостояние и двух диаметрально противоположных принципов власти: вертикали и горизонтали. Анализ эмпирического опыта показал, что в разных условиях предпочтение отдавалось либо исключительно вертикали, либо горизонтали власти. Методологическое и практическое их сопряжение произошло лишь на завершающем этапе трансформационных процессов. Была концептуально оформлена ситуация доминирования вертикали власти при сохранении, хотя и уменьшении роли горизонтали. На практике это нашло свою форму в утверждении авторитета власти с его конкретным содержанием и явленными социальными институтами.

Выводы:

1. В рамках традиционного общества происходили напряженные поиски принципов власти, адекватно отражающих реальность общественного бытия и могущих найти формы снятия напряжения «власть – ценности».
2. В результате поисков напряжение противоречия «власть-ценности» было снято, через подмену последних идеологическими клише.
3. Логика изменения онтологических условий существования власти предопределила выбор в пользу республики, бюрократии и демократии.
4. Доминирующим оказался принцип авторитета власти при незначительной роли власти авторитета, который принял латентную форму в рамках института нуклеанарной семьи.

2.3. Авторитет власти и ее кризис

Термин «индустриальное общество» (другие термины-конкуренты: развитое общество, «эпоха фабричных труб», капиталистическое общество) впервые введен Анри Сен-Симоном в XIX веке [46, с. 415]. Он получил широкое распространение благодаря усилиям О. Конта, Э. Дюркгейма, Г. Спенсера и др. Значительную роль в становлении термина сыграли Р. Арон, Э. Тоффлер, Д. Гэлбрейт, Г. Маркузе (подробнее о генезисе термина и его интерпретации см. [330]). Ныне акценты термина смещены от дифирамбов технологическому процессу к критическому рассмотрению негативных последствий машинной цивилизации (одними из первых работ в этом направлении являются монографии Г. Маркузе «Одномерный человек» [336], Э. Фромма «Бегство от свободы» [286]). Основная идея этих работ заключается в том, что новоевропейская цивилизация осуществляет подмену аксиологических основ человеческого общества идеологией и искусственно навязываемыми нравственными ориентирами.

В диссертационном исследовании под индустриальным обществом понимается специфический период человеческой истории от XVI – XVII вв. до середины XX в. С появлением индустриального общества была сформирована принципиально иная, чем в потестарном и традиционном обществах, структура власти. Ее появление было инициировано глубочайшими сдвигами в обществе, которые на феноменальном уровне произошли с образованием государства и созданием добывающей экономики, а на онтологическом - с существенным изменением ценностных ориентиров европейского общества. После тысячелетних экспериментов и напряженной работы лучших умов человечества была создана идеальная для новых условий система власти - авторитет власти. Поэтому первой задачей

этого подраздела является анализ оснований авторитета власти в ключевых сферах человеческой жизнедеятельности – политике, экономике, праве, культуре.

История кризиса власти авторитета подсказывает, что при кардинальном изменении базовых принципов человеческого бытия трансформации подвергается и власть. Сначала изменяется схема принятия конкретных управленческих решений, потом происходит переосмысление принципов власти на онтологическом уровне. Все это инициирует выработку конкретных проектов при согласовании властных парадигм с уже изменившимися экономической, политической, правовой и социокультурной реальностями. Поэтому следующая задача подраздела - проанализировать предполагаемую новую концепцию власти, отличную от авторитета власти, которая адекватно отражала бы уже изменившиеся основы человеческого бытия [266; 267].

При решении первой задачи используется традиционный, проверенный, набор общелогических приемов и методов: анализ и синтез, индукция и дедукция и др. При выполнении второй задачи используются возможности диалектического метода с ориентиром на то, что развитие объекта (в данном случае - власти) включает в себя ряд фаз: становление (власть авторитета), развитие (переходный период) и ставшее (авторитет власти). В рамках ставшего зреют силы, которые приводят к отчуждению формы ставшего и возвращаются к исходному этапу, но уже в новом качестве (новое качество власти авторитета). Однако данный принцип нуждается в дополнении. Метод синергетики, позволяет добавить, что в точках бифуркации конкретное изменение власти возможно в нескольких альтернативных вариантах. Альтернативой власти авторитета выступают трансформация и усиление авторитета власти. Необходимо определить базовые условия и действительные факторы, которые влияют на характер качественных изменений ныне существующего авторитета власти.

Возникновение авторитета власти было обусловлено ходом исторического преобразования основных измерений человеческого бытия – политики, экономики, права и социокультурного измерения, которые находят свое основание в ценностных ориентирах человека [309; 313; 314].

Авторитет власти стал формой примирения диаметрально противоположных принципов существования власти. Корни противостояния уходили в биологическое прошлое человека, когда их органическое сочетание помогало ископаемым гоминидам и первому человеческому коллективу выжить в агрессивной внешней среде. В рамках потестарного общества сложился компромисс, который с разрушением привычных условий существования был подвергнут испытанию, а позднее уничтожен. В течение тысячи лет происходил поиск оптимальной системы взаимоотношений при усилении государства, с одной стороны, и самоосознания личности - с другой. В результате в эпоху Возрождения государство как отчужденная форма общества получило право на существование, что было закреплено на теоретическом уровне работами Ж. Бодена, Д. Локка, Т. Гоббса, Н. Макиавелли. Сложившиеся к этому времени экономические условия позволили сформироваться такому политическому сознанию, которое стало отождествлять государство с властью вообще. Индивид, вырванный этими процессами из общины, был отчужден от власти государственными структурами в лице бюрократии – формой осуществления власти, существовавшей еще в эпоху римской империи. К XVIII веку авторитет власти стал новой властной парадигмой, которая пришла на смену власти авторитета. В этой схеме о доминанте заявило государство. А принцип жесткой иерархии и субординации пришел на смену горизонтальной коммуникации. Принципы господствования и подчинения стали доминировать над влиянием и согласием. Личность исключалась из процесса принятия властного решения. Ее заменяла предельно обезличенная система бюрократии и государственных должностей. Отныне властью наделялся не человек, а государственная

структура с четко зафиксированной системой полномочий. Появившееся научное мировоззрение стало доминирующей формой общественного сознания. Оно смогло выработать оптимальную форму осуществления власти – демократию, с ее трехчленной системой сдержек и противовесов (исполнительная, законодательная и судебная власть). Рожденная система была плодом представлений элиты того времени о классической механике.

Произошла ситуация, когда изменяющиеся ценностные ориентиры стимулировали изменение системы власти а последняя стала оказывать активное воздействие на сами ценности. Ценности стали активно подменяться идеологическими клише и ложными нравственными ориентирами. Это явилось одним из аспектов подмены культуры цивилизацией, биофилии некрофилией, стремлением к искусственно созданным, по определению мертворожденным, вещам индустриальной цивилизации.

Таким образом, система власти обрела статус ставшего и, в результате искусственной корректировки ценностей, стала адекватно отражать реалии современного ей мира. Система оказалась настолько прочной, что был начат ее экспорт (начало XX века) в остальные страны мира, которые все больше входили в сферу влияния Запада. Однако еще в XVIII веке французские просветители, уловив искуственность государства и его противоречия с безусловными ценностными основаниями жизни человека, попытались продумать альтернативы государству в рамках идеи гражданского общества. Но успехов не достигли. Однако сама идея не угасла и получила дальнейшую разработку в трудах И. Канта, Г. Гегеля, К. Маркса. К настоящему времени идея гражданского общества является, пожалуй, наиболее дискуссионной в социальной философии. Споры начинаются уже вокруг самого концепта. Так, исследователи считают, что понятие «гражданское общество» впервые появилось в античности, где стало термином юриспруденции. В политической философии средневековья под гражданским обществом понималось различие между общественными и религиозными институтами; в

XVII в. - различие между человеческим и естественным состояниями. И только в XVIII в работах французских просветителей Руссо, Вольтера, Дидро понятие «начинает впитывать в себя отдельные, порой не самые существенные черты его современного содержания» [60, с. 52]. В XIX веке благодаря усилиям Г. Гегеля, К. Маркса понятие «гражданское общество» приобрело свои главные и окончательные черты» [60, с. 53]. Тем не менее при всем многообразии определений и различий понимания термина, выделяют следующие универсальные характеристики:

- гражданское общество - это часть общества, независимая от государства;
- гражданское общество обеспечивает права индивидов и, в том числе, право собственности;
- в гражданском обществе независимо от государства действуют множество автономных ассоциаций экономического, культурного и др. планов [60, с. 53].

В диссертационном исследовании учитывается определение понятия, сформулированное в коллективной монографии «Гражданское общество» [60], согласно которому гражданское общество - это «свободное сообщество равных людей, способных к творческому созиданию своего общежития и осуществлению своих потребностей как на уровне частной, так и публичной жизни» [60, с. 27].

Идея гражданского общества выступает как диалог между государством и обществом в условиях доминирования принципов горизонтали власти. Именно этот аспект гражданского общества пережил своих создателей и активно эксплуатируется в научных и философских исследованиях. Но практическая реализация идеи гражданского общества не могла быть осуществлена в условиях доминанты авторитета власти. Поэтому возникает закономерный вопрос: каковы же пределы функционирования авторитета власти? Очевидно, сколь бы ни была совершенна и гибка система, наступает время, когда она не в силах трансформироваться в новое качество,

адекватное изменениям социума, и обрекает себя на уничтожение через кризис.

Э. Тоффлер в своей монографии «Метаморфозы власти» провел анализ теоретических возможностей принципов вертикальной субординации в экономической и социальной сфере.

Во-первых, там, где требуются творческие усилия большого коллектива людей, эффективными оказываются принципы координации. Авторитет власти эффективен лишь при относительно монотонных, не требующих быстрого реагирования процессах (будь то в экономике или в политике).

Во-вторых, авторитет должности неуместен там, где речь идет о группе индивидуалов, автономных в своей деятельности. В индустриальном обществе этого не требовалось (исключение - художники и артисты).

В-третьих, авторитет власти бессилен решать глобальные проблемы, требующие перестройки всего государственного организма, идеологии и мировоззрения.

В-четвертых, авторитет власти немыслим, когда существуют высокие информационные запросы общества, ведущие к осознанию обществом своих сил и возможностей (французские революции, появление Веймарской республики, эволюция Британской монархии).

Авторитет власти в условиях нестандартных проблем XX века демонстрирует свое бессилие и облекается в форму прямого насилия, чтобы восстановить прежний статус quo. Ограничения, авторитета власти во многом характерны для современного общества, которое, по мысли ряда авторов, пришло (или приходит) на смену индустриальному обществу. Терминов для обозначения современной социальной реальности много: информационное, постиндустриальное, посткапиталистическое общество, общество постмодерна. Сама идея ухода в небытие индустриального общества введена в 1962 г. Ф. Машлупом в работе «Производство и распространение знания в Соединенных Штатах». Широкое развитие термин получил благодаря стараниям Е. Масуде («Информационное общество как

постиндустриальное общество» (1983)) и Э. Тоффлера («Третья волна», «Метаморфозы власти»). Термин был введен с целью осмысления тех глобальных изменений в социуме и экономике, которые принесли быстрое развитие коммуникации, превращение информации в самый популярный и быстрореализуемый товар. Основная идея – это интеграция существующей системы с новейшими коммуникационными системами. Последствия этого очевидного факта оцениваются по-разному. Пессимисты полагают, что произойдет установление тотального контроля за обществом со стороны государства и появление новой формы тоталитарного государства. Оптимисты видят в этом процессе основы для дальнейшего развития демократии в новом качестве, либерализацию властных структур и образование новой властной парадигмы [266; 267].

Однако сразу же появилось мощное течение противников данного направления. Наиболее фундаментальным критиком идеи информационного общества можно считать К. Мея. В соей монографии «Информационное общество» британский исследователь последовательно доказывает, что в конце XX века ни один из параметров информационного общества ни в экономике, ни в политике не существует. Более того, считает К. Мей, информационное общество - это миф, удобный для биржевых спекулянтов и политических агитаций [168, с. 8]. Не учитывать приведенные К. Меем факты нельзя. Действительно, мировая экономика все еще индустриальна, в ней основным источником дохода и регулятором биржевых колебаний служит цена на сырьевые источники, и прежде всего на нефть и газ. Но информационные технологии и влияние информации как специфического товара с каждым годом расширяют свой сектор экономики. Сейчас уже никого не удивишь, что возможна покупка и продажа денег как некого идеального объекта за которыми не стоят реальные, опредмеченные товары, а между тем совсем недавно это вызывало бурные дискуссии в экономической науке. Трудно не согласиться с К. Меем и в том, что ныне нет речи об отмирании государственных институтов. Об этом свидетельствует и

претензии на диктат государства США в адрес той доли американского общества, которое выступает против войны с Ираком, столкновение государства Франции и солидной части французского общества по поводу договора «О первом найме». Показательны сами эти столкновения, но и показательна возможность уступок государства – обществу.

Скорее всего, речь должна идти о начале трансформации старого индустриального общества в некое иное качество. Само по себе понятие трансформация вполне допускает подобного рода трактовку. А. А. Мусиедзов выделяет ряд характеристик, связанных с трансформационными процессами в обществе. Он выделяет:

- изменчивость;
- установление, а не наличие порядка. Эта ситуация в авторской терминологии обозначена как «стихийное переупорядочивание». [181, с. 52].

Этот список дополняет В. И. Подшивалкина, указывая на:

- многовекторность разрешения кризиса;
- появление новых, непонятных, быстроисчезающих феноменов;
- противоречивость и парадоксальность протекающих процессов. [208, с. 16 - 17]

Не так уж и важно, как будет обозначено общество, приходящие на смену индустриальному. Имеют значение лишь безусловно фиксируемые изменения в разных измерениях человеческого общества, которые влияют на характер власти. В данном аспекте и будет рассмотрен кризис авторитета власти в современных нам трансформационных условиях.

Экономические предпосылки авторитета власти и ее кризиса

Появление частной собственности и собственности на средства производства предварило завершение истории власти авторитета. Его механизмы не смогли эффективно контролировать распределение продуктов труда. С развитием капиталистического способа производства в рамках известной формулы «товар – деньги – товар» появился прочный базис для

функционирования уже указанных принципов авторитета власти. Основой для капитализма стали формально свободный рынок, неприкосновенность частной собственности и промышленное производство. Последнее явилось той реальностью, которую исключительно удачно отразили принципы иерархии господствования и подчинения при жестко централизованной системе с вертикальной субординацией и доминированием идеологических клише вместо реальных ценностей. Олицетворением этой системы стали корпорации Ф. Моргана и Г. Форда. Однако с началом изменения качества товара (с промышленного, физического объекта на информацию, знание и услуги) происходит кардинальная смена схем принятия управленческого решения. Формула «товар – деньги – товар» остается прежней, но эффективность оборота капитала при новом качестве товара сильно задерживается старой командной системой. Так работники интеллектуального труда стали обладать собственностью на свои уникальные способности. При этом такая собственность не отчуждаема и не может быть присвоена в объективированной форме [91, с. 11]. Это происходит на фоне усиления факторов самоорганизации и саморазвития общественных структур как особенности современного общественного устройства [32, с. 5; 305, с. 207]. Производство знания и информации требуют не приказов, а рекомендаций. В этой сфере востребовано не управление, а координация. Наиболее эффективной становится система, в которой каждое звено обладает автономией и возможностью обширной горизонтальной коммуникации. Этот процесс начала кризиса авторитета власти отметил в своих работах Э. Тоффлер. Как показывает эмпирический опыт, старая парадигма власти, неспособная на изменения, сохраняется, но сиюминутные управленческие решения предвосхищают ее смену. Так, структура корпораций еще отражает старую систему авторитета власти (директорат, подкомиссии и подотделы), но при решении конкретных проблем уставы фирмы нарушаются в пользу принципов власти авторитета.

Политические предпосылки авторитета власти и ее кризиса

В рамках индустриального общества особую роль играют политическое сознание, политическая идеология и государство. С развитием индустриального общества государство берет на себя обязанности не просто поддержания порядка и внешних границ, но и заявляет о претензии на регламент внутренних устоев общества. В этом случае человеку отводится роль подданного. Но, несмотря на доминирование государства, роль общества, в котором человек ощущает себя гражданином, возрастает. Старое противоречие обретает в индустриальном обществе новое качество и проявляется как противостояние государства (в форме бюрократии) и свободной ассоциации людей (в форме гражданского общества) [60, с. 27]. Ранее антиподом государства выступала семья. В индустриальном обществе роль альтернативы стали играть общественные организации. В отношениях «подданный – государство» человек отчуждается от власти, которая является прерогативой бюрократии. В отношениях «гражданин – гражданское общество» он расширяет свои властные полномочия. При существовании устойчивой системы авторитета власти государство имело возможности уменьшить эти противоречия. Но из-за классического правила, согласно которому любая система обеспечения стремится превратиться в систему самообеспечения, произошла инверсия бюрократии в бюрократизм (М. Вебер), а из демократии, как способа осуществления власти, выхолащивается ее содержание, заложенное еще в XVIII веке. Взрывное изменение экономических устоев общества привело к его существенной трансформации. Необычайно стремительное развитие средств коммуникации (телефон, радио, телевидение, Интернет) предоставило обществу огромные возможности для создания структур, альтернативных государству. Бюрократия становится лишней. Появились технические возможности решать политические проблемы напрямую, без посредников [305, с. 207]. Реальностью стала система принятия решений через референдумы в Ирландии и Швейцарии, в некоторых штатах США. А это резко уменьшает

роль профессиональных политиков. Однако вопрос, какую форму обретет трансформация политического сознания, остается открытым. Очевидно, оно воплотит в себе многие идеи гражданского общества (одной из альтернатив гражданскому обществу является идея «ноократического общества» [200]).

Социокультурные предпосылки авторитета власти и ее кризиса

Системный характер перемен не мог не затронуть социокультурное измерение человеческого бытия. Если потеря мифологическим мировоззрением доминирующих ролей лишила власть авторитета нравственного и нормативного основания, то религиозный и, особенно, научный типы мировоззрения освятили и обосновали авторитет власти. Научное обоснование осуществления власти в форме бюрократии закрепили за новой парадигмой власти ее доминирующий статус [39, 56]. Мифологическое мировоззрение, на первый взгляд, было полностью раздавлено и уничтожено. Однако современность преподносит нам проявление мифологического мировоззрения уже в новом качестве: спиритизм и астрология, шаманство и фетишизм, а также политические мифологемы. Особенно широкое распространение мифологическое мировоззрение получает в среде молодежи. Это еще один тревожный сигнал, который свидетельствует о том, что онтологические основания старой парадигмы власти дали трещину. Для нового поколения научное и религиозное обоснования авторитета власти уже не имеют значения. Их идеалом становится система власти авторитета, которая до сих пор успешно сохранилась в среде профессионального преступного мира и получила второе дыхание в неформальных молодежных организациях. Эти факты являются следствием кризиса идентичности. Как считает В. М. Межуев, переход к новому миру, имеющему много названий, «сопровождается кризисом всех форм идентичности, известных до сих пор» [167, с. 13]

На ценностном уровне противоречия между властью авторитета и авторитетом власти вылились в парадоксальное сосуществование свободы и

принуждения, которые затрагивают проблемы справедливости, разума, диалога и согласия [103].

Особо следует остановиться на роли семьи. Современность показывает, что семья в ее классическом понимании теряет свои позиции. Фактически доминирование мужчины в семье сменяется доминированием женщины (влияние этого процесса на психологические основания власти см. [20]). Мощнейшие феминистские движения, успехи женщин в бизнесе и политике - яркие тому подтверждения. Семья получает иное, отличное от традиционного общества, качество. В этом отношении напрашиваются параллели с функционированием власти авторитета, который господствует при матриархате. Таким образом, и в социокультурном измерении уже произошли необратимые изменения, которые демонстрируют бессилие старой парадигмы власти контролировать их.

Изменение авторитета власти фиксируются на феноменальном уровне. Согласно известным аксиомам, их должно предварять изменение ценностных ориентиров. Противостояние системы координат власти и ценностей послужило источником взрыва противоречий в рамках индустриального общества. Так, отторжение от идеологических клише, приведших к ужасам двух мировых войн, вызвало распространение движения хиппи,…, и прочих неформальных организаций. Искусственное навязывание нравственных приоритетов с жесткими моделями поведения повлекло лозунг: «назад к природе». Новое прочтение получили такие фундаментальные ценности, как жизнь, собода, воля, собственность. Вновь актуализировалась проблема равенства и справедливости. Эти процессы нашли свое отражение в уже названных измерениях человеческого бытия. Как и в рамках традиционного общества, предпринимаются попытки расщепить сопряженные понятия вертикали и горизонтали власти, определить нравственность этих категорий (горизонталь хорошо, а вертикаль плохо). Кризис идеологических клише, попытки элиты восстановить статус фундаментальных ценностей человеческого общежития при разбалансированности системы властных

принципов на сущностном уровне роднит специфику трансформационных процессов в традиционном и современном обществе. Судя по анализу эмперического опыта, новоевропейская цивилизация находится лишь в начале долгого процесса трансформации общества, власти и человека.

Еще одним косвенным подтверждением этого тезиса является мощный взлет интереса к футурологическим и, в особенности, к эсхатологическим сюжетам в рамках новоевропейской цивилизации. Для примера достаточно привести такие исследования, как Ф. Фукуямы «Конец истории и конец человечества», П. Дж. Бьюнкена «Смерть Запада», С. Хантигтона «Столкновение цивилизаций» [288; 37; 291]. Особым интересом вновь стал пользоваться жанр социальных утопий, рядящийся ныне в одежды социальной фантастики и псевдоисторических романов. Среди таких авторов можно выделить Д. Брина, А. Конде, Ф. Херберта, У. Эко и др. [34; 117; 295; 321; 322].

Однако на пути трансформации, исходя из синергетической парадигмы, общество ожидает как минимум два варианта развития ситуации. Первый прорисован достаточно четко, это переход к власти авторитета. Но нельзя исключать возможности иного варианта развития событий. Так, предыдущий период трансформации власти продемонстрировал, что она способна значительно корректировать основополагающие ценности общественного бытия. В современных условиях, с развитием информационных технологий, наряду с их позитивным значением для формирования власти авторитета, имеются предпосылки для формирования «одномерного человека» нового, отличного от индустриальной парадигмы качества [104]. И нет никаких гарантий, что в уже начавшемся открытом противостоянии «власть – ценности» последние не будут вновь заменены определенной идеологией. Для 18 века такой результат был закономерен. Он обеспечил развитие общества. Ныне он будет бесперспективным, тупиковым. Развитие общества может быть блокировано всемирным аппаратом информационных технологий. В этом заключается специфика современного этапа

трансформационных процессов власти. Поэтому на данном этапе изменения власти ответственность политических элит за будущее общества велика как никогда.

Конкретные прогнозы развития ситуации в рамках всего человеческого общества делать бесперспективно [130]. Слишком велика специфика региональных факторов, реально воздействующих на очерченные глобальные условия трансформационных процессов. Выявлению региональной специфики осуществления власти в современном украинском обществе будет посвящен третий раздел диссертации. В нем предполагается исследовать конкретные формы и процессы трансформации украинского общества, его перспективы через призму осуществления власти.

Выводы по разделу:

1. Власть авторитета изначально укоренена не в социальном, а в биологическом бытии прачеловеческих обществ.
2. С появлением протообщественных структур власть авторитета находит свое основание в материнском роде, а позднее - в патриархальной семье.
3. Существование власти авторитета возможно лишь в рамках добывающей экономики, первобытной нравственности и при отсутствии посредников в принятии властных решений.
4. В пределах власти авторитета формируются противоречия между иерархией и влиянием, господствованием и подчинением. Благодаря специфическим условиям потестарного общества (слитности власти, инстинктов и ценностей в единое целое) эти противоречия являются источником благополучия человеческой общности.
5. В условиях отчуждения человека от культуры, экономики и власти складывается противоречие «власть – ценности». Решение этого противоречия в разных измерениях человеческого бытия определяет характер власти, ее форму и содержание.

6. В рамках традиционного общества происходили напряженные поиски принципов власти, адекватно отражающих реальность общественного бытия и могущих найти формы разрешения противоречия «власть – ценности» [309].
7. В результате этих поисков напряжение «власть - ценности» было снято через подмену последнего идеологическими клише.
8. Логика изменения онтологических условий осуществления власти предопределила выбор в пользу республики, бюрократии и демократии, доминирующим оказался принцип авторитета власти при незначительной роли власти авторитета, который принял латентную форму в рамках института нуклеанарной семьи.
9. В рамках индустриального общества авторитет власти достиг высшей степени своего развития. Глобальные изменения в обществе, переход от индустриального типа экономики к информационному, кризис идентичности во всех сферах продемонстрировали бессилие авторитета власти решить глобальные проблемы существования человеческого общества. В политической и правовой сферах, с ростом коммуникационных технологий, бюрократия и представительная демократия становятся малоэффективными. В этих условиях идеальными принципами отношения были бы влияние, управление и согласие. Они допускают существование авторитета власти как конституирующего фактора социальной реальности.
10. Но тот же технологический рост может привести и к усилению худших черт авторитета власти через осуществление модели «одномерного человека». Поэтому специфические условия и факторы, присущие конкретному региону, играют главную роль (степень развитости технологий, исторические традиции, ценностные ориентиры). Их значение усиливается, если общество находится в условиях трансформационных процессов [313].

РАЗДЕЛ III
ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОМ УКРАИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

3.1 Проблемы постсоветского пространства и предпосылки осуществления власти в Украине

В 1991 году, после ряда юридических процедур (проведение референдума с заранее предсказуемым результатом, принятие декларации независимости и др.), Украина заявила о себе как суверенное государство. Последним этапом трансформации УССР в независимую Украину стало принятие в 1996 году Конституции [121]. Обретение государственности носило формальный характер. Оно состоялось без каких-либо усилий народных масс. Проголосовав на референдуме 1991 года, граждане УССР высказали намерение выйти из состава Союза и создать независимое государство. Но этот факт не сделал граждан автоматически украинским обществом, политической нацией. Население обрело статус подданных определенного государства, но далеко не определилось со своей идентичностью, продолжая частично отождествлять себя с советским, российским обществом или заявлять о своем маргинализме через региональную идентификацию (Крымскую, Киевскую, Галицийскую, крымско-татарскую и др.) [183, с. 5]. При этом очевидно что многие черты старого порядка продолжают де-факто существовать* и активно воздействовать на формирование нового качества объекта власти [143]. Так, в Украине во многом прежняя советская система власти (на уровне

* Об истоках заявленных парадоксов см. интересное исследование Ф. Конта [119].

соотношения категорий вертикали и горизонтали власти) сохранила прошлые черты*.

Однако следует отметить, что радикальные изменения произошли в сфере экономики (формируется свободный рынок), формально изменилась политическая система (сформировался институт президентства, складывается многопартийная система). Это оказывает, в свою очередь, влияние на изменение ценностных ориентаций граждан, а следовательно, и на качественные характеристики существующей ныне системы власти. Все это формирует сложнейший комплекс, который получил название проблем «постсоветского пространства» [312].

Суммируя сказанное, можно сделать вывод, что в данном контексте проблемы постсоветского пространства имеют, как минимум, 4 измерения: **экономическое, социо-культурное, нормативное и политическое**. В рамках каждого из них отдельные дисциплины научного знания (психология, политология, социология, экономика, правоведение, социальная география, культурология) решают свои специфические цели и задачи, но при этом исчезает целостное видение проблемы. Так, из множества междисциплинарных работ можно выделить всего несколько серьезных обобщающих исследований [156; 320]. Их количество и качество вряд ли может удовлетворить взыскательного читателя. Более внушительным выглядят исследования, которые в рамках своей науки (истории, социологии, политологии) поднимают специфические проблемы, связанные с отдельными аспектами обустройства постсоветского пространства и его влияния на условия формирования нового качества власти, а также на характеристики тех факторов, которые способны существенно изменить инертные условия бытия украинской власти.

Особую актуальность обретают вопросы идентичности, национального согласия и межконфессионального мира [16; 17; 29; 47; 59; 82; 172; 173], гражданского общества, наций и национализма, политической жизни

* Та же ситуация наблюдается и в РФ см.[129].

общества и форм государственного устройства Украины [48; 63; 64; 75; 106; 183; 190].

Поэтому не удивительно, что вопрос о предпосылках украинской власти в рамках постсоветского пространства рассматривается с точки зрения ее отдельных компонентов. В поле зрения исследовательской практики попадают проблемы построения гражданского общества [271; 303], символичности как основной характеристики механизма осуществления власти [197; 315; 316].

Анализ источников свидетельствует, что проблема власти изучалась с позиций необходимости формулировки ясных и четких рекомендаций по решению насущных проблем государственной и общественной жизни. Такая позиция не только характерна, но и полезна для начального этапа развития нового общества. Подобное отношение к проблеме позволяет оперативно решать частные, но актуальные задачи формирования новых социальных структур. Но в условиях завершения первого, наиболее разрушительного этапа трансформации, необходимы междисциплинарные, обобщающие работы, способные выявить не столько тактические, сколько стратегические ориентиры развития общества. Анализ современных политических и социологических разработок, которые появились в значительном количестве после 1993 года, позволил сделать вывод, что существующие дискурсы исследования феномена власти не смогли решить эту многоаспектную проблему [44; 74; 86; 122; 127; 174; 215; 229; 232; 233; 301; 303; 318]. В качестве показательного примера можно взять работу, подготовленную авторитетными учеными. Это «Концепція стратегії розвитку України у XXI столітті» [122].

Творческий коллектив составили известные политологи В. М. Бебик, М. Ф. Головатый, экономисты и социологи: В. Б. Захожий, К. П. Морозов, В. И. Судаков. Кроме гуманитариев в разработке концепции участвовали доктора технических, физико-математических, геолого-минералогических и филологических наук. Но представителей исторического и социально-

философского знания в заявленном авторском коллективе нет. Вероятно, этим объясняется игнорирование в представленной концепции проблемы «советского наследия» и его влияния на развитие власти. Вместо этого на уровне аксиом есть констатация кризиса власти.

Авторский коллектив связал основополагающие проблемы управления современной Украиной с кризисом ценностных ориентиров и национальной идентичности, но при этом не упомянул об истоках заявленной проблемы [122, с. 3, 6-7, 10-11]. Создается впечатление, что украинское общество и государство не имело прошлого (допускаются лишь ностальгические размышления о «седой старине») и сразу оказалось в конце XX в. в системном кризисе с указанными выше параметрами. Допущенный пробел снижает достоинство представленной концепции, ставит под сомнение сформулированные рекомендации и заставляет усомниться в эффективности представленного политологического дискурса.

Опыт изучения перспективы развития Украины в условиях отсутствия востребованности социально-философского видения проблемы власти показал, что произошло упрощение и даже искажение предпосылок становления как нового общества Украины* так и украинской власти. Отсутствие подлинной оценки онтологических основ «постсоветского пространства» сделало сомнительным любое рассмотрение перспектив развития Украины. Проведенные исследования не смогли заменить социально-философского дискурса, который позволяет выйти за рамки того или иного измерения общественного бытия и рассмотреть вопрос на уровне предельных оснований бытия общества в его становлении. Без этой предпосылочной исследовательской деятельности попытки диагностировать

---

* **Новое украинское общество.** По мнению абсолютного большинства украинских авторов, украинское общество еще не сформировалось. Оно «зависло» в переходном периоде от искусственного образования «советского общества» к виртуальному «украинскому обществу» [133, с. 18; 82, с. 12; 29, с. 144; 59, с. 279]. Более того, отмечается плюралистичность взглядов на это общество и механизмы достижения национального единения. По своей форме и сути заявленные концепции варьируются от откровенно радикальных до вполне либеральных.

современное украинское общество и тенденции его развития обречены. В лучшем случае, они могут обеспечить частичный успех.

В рамках социально-философского рассмотрения проблемы, за внешними проявлениями предпосылок становления нового общества и новой системы власти (свободный рынок – в экономическом измерении, многопартийность - в политическом, плюрализм мнений, гражданские свободы и права - в социально-культурном и в правовом измерениях) стоит онтологическая реальность, которая находится в отношениях когерентности, синергии и каузальности. Таковой реальностью являются фундаментальные ценности человеческого общежития: **жизнь, свобода, собственность, формальное равенство и справедливость**.

Характер отношения к этим ценностям во многом обусловливает динамику общественных процессов, их содержание и внешние формы проявления и осуществления [131, с. 13]. Более того, можно заключить, что именно ценностные ориентиры граждан играют ключевую роль в процессе формирования принципов власти, а следовательно, и в решении проблемы конкретного осуществления украинской власти. Поэтому рассматривать советское наследие в пределах экономических, нормативных, политических и социокультурных предпосылок осуществления власти в современной Украине следует под углом ценностных ориентаций. Только через выход на проблему ценностей можно реализовать заявленные методологические принципы и увидеть действительные, а не мнимые предпосылки становления новой системы власти в Украине, которая, по логике развития, должна сформироваться в рамках власти авторитета, а не авторитета власти.

Не является секретом тезис, что украинская власть тяжело больна. Симптомы этой болезни переходного периода хорошо фиксируются в экономике, политике, праве и культуре. Но легкость определения характера болезни обманчива. Ибо, отражаясь в политике или праве, кризис ценностных ориентиров приобретает форму кризиса государственного управления, политической организации, рыночной структуры. Поэтому все

серьезные шаги по преодолению кризиса направляются на лечение симптомов, но не самой болезни. В результате - закономерный провал демократических реформ последнего десятилетия. Попытки лечить «болезнь», игнорируя ее причины, сопровождаются очередными заблуждениями, социальными тупиками. Одним из них является, отмечаемый многими исследователями факт опережающего развития украинских государственных структур по сравнению с развитием общественного самоуправления [59, с. 279; 132, с. 3; 303, с. - 50]. Избежать указанной абберации могут помочь уже заявленные методологические принципы.

Из всего вышесказанного следует заключить, что, несмотря на существование устойчивой традиции рассмотрения проблем постсоветского пространства в рамках политического дискурса (например, в рамках концепции качественного скачка З. Бжезинского [23]) или социологической парадигмы (концепции Т. Парсонса [198]), данный вопрос можно рассматривать и решать только средствами социально-философского анализа.

Экономические предпосылки осуществления власти современной Украины*

В Советском Союзе экономика Украины находилась в привилегированном состоянии [62, с. 10]. С провозглашением М. С. Горбачевым ряда экономических свобод стало ясно, что плановая экономика в Советском Союзе и в Украине «приказала долго жить». Именно в сфере экономики произошли самые большие изменения по сравнению с советским прошлым. Был провозглашен свободный рынок рабочей силы и ценных бумаг. Вновь сформулированные экономические принципы носили ярко выраженный либеральный характер. Однако уже к 1993 году ситуация настолько ухудшилась, что инфляция стала составлять 1200 % [62, с. 23], а в 1992 году уровень бедности возрос по сравнению с 1990 годом в два раза

* Интересные выводы относительно связки власть-собственность см. [87].

[272, с. 42]. По мнению специалистов, происходило «не продуктивное накопление вновь создаваемого капитала, а паразитическое присвоение капитала, ранее созданного обществом» [62, с. 24].

Проблема заявляла о себе не отсутствием формальных механизмов сдерживания подобного рода действий (в юридическом плане их вполне достаточно), а кризисом шкалы ценностей советского строя [183, с. 4]. Ситуация, когда экономический рост страны обеспечивался за счет энтузиазма участников умножения материальных благ общества, была уничтожена с началом кризиса ценностных оснований в обществе. Эту взаимосвязь между ценностными основаниями и благополучием экономики прекрасно осознали в одной из динамично развивающихся стран бывшего советского лагеря – Польше. В ней была сформулирована идея «общественного рыночного хозяйства», основанная на принципах «солидарности, диалога и сотрудничества» [199, с. 48]. При этом принцип справедливости определялся как основной регулятор общественной жизни и рыночного хозяйства [199, с. 50]. Заявления публичных политиков, что в пресловутом комплексе «постсоветского пространства» Украиной была получена ущербная экономика, не представляются обоснованными. Этот тезис нашел хорошую разработку у видного западного исследователя экономики Восточной Европы в условия постсоветской трансформации Андерса Аслунда.

А. Аслунд подготовил фундаментальную монографию: “Розбудова кпіталізму. Трансформації в країнах колишнього Радянського блоку”. Один из самых ярких параграфов его книги посвящен «мифам развала производства» [14, с. 163-169]. А. Аслунд отстаивает тезис, что следует говорить скорее о преемственности странами - наследницами СССР «**нравственной порочности** советской экономики», но не о преемственности экономических причин кризиса производства (последний к тому же со статистической точки зрения достаточно условен). Раскрывая «нравственные пороки экономики», автор отсылает читателя к проблемам

«общегосударственной клептомании», тотальному мошенничеству и другим вопросам внеэкономического характера. А. Аслунд выходит за рамки экономической детерминации кризиса, исследуя сферу социальную [14, с. 405-465] и политическую[14, с. 465-530] и обеспечивая аксиологическую интерпретацию тех или иных положений своей монографии*.

Его обоснования разрушают логические выкладки о чисто экономических причинах задерживания Украины в фазе переходного периода. Более того, экономические предпосылки развития Украины по своей форме (частная собственность, свободный рынок) являются почти идеальными как для формирования нового общества, так и для осуществления системы власти в рамках власти авторитета. В рамках свободного рынка получают свободу действий наиболее успешные схемы управления, которые опираются на принципы власти авторитета, что является одним из факторов смены властной вертикальной парадигмы власти в пользу горизонтали власти.

Сомнительная по своей сути приватизация, увеличение разрыва между очень богатыми и очень бедными работают на деструктивную сторону реформаторского процесса. В таком качестве они инициируют ностальгию по «сильной руке», государственной защите и обеспечивают пролонгацию авторитета власти в его советском прочтении. Так, социологические замеры свидетельствуют, что в наиболее близкой Украине по экономике стране – в России в настоящее время все еще не закончен процесс трансформации коллективизма в индивидуализм, утверждение рациональности над эмоциональностью, прагматизма над идеализмом, эгоизма над альтруизмом [71, с. 453]. Да и в Украине наблюдается подобная ситуация [271, с. 537, Табл. c1, d3, d27]. Это свидетельствует о том, что общественное сознание еще не готово принять идеалы западной экономической системы. Процесс адаптации идет, но за последние 15 лет он еще не достиг свой кульминации.

---

* В России проблемы корреляции менталитета и реформ получили солидное теоретическое обеспечение [31; 32; 175].

Эту проблему прекрасно сформулировал Ю. Сенокосов в своей монографии «Власть как проблема», отмечая, что «сегодня … общество расколото по принципиальному вопросу об отношении к собственности и власти» [235. - с. - 29].

Формально в Украине существуют рыночная экономика и демократическое государство. Однако основная масса акторов (субъектов экономического процесса и населения государства) разделена, как минимум, на два лагеря. Одни настальгируют по «светлому прошому», вторые ратуют «за светлое демократическое будущее». Наиболее болезненной точкой конфликта является проблема собственности. Но без выработки согласованного отношения к этой проблеме говорить о позитивном значении проведенных экономических реформ 1985 - 2005 гг. не приходится. Совершенно прав С. М. Хенкин, который еще в 1992 году утверждал, что проблема консенсуса является центральной для переходного этапа в жизни любого общества [294, с. 207].

Одним только экономическим измерением проблему обустройства постсоветского пространства исчерпать нельзя, ибо вопросы согласия, консенсуса, доверия (то есть базовых элементов власти авторитета в его классическом варианте) коренятся в социокультурном измерении и несут в себе либо заряд созидания при осознании их функционировании, либо разрушения при их игнорировании.

Социокультурные предпосылки осуществления власти современной Украины

Социокультурное измерение проблемы обустройства постсоветского пространства предполагает рассмотрение вопросов гражданской культуры и социальной организации*, проблему идентичности** и идентификации, а также места и роли человека в условиях общества трансформационных процессов.

---

* Определением социальной организации, предшествовавшей сегодняшним социальным реалиям, судя по многочисленным публикациям, можно считать концепт «**Советское общество**». Под этим термином подразумевается комплекс взаимоотношений, характерных для Советского Союза. Он появился в результате

Основой решения этих вопросов являются ценностные ориентиры граждан Украины, характер отношения к таким ценностям, как **Жизнь, Свобода, Собственность, Формальное равенство и Справедливость**.

Право на жизнь - фундаментальная ценность человеческого бытия. Однако нередки случаи, когда человек либо лишается права на обладание этой ценностью, либо востребованность этого права приобретает извращенный характер. Как правило, это происходит при тоталитарных режимах.

В условиях тоталитарного режима ценность жизни отдельного индивида ничтожна, она отдается в полное владение государству, приносится в жертву общественным идеалам (которые с течением времени превращаются в идолы). Этот тезис прекрасно обосновала известная немецкая социолог и философ Х. Арендт в своей фундаментальной монографии «Джерела тоталітарізму» [8]. Она обстоятельно обосновывает вывод о том, что общество неотделимо от государства, а жизнь человека принадлежит последнему. Человек не имеет права даже на суицид (который признается страшным грехом. Его право на смерть ограничивается обязанностью отдать жизнь за государство или общество [8, с. 513-534]. Во многом эти положения сохранили силу и сегодня. К ним прибавилось пренебрежение к беспризорным детям, равнодушие к старикам, безжалостность к инвалидам.

идеологических усилий КПСС. Выработанный в рамках советской этнологической школы, он подразумевал существование некоего единого общества, скрепленного едиными ценностными ориентирами и советской идентичностью. Представителем советского общества, по мысли разработчиков термина, являлся абстрактный советский человек. События 1989 - 1991 гг. полностью разрушили это представление, которое оказалось не более чем мифом, призванным научно обосновать «успехи социалистического строя». Под понятием «советское общество» подразумевается некий конгломерат этносов, объединенных едиными идеологическими лозунгами и мифами. Основой объединения являлась жесточайшая вертикаль власти в лице КПСС. Как только эта организация продемонстрировала колебания и нерешительность, «советское общество» прекратило свое существование.

** **Идентичность.** Первоначально данное понятие возникло в психологии (Г. Тард, З. Фрейд, Э. Эриксон и др). Позднее понятие разрабатывается в таких науках, как социальная философия, социология, политология. Эта проблема интересовала как отечественных (А. Атоян, Т. Воропай, В. Лапшин, Е. Стариков), так и зарубежных ученых (П. Альтер, Р. Барт, П. Бергер, З. Бауман). Проблема определения понятия в настоящий момент стоит очень остро, и единого мнения, что такое идентичность, не существует. В данной диссертации будет использовано определение, предложенное в коллективной статье Кального, Паруновой и Шевченко, где «идентичность – это комплекс представлений осознанного самоуправления, смысловая конструкция субъекта, закрепляющая его роль и место в социальной структуре «своих» [97, с. 114].

Это означает, что в моральном плане общество отказывается от своей существенной, но недееспособной части. Право на жизнь только декларируется, но не обеспечивается.

В последнее десятилетие ориентир бывших граждан Советского Союза на свободу и собственность (как первоначальное бытие «Я», и его отношение к окружающей среде) получил широкое распространение [149; 247; 256]. Настолько широкое, что зачастую направленность на свободу приводит к анархии, ориентир на волю оборачивается деспотизмом, а обладание собственностью дает индивиду право на безграничную самоуверенность и пренебрежение к духовному миру другого [255, с. 15]. Кроме того, ориентир на свободу имеет еще один аспект рассмотрения. Он заключается в вопросе готовности воспринять феномен свободы и должным образом его осуществить [53; 211]. Украина в результате оранжевой революции продемонстрировала ценность свободы в молодежной среде и среди людей среднего возраста. Не ставя под сомнение ценность свободы, приходится констатировать, что последние парламентские выборы (2006 г.), продемонстрировали в обществе и в элите дефицит и таких ценностей, как формальное равенство и, в особенности, справедливость. В идеале формальное равенство и справедливость должны ограничивать деструктивные тенденции таких ценностей как свобода и собственность.

Как уже было отмечено, в современной Украине ценности равенства и справедливости теряют свою эффективность, а нравственные императивы превращаются в пустые декларации или выхолащиваются до идеологических клише. Под влиянием авторитета власти происходит трансформация ценностей в идеологию. В современной Украине наблюдается два вектора этого процесса.

С одной стороны, направленность на заявленные ценности принимает характер деформации. Так, формальное равенство часто воспринимается в советских тонах: «все равны в своей бедности», «не выделяйся из толпы и не

высовывайся», а справедливость несет отпечаток голодных 90-ых годов: «воруешь сам - дай воровать другому».

С другой стороны, гражданская направленность на формальное равенство подразумевает необходимость признания равенства свободных и независимых друг от друга субъектов деятельности по общему для всех масштабу, единой норме и равной мере. Но в результате событий «оранжевой» революции появилась идея, что среди равных есть еще более равные и именно им надлежит решать судьбу всех остальных. Эта тенденция нашла свое отчетливое проявление и на уровне взаимоотношений лидеров политических сил. В Советском Союзе такое отношение к ценностям носило характер официальной идеологии. В СССР все были равны, но номенклатура «равней» рядовых коммунистов, партия «равней» народа, генсек «равней» номенклатуры, партии и народа. Ныне форма идеологического давления на общество иная, но содержание и основная цель (подмена ценностей идеологией) роднит критикуемую советскую идеологическую машину и ныне формируемую официальную украинскую идеологию.

Эти ценностные ориентиры являются базисными для формирования новой системы власти. Старый тип ценностных ориентиров лишен доминирующего статуса, а новый может претендовать лишь на дестроерную роль. Это происходит на фоне «вакуума идеалов», которые заменяются идолами и идеологией, расширения социальных конфликтов [183, с. 5]. В 1989 - 1991 гг. государство лишилось «панування над суспільством» [156, с. 18], и, следовательно, идеологического контроля. А новая государственная идеология еще только формируется. В результате общество, лишенное в советское время базовых конституирующих ценностей, оказалось предоставленным само себе. Оно потеряло общие идеалы и распалось на мелкие социальные группы.

Очевидно, что новое общество не построено [179, с. 28], а следовательно, о существовании власти авторитета говорить преждевременно, более того, на данный момент экономические предпосылки

его построения имеют характер возможного, но не действительного. Ценностные ориентиры населения Украины выхолащивают из экономических реформ их позитивный смысл и приводят к таким уродливым результатам, как печально известная «прихватизация», формирование государства олигархов в государстве, необыкновенно высокий процент нищих и миллионеров.

Эти предпосылки сродни предпосылкам кризиса и власти авторитета в традиционном обществе и авторитета власти в обществе индустриальном. Их роднит ситуация «вакуума идеологий», «вакуума нравствено-регламентирующих механизмов сдерживания» при широком распространении идолов абсолютной свободы, идолов тотального желания доминировать (или подчиняться). Эти предпосылки позиционируют трансформацию системы власти на самом начальном ее этапе, когда будущее скорее угадывается, чем качественно прогнозируется. Так, например, при кризисе власти авторитета в течение всего периода традиционного общества происходили напряженные поиски оптимальной парадигмы власти. При этом очень часто осуществлялись попытки реализаций утопий. В условиях кризиса индустриального общества предпосылки осуществления новой властной парадигмы в теоретических разработках также варьируются от авторитаризма до анархии.

Нормативные предпосылки осуществления власти современной Украины

Известно, что общество выступает предпосылкой права, но последнее может оказывать обратное воздействие, которое усиливается в условиях общественных изменений [60, с. 223; 302, с. 19]. В этом отношении советская система оставила своим преемникам наследство, отягощенное массой проблем. Советская система, де-факто основанная на примате закона, а не права, в ее формально-юридическом аспекте являлась идеальной системой самообеспечения государства в его наиболее диких формах. Вопросы справедливости не принимались в расчет, уступая требованиям

эффективности. Правовая система Советского Союза рассматривалась как инструмент обеспечения независимого от большинства населения функционирования государства и его акторов – бюрократии. Развал Советского Союза привел к формальному крушению этой паразитической системы. В конституциях, законах, нормативных актах и других правовых документах подчеркивается примат права и «рекламируется» идея справедливости.

Основной смысл существования правовой системы в современной Украине почти не изменился. Сохраняется дистанция между продекларированными правами и реальными механизмами их обеспечения. Начиная с первых дней независимости, не утихают споры вокруг реформирования судебной системы (как инструмента обеспечения прав граждан) и правовой базы, призванной закрепить заявленные в Конституции лозунги. Однако обсуждаемые проблемы остаются по большей части в реестре нерешенных или решенных неудовлетворительно.

Правовая система Украины сохранила все недостатки старой советской системы. Поэтому не вызывают удивления социологические исследования, кажущиеся, на первый взгляд, парадоксальными. Так, в очень близкой нам по проблемам «советского наследия» стране России 72% людей готовы признать власть государства, но из них многие не признают законов этого государства. Исследователи делают вывод, что власть закона в России не легитимна [71, с. 451]. Не лучше обстоит дело в Украине [271, с. 9-10; 239, табл. с. 14, с. 15]. Высказывая недоверие к законам, судам, прокуратуре, милиции, население, следовательно, отвергает в целом правовую систему, существующую ныне. Специалисты называют такое отношении «правовым нигилизмом» (подробнее А. А. Потякин в статье «Правовой нигилизм как вариант современного российского правосознания» [212]). Подчеркивая негативные влияния этого феномена на общественную систему, правовой нигилизм инициируется, прежде всего, пренебрежением к правам человека, которые даются ему от рождения: жизни и собственности, равенству и

справедливости. Игнорирование этих ценностей проявляется как правовой нигилизм, фиксируемый в рамках нормативного измерения человеческого бытия.

Политические предпосылки осуществления власти современной Украины

В политическом измерении наблюдается ситуация, очень схожая с экономическим измерением. С формальной точки зрения, изменения по сравнению с советской системой грандиозны, а предпосылки становления новой системы власти - оптимистичны. Появилась многопартийная система вместо однопартийной (хотя политическая институционализация социально-классовых образований в Украине, находится в зародышевом состоянии [195]), институт президентства - вместо генсеков и т.д. Однако на фактическом уровне система принятия важных политических решений и их реализации в жизнь осталась прежней – советской.

Происходит попытка произвести симбиоз декларации либеральной демократии и авторитарной повседневной политической практики (политические скандалы о режимах президентов Л. Кучмы и Б. Ельцина - тому подтверждение). В Украине это закончилось полным провалом и привело к сильнейшей дестабилизации всего общественного и государственного организма (имеются в виду события «оранжевой революции», начало государственной реформы, цейтнот избирательной кампании 2006 года) [115; 331; 332].

Немаловажную роль при этом играет и то обстоятельство, что в Украине, Грузии, Киргизстане и в некоторых других странах не сошла со сцены местная коммунистическая номенклатуры [320, с. 24]. Более того, она приспособилась и сохранила свои влияние и политический капитал в новом качестве демократов. Поэтому серия «фруктово-цветных» революций по существу явилась закономерным итогом уничтожения представителей старой коммунистической «аристократии». В России этот процесс был завершен

еще при президентстве Ельцина, а в Белоруссии при смене власти Шушкевича – властью Лукашенко.

Выводы:

1. В наследство в политической сфере к новым государствам от СССР перешла старая стратегия осуществления политической воли.
2. Форма протекания жизни в социальном, политическом, нормативном и экономическом измерениях изменилась, но содержание осталось, по существу, прежним.
3. Уничтожены общественные идеалы, которые делали советскую систему устойчивой и привлекательной для масс.
4. Реальностью стала массовая патология идентичности, маргинальность стала нормой, что значительно осложняет возможность осуществления здесь и сейчас принципов горизонтали власти и власти авторитета.
5. В результате крушения СССР и начала процесса формирования новой системы власти сложились условия (формального характера) и факторы (заключающиеся в специфике становления украинского общества), которые создают возможности для преодоления негативных аспектов советского наследия, но не в ближайшем будущем, а в отдаленной, но хорошо идентифицируемой перспективе.
6. Как показывает опыт исследования трансформационных процессов, существенное воздействие на осуществление власти имеют реальные условия и факторы общественного развития.

3.2 Условия и факторы осуществления власти в современном украинском обществе

Властные отношения не являются системой закрытого типа. Они функционируют в определенных условиях под воздействием конкретных

факторов. Материал второго раздела диссертации позволил исследовать предпосылки осуществления властных отношений в ряде измерений человеческого общежития в диапазоне от экономического до нормативного. Решение заявленной задачи, в свою очередь, обеспечивает возможность выяснить влияние конкретных условий и реальных факторов на становление украинской власти, ориентируясь на выводы первого и второго разделов диссертационного исследования.

В качестве условий осуществления власти выступают: **экономические, социокультурные, нормативные и политические** составляющие общественного бытия. В контексте постсоветского пространства они обеспечивают осуществление власти. Не претендуя на статус целого и на абсолютную практическую значимость, условия заявляют о себе как уровни возможного и вероятного.

Что касается факторов, то они заявляют о себе, как факторы, которые влияют на осуществление власти как динамично действующие силы в украинском обществе на уровне сущего. Условия детерминируют состояние факторов, обеспечивая их активность или пасивность. Но сложившись в рамках конкретных условий, факторы могут заявить о себе как определяющая сила разрешения той или иной проблемной ситуации, решения противоречий осуществления власти. Исследование наличных факторов и определение их потенциала позволяет определить наиболее оптимальный путь реорганизации современной власти в условиях общества трансформационного этапа.

Факторами, которые корректируют предпосылки, а также условия осуществления власти в Украине, являются: **люди; граждане, семья,** а также **этнокультурный плюрализм и конфессиональное многообразие** [307; 308]**.**

Первой проблемой осуществления власти, еще в эпоху формирования власти авторитета, были становление человека и выделение личности из социума. **Проблема человека** в его развитии всегда была ключевой [163;

165; 166; 304]. На переходном этапе это проблема соотношения личности и гражданина, члена социума и подданного государства. Но при любом раскладе – это проблема человека с его претензией на индивидуальность, на осуществление своих интересов, на удовлетворение своих потребностей. Заявляя о себе, как о существе вечной неудовлетворенности человек пытается в любой ситуации достигнуть предельных оснований. В силу этого человеческий фактор в ситуации трансформационных процессов способен оказать существенное влияние на объективные условия осуществления власти.

Проблема семьи является неотъемлемой частью заявленного вопроса. Семья явилась праобразом государства [10;11]. Так, именно в семье в аграрном и, отчасти, индустриальном обществах сохранилась практика власти авторитета. В информационном обществе семья стала главной проблемой, которая «вылилась» в гендерный вопрос.

Человеческий фактор всегда был значим в рамках проблемы власти. Особую роль здесь играют инстинкты обладания, претензии человека утвердить свое «Я». Эти притензии уходят своими истоками еще в биологические предпосылки становления власти авторитета. В условиях цивилизации претензии на признание, как это показали исследования А. Адлера и К. Г. Юнга, приняли форму стремления к свободе и собственности.

В рамках индустриальной цивилизации инстинкт обладания оформился в принцип частной собственности, продолжая играть значительную роль в системе «власть – ценности».

В условиях трансформационных процессов противостояние власть - ценности обостряется, а следовательно, проблема человека и его биологических, социальных и духовных оснований приобретает особое значение. Именно от индивида (во всей его полноте и многоаспектности от биологического тела до социокультурного «Я») во многом зависит объективный ход перемен, его отношение к миру. Появление нового человека знаменует собой этап «ставшего» в развитии власти. Для

индустриального общества это идеализированный тип рабочего, а для информационного общества – это идеализированная модель потребителя.

Этнокультурный плюрализм. Это понятие рассматривается как концепт, фиксирующий многообразие этносов и культурных пространств в рамках одного государственного или социального организма. Этнокультурный плюрализм предполагает сосуществование развитых социокультурных пространств, но не определяет механизмы его обеспечения. Так, политику Советского Союза в отношении ряда малых народов (крымские татары и чеченцы) следует определить как политику геноцида, но в целом эта политика находилась в рамках этнокультурного плюрализма, допускавшего сосуществование этносов (в отличие от политики фюрера немецкой нации А. Гитлера). Сосуществование разных этносов возможно в ситуации гражданской войны по национальному признаку (Югославия), как геноцид (планомерное уничтожение чужих национальных культур) или как политика поликультурализма* (мирное сосуществования разных культур и этносов). Концепт «культура», внесенный в понятие, расширяет его стремление охватить проблему на уровне общего. Так, например, многие крымчане являются маргиналами по этническому признаку, но считают себя принадлежащими к русской культуре (это же можно сказать о жителях Сибири, украинцах восточной Европы и т.д.).

В диссертационном исследовании этнокультурный плюрализм рассматривается как **специфический** фактор, активно влияющий на развитие трансформационных процессов в современном украинском обществе и

---

* **Поликультурализм.** Это понятие, характеризующее сосуществование в границах единого общественного организма двух и более культур без выделения приоритетов по количественному признаку. Идея поликультурализма не допускает различие культур на основе качественных характеристик (более примитивные или менее примитивные, более древние или менее древние и др.). В рамках поликультурализма осуществляется равноправное развитие разных культур на основе обмена информацией по принципам сотрудничества и взаимопонимания. В результате происходит взаимное обогащение культурного фонда всех субъектов процесса и возникают предпосылки становления единой культурной общности. Антиподом поликультурализма выступает монокультурализм. Последний подразумевает не общество с единой культурой (его возможность сомнительна даже с теоретической точки зрения), а такой общественный организм, который стремится нивелировать различия в обществе и свести их к единому показателю. Им выступает, как правило, культура доминирующего этноса. Монокультурализм является естественным последствием реализации принципов национального государства.

оказывающий значительное воздействие на формирование определенной системы власти. Об этом, в частности говорит М. Пирен [201, с. 9]

В практическом измерении этнокультурный плюрализм явился результатом национальной политики Советского Союза и перешел в наследство к его преемникам. Этнокультурный плюрализм играет важную роль в построении системы власти, и многочисленные работы по этой проблеме лишь подтверждают заявленный вывод [29; 59; 106; 254; 298; 306; 327].

Конфессиональное многообразие выступает для восточнославянского культурного ареала традиционным фактором. Он всегда имел особое значение для становления той или иной системы власти. В трех основных конфессиях заложены три противоположные концепции власти:

- личный автократизм католичества;
- соборность православия;
- децентрализм мусульманства при наличии единого строго регламента повседневной жизни [69].

Конфессиональное многообразие в Украине существенно обостряет проблему власти и придает ей черты особенного и неповторимого, добавляя к национальным различиям конфессиональные противоречия.

Экономические условия формирования власти в современной Украине

В мире происходит структурная реорганизация экономики. Она связана с научно-техническим прогрессом; особенно в области информатики, компьютерной техники и электронных коммуникаций в современном мире. Это, как уже отмечалось, приводит к кардинальному изменению политического, социокультурного и правового содержания общества, преодолению отчуждения общества от власти и формированию нового качества власти авторитета. Однако «советское наследие» вносит свои коррективы. В Украине за последние несколько десятилетий сложился обширный рынок информации. К сожалению, этот рынок возник на уровне

потребления, а не производства. Нет конкурирующих отечественных образцов компьютерной техники, программное обеспечение закупается за рубежом. Единственное, чем могут похвастаться отечественные производители, - это производство антивирусных программ, компьютерных игр и хакерская деятельность. Актуальными остаются проблемы компьютеризации и развития локальных компьютерных средств. Феномен потребления, а не производства отчасти обусловлен «советским наследием», которое препятствуют переоснащению отечественных производственных мощностей. Украина, как и более экономически благополучная Россия, остаются странами с классической экономикой «фабричных труб». Уровень экономических условий текущего дня активно препятствует безболезненному переходу от авторитета власти к более продуктивной форме власти авторитета. Вместе с тем повсеместное расширение небольших фирм, находящихся на полулегальном положении и выпускающих качественную программную продукцию (на основе доработок известных программ корпорации «Майкрасофт» и др.), расширение средств сотовой связи и увеличение Интернет-абонентов свидетельствуют о начальном периоде процесса трансформации экономики из индустриальной в информационную. Но источник этой трансформации лежит не столько в объективных экономических показателях, сколько в социокультурном основании.

Социокультурные условия формирования власти в современной Украине

Крушение Советского Союза вызвало, с одной стороны, ностальгию по ушедшим временам у старшего поколения, а у молодежи - стойкое отвращение к какому-либо диктату «с верху» и принципам вертикали власти. Это выразилось в формировании феномена «детей перестройки». Современная молодежь, как правило, объединена в неформальные молодежные организации («толкиенистов», «друзей рока»), где процветают и проходят апробацию принципы горизонтали власти (в отличие от

пионерского и комсомольского движений с преимущественной вертикальной структурой). Это обстоятельство усиливает свою значимость, если отметить повальное увлечение интернетовскими коммуникациями (участие в форумах, прямое общение с помощью систем ICQ, e-mail и др.). Молодежь является основной категорией потребителей информационной продукции и, следовательно, основной частью рынка потребителей, во многом обусловливающей развитие современной экономики информационного общества.

Формируется поколение созидателей информационного общества, исповедующее идеалы горизонтали власти и вступающее в противоречие со старшим поколением, которое в основном разделяет идеалы вертикали власти. Все это ведет к конфликту поколений со всеми вытекающими последствиями (проявлением маргинализма и нигилизма, отрицанием старой шкалы ценностных ориентиров). Сложившаяся тенденция усиливает раскол культуры и цивилизации. Культура угасает в своей невостребованности, а цивилизация воспроизводит себя через собственные техники и технологии. Угасание культуры неизбежно ведет к перекосу общественного развития.

Редко кто из молодежи выбирает путь рабочего на заводе, рядового клерка на предприятии. Идеалом для многих является небольшая фирма, занимающаяся компьютерной техникой или программным обеспечением. В худшем случае – специалист по компьютерной технике, который всегда обладает на предприятии относительной самостоятельностью, в силу своей незаменимости и эффективности. Этот факт Т. М. Полякова обозначила как неравенство широкого потенциала молодежи и узкого круга предлагаемых обществом социальных ролей [210, с. 23]

Нормативные и политические условия осуществления власти испытывают на себе те же проблемы, что и социокультурные.

Нормативные условия формирования власти в современной Украине

Так, в нормативной сфере вопросы власти реализуются на уровне фактического доминирования государственных структур над общественными. И для граждан Украины совершенно очевидно, что исполнительная власть фактически контролирует де-юре независимую судебную и законодательную власть. Это позволяет сделать вывод о торжестве аномии, которое подпитывается не только правовым нигилизмом, но и культом позитивного права в деятельности государства. При таких условиях говорить о построении гражданского общества бессмысленно [35, с. 7]. Нет четко прописанных приоритетов построения общества с ясными и недвусмысленными формулировками. По большому счету, правовой нигилизм «сводит на нет» ту роль, которой должна обладать правовая нормативность - регламентация общественной и государственной жизни на принципах доверия, формального равенства и справедливости. А без этого любые рассуждения о власти авторитета лишены оснований.

Политические условия формирования власти в современной Украине

Политика представляет собой публичное проявление тех процессов, которые происходят в экономике и праве, в социокультурном пространстве. По форме политические отношения в стране идеально подходят для построения классической модели либеральной демократии с претензией на заявку нового качества власти авторитета. Однако по сути своей они демонстрируют ориентир на принципы тоталитарного государства и авторитета власти [253].

При таком положении дел попытки создать наиболее приемлемую политическую систему сталкиваются с рядом трудностей, и в том числе теоретического характера. Условия формирования властных отношений не могут однозначно свидетельствовать о необходимости введения в жизнь принципов горизонтали или вертикали власти. И власть авторитета, и

авторитет власти могут найти свое основание в современных условиях и законсервировать подходящие для себя параметры существования.

Приходится констатировать положение украинской власти в точке бифуркации, для которой характерно разветвление будущего. Поэтому актуальным будет рассмотрение не только возможности доминанты вертикали или горизонтали власти, но и такого варианта, как осуществление принципов анархии: правовой нигилизм, проявление дестроерных аспектов маргинализации и т.д. Развитие коммуникаций и информационных технологий предоставляют необходимые условия и для такой модели развития будущего. На рассмотрении деструктивной модели, являющейся фактически конкурентом принципам и вертикали и горизонтали власти стоит остановиться подробней.

Как было уже отмечено, власть не является феноменом, присущим исключительно человеческому обществу. Своими корнями она уходит в биологическое прошлое человека и имеет немало аналогов в животном мире. Однако с развитием искусственной внешней среды, со сменой носителя информации различия неизбежно должны были появиться. До сих пор несходство фиксировалось на уровнях «более сложной структуры», «более совершенной формы» и т.д. 15 тысяч лет развития культуры обеспечили новое качество человеческой общности и обусловили коренные отличия прежде всего на уровне принципов власти. Во II разделе диссертационного исследования эти отличия не были отмечены должным образом, ибо осуществление новой властной реальности, принципиально отличной от заданной природой горизонтали и вертикали было недееспособно и на практике в чистом виде не проявилось. Можно говорить лишь о нескольких единичных «экспериментах», которые не были предметом анализа, но упоминались в первой части диссертационного исследования.

Попытка выявить в точке бифуркации возможные варианты развития властной ситуации исходя из наличных условий и реальных факторов осуществления власти, обращение к признаками власти теоретически

обоснованно. Такое обращение необходимо для наиболее полного и достоверного изучения предмета исследования.

Конкурентом горизонтали и вертикали власти выступает принцип «ризомической власти». В основе этого принципа лежит – «ризома»*. В применении к власти понятие утверждает принцип «власть безвластия» и обосновывет практическую возможность осуществления гипотезы М. Фуко о «рассеяной» власти [287, с. 71-72].

Резомическая власть характеризуется через признаки **анархии, капсулирования и бойкотирования**.

Признак **анархии** (в вертикали власти – иерархия, а в горизонтали – влияние), наиболее отчетливо сформулирован А. А. Боровым, как существование независимой личности в пределах человеческой природы [30, с. 159] Это же тезис является основным и для работ П. Кропоткина [136]. Этот признак представляет собой образец, который не имеет аналогов в животном мире. Это исключительное изобретение человека, продукт развития искусственной среды – культуры. Даже принципы государства при желании можно представить как логическое развитие общеприродных принципов власти, но анархия не имеет корней в природе. Она - чуждое ей порождение. Этот признак, как специфический принцип организации власти, появился как ответ искусственной среды – культуры, на «исторический вызов» инстинкта обладания, который в XIX-XX веках принял разрушительные черты. Анархия исключает дестроерные функции обладания как основы инстинкта власти и предлагает заменить его стремление к обладанию своим «Я» без подчинения «Я» другого.

Вторым признаком «ризомической власти» является **капсулирование**. Имеется в виду отсутствие на уровне властных отношений каких-либо коммуникаций с себе подобными. Это абсолютная (а не относительная, как

---

* Ризома - понятие появилось в философии постмодерна для фиксации принципиально нелинейного способа организации целостности текста (введено в философский дискурс Делезом и Гваттари в 1976 году). В социальных науках стало применятся для обозначения объектов с нелинейной, аструктурной, децентрализированной организацией.

при власти авторитета) самодостаточность простейших элементов общества (в терминологии Борового «предельно автономные личности»).

Трудно представить любой вид животного, который функционирует по указанному принципу. Однако с развитием технологий этот принцип не кажется неосуществимым. Другое дело, что в этом случае Человек в его классическом понимании исчезает полностью. На его смену приходит продукт информационного общества, который может востребовать необходимую информацию и заявить о себе, а может игнорировать ее, уходя в изоляцию.

Бойкотирование, как третий признак «ризомической власти» возникло как реакция на чрезмерное развитие авторитета власти. Оно демонстрирует «власть бессилия». Отказы от подчинения, согласия формируют особенную культуру поведения, которая является частью анархии и капсулирования.

При реализации этих признаков «ризомической власти» человек, общество и государство «исчезают», рушатся их связи, теряется их системный характер. Проблематичным становится совместное существование представителей рода человеческого. Это связано, прежде всего, с тем, что **при отмеченных признаках власти исчезают практически все формы внешней коммуникации, а насыщенность внутренней коммуникации достигает немыслимых для современного человека высот. Диалог в границах своего «Я» становится основным источником принятия решений. Властная воля, отношения зависимости переносятся из внешней необходимости в контекст внутренней рефлексии**.

При осуществление признаков «ризомической власти» и превращения их в реальные признаки новой властной реальности возникают вопросы и, прежде всего, на теоретическом уровне. Как будет происходить процесс формирования личности? Какую роль в жизни человека будут играть инстинкты? При этом следует принять во внимание, что с развитием нанотехнологий экономические препятствия на пути формирования

«ризомической власти» исчезают. Постмодернистские тенденции размывают социокультурные препятствия. В правовом плане, ввиду распространения либерального индивидуализма, также особых препятствий не существует. В политическом измерении, по определению, ситуация будет изменяться в русле наметившихся процессов. Но если для общеевропейского пути это лишь теоретическая перспектива, то специфика трансформационных процессов современного украинского общества, его неустойчивость и открытость для любого, самого абсурдного сценария развития ситуации, заставляет утверждать о реальной возможности осуществления признаков «ризомической власти». Украина уже была местом двух попыток практической реализации «ризомической власти». Первый раз - на начальном этапе казацкой вольности, когда сложился «хуторянский менталитет». Второй - в 1918-1920 гг., во время оформления «Анархо-коммунистической республики» во главе с «батькой Махно». Не случайно, что и в период трансформации традиционного общества в индустриальное, и в условиях трансформации Российской империи в СССР на Украине происходила практическая реализация ризомических признаков власти, до того существовавших лишь в головах европейских мыслителей. Также как неслучайным является и всплеск интереса к анархическим идеям в младшем поколении украинской интеллигенции 90-ых годов, интерес к анархической символике у подростков и т.д.

С учетом специфики украинского общества следует еще раз рассмموреть функционирование горизонтали и вертикали власти, а также их соотношение с «ризомической властью».

В классическом варианте соотношение вертикали и горизонтали власти в рамках принятия единого решения, как правило, сосуществуют два вида контроля: управление и господствование и два вида структуры: иерархия и влияние. Управление способствует усилению организации, господствование – обеспечивает четкость исполнения. Иерархичная структура призвана максимально информировать определенное количество людей и представляет

собой идеальную модель двусторонней связи. Влияние позволяет сформировать многоканальные системы передачи информации веерного типа, которые быстро доставляют информацию максимальному количеству участников проекта. Если подчинение, как признак вертикали власти, создает условия для оперативного выполнения цели, то согласие, как признак горизонтали власти, обеспечивает условия для максимально эффективной реализации поставленных задач. Степень соотношения отмеченных признаков формирует лицо власти либо как власти авторитета, либо как авторитета власти. Любая эффективная властная структура, даже формально максимально жесткого вертикального типа, обязательно несет в себе отмеченные формы когерентности и синергии властных принципов, которые в чистом виде представлены вертикалью власти или горизонталью власти. Однако на современном этапе становления и развития украинской власти авторитета в эту структуру все чаще вторгаются признаки «ризомической власти», которые исторически сложились в отечественной культуре: анархия, капсулирование и бойкотирование. Они выступают как антиподы системы вертикали власти и как карикатурные изображения, доведенные до абсурда признаки горизонтали власти.

Во II разделе диссертационного исследования шла речь о том, что в условиях постсоветского пространства просматриваются тенденции разрушения старой структуры власти и становления новой. В точке социальной бифуркации находится возможность выбора, как минимум, двух путей развития объекта. Но проведенное исследование свидетельствует и о возможности третьего пути, на который претендует система власти, являющаяся «кривым» отображением власти авторитета и определяющаяся принципами анархии, капсулирования и бойкотирования. В теоретическом плане препятствий развитию такого сценария нет.

Основным препятствием, которое может стать на пути реализации проекта власти, становится «человеческая природа», которая проявляется в ценностном измерении человека. Она, как показал второй раздел, имеет

возможность определить будущий характер власти. Таким образом, связка «система власти – ценности» в специфических условиях украинской действительности приобретает особое значение, претендующее в рамках новоевропейской цивилизации и постсоветского пространства на статус особенного и единичного.

При такой ситуации особое внимание следует уделить факторам осуществления власти, которые способны оказать на нее решающее воздействие и либо определить один из трех наиболее оптимальных сценариев развития власти в украинском обществе, либо сократить возможность развития ситуации до двух векторов.

Факторы осуществления власти в современной Украине: человек, гражданин, семья

В обществе трансформационных процессов проблема человека всегда обостряется. Так было в Античности и Средневековье, когда проблема человека становилась ведущей в гуманитарной мысли (в рамках теоцентризма проблема человека приняла вид проблемы индивида в его отношении с Богом). Ситуация обострилась в эпоху Возрождения и Нового времени с формированием системы авторитета власти. Интерес к человеку существенно возрос в XX веке, когда авторитет власти заявил о своей беспомощности это выразилось в появлении науки о ценностях - аксиологии. Актуализация проблемы человека заявила о себе проблемой гражданина и подданного государства. Поиск решения проблемы осуществлялся в форме примирения гражданина – члена социума и подданного – частицы государства.

История предоставила несколько вариантов решения этой проблемы – варианты Сократа, Августина Блаженного, Т. Гоббса и Б. Спинозы. Эпоха постмодерна в лице Ж. Делеза и М. Фуко заявила о собственном видении этой проблемы [287, с. 66-80]). При этом всегда на повестку дня выносилась проблема семьи, которая рассматривалась как место обитания человека, как ячейка общества. В Украине человеческий фактор имеет особенный колорит.

Он связан с результатами беспримерного в истории социального эксперимента - построения Советского общества. Его последствия уже рассматривались, теперь следует отметить его положительные и отрицательные стороны для осуществления власти. Положительной стороной является формирование у молодого поколения здорового скептицизма по отношению к позитивной роли государственных структур в разрешении глобальных проблем современности. Однако, вместе с этим, при кризисе национальной идентичности, государство (и советское прошлое) остается единственным ориентиром, который позволил бы отличить себя от всех остальных, своих - от чужих. Средства массовой информации регулярно проводят мысль, что человек может быть маргиналом в этническом плане, но он обязан оставаться подданным Украины. Проблема человека как члена общества фактически вычеркивается из повестки дня. Показательны полные провалы в формировании украинской национальной идеи, общественных идеалов (о чем и свидетельствует кризис идентичности) [221, с. 261]. По существу, в Украине общества нет [143] - есть лишь население государства, отдельный представитель которого является подданным этой структуры*.

Проблема семьи является сопутствующим элементом сложившейся ситуации. Не секрет, что институт семьи в России и Украины лихорадит. Это проявляется в том, что большинство заключенных браков распадаются. Во многих семьях отсутствуют дети. Семейные ценности фактически отсутствуют (косвенным свидетельством этого являются регулярные призывы политиков возродить семейные ценности). Семья уже не может претендовать на статус ячейки общества в прежнем смысле.

Взятый в своей целостности, в условиях современных украинских реалий этот фактор положительно влияет на формирование авторитета власти и вступает в конфликт с принципами функционирования власти авторитета. Ибо только через активную государственную политику возможно

---

* Интересное мнение о построении украинского общества как «сателлитного» см. [107], а также неопределенность украинского общества в векторе предпочтений: Восток-Запад [258] .

оперативно остановить распад института семьи. Такая ситуация обеспечивает доминанту государству над обществом, идеологии над ценностями.

Единственным антиподом авторитета власти в таких условиях могут выступить принципы «ризомической власти», закрепляющие статус «хорошего, нормального порядка вещей». Обращение современной украинской молодежи к ценностям на уровне небольших и по преимущественно неформальных «тусовок» (критерии объединения от музыки до литературных предпочтений») с их скептическим отношением к традиционному браку и государственному патриотизму актуализирует третий заявленный сценарий развития власти. Более того, можно сделать вывод, что авторитет власти способен доминировать во внешних проявлениях власти (государственный аппарат, глобальная бюрократизация), но на уровне т.н. микрофизических актов власти (семейные отношения, общение в рамках системы «Я-Ты») принципы «ризомической власти» становятся все более сильными, тесня принципы авторитета власти.

Этнокультурный плюрализм как фактор осуществления власти в современной Украине

Этот фактор полезно рассмотреть через сравнительный анализ Российской и Украинской действительности. Россия и Украина - это страны, в которых сосуществуют разные этносы, в которых находят свое проявление разные культурные традиции. Каждая из стран имеет свою специфику, но в целом они схожи. Так, и в Украине, и в России происходит конфликт европейской и славянской культур (Галиция, Калиниград, С-Петербург). В этих странах присутствует азиатская культура (Крымские татары, Казанские татары, остерорбайтеры и др.). Обе страны имеют огромное количество этносов. В Украине их свыше 150, хотя доминируют украинцы, русские, белорусы [78, с. 326-333]. В России доминирующим этносом является русский при большом количестве украинцев, белорусов, казанских татар. Этот фактор имеет как дестроерные, так и созидающие характеристики.

Дестроерной характеристикой являются очевидные сложности контактов с сильно отличающимися друг от друга этносами, неизбежные центробежные силы, выливающиеся в сепаратистские настроения, угроза гражданской войны по этническому принципу [306, с. 20; 221, с. 261].

Среди положительных характеристик следует отметить богатство культурного и человеческого потенциалов, причиной которого служит этнокультурный плюрализм (пример - США), возможность власти адаптировать опыт разных этносов и культур, что теоретически приведет к ее укреплению и усилению эффективности, даст запас прочности при изменении условий ее существования. Обращение к глубинным истокам поликультурного банка идей позволит преодолеть возможность специфически украинского варианта осуществления «ризомической власти».

Конфессиональное многообразие как фактор осуществления власти в современной Украине

Этот фактор производен от этнокультурного плюрализма, но имеет свою специфику. Кризис светской власти обусловил увеличение числа людей, подчиняющихся авторитету церкви, авторитету духовной власти. Этот процесс осуществляется в диапазоне от слепого подчинения духовной власти (исламские радикальные течения, религиозные секты кришнаитов, «свидетелей Иеговы», «адвентистов седьмого дня» и т.д.) до формального выполнения ритуалов традиционных конфессий (крещение, венчание, празднование Рождества, Пасхи - для христиан; совершение намаза, отказ от спиртного и свинины – для мусульман). Сложившаяся ситуация выводит проблему взаимоотношения светской и духовной власти в современной Украине за рамки только академического интереса. Ситуация конфессионального многообразия при усилении религиозного фактора влияния на общество опасна конфликтом. Так, часто именно религиозный признак становится аргументом идентификации при отказе от идентичности с обществом, нацией или государством. Религия предоставляет в этом отношении массу возможностей. Конфессиональное многообразие способно

усилить сепаратистские тенденции и привить им свою идеологию (Чечня, Косово).

Положительные стороны этого фактора заключаются в обратной стороне религии. Сосуществование различных конфессий с ориентиром на принципы компромисса и диалога выступает фактором социальной регуляции людей с установкой на осуществление гражданского согласия. Этот диалог предполагает и формирует гражданские ценности солидарности и согласия, которые усиливают взаимопонимание и доверие между гражданами государства, укрепляют систему коммуникативных отношений, формируют оптимальную взаимосвязь, взаимодействие и взаимообусловленность вертикали власти и горизонтали общественных отношений (при условии толерантного отношения государства ко всем конфессиям с учетом принципа свободы совести). Именно этот фактор может стать определяющим при возрождении семьи, человека и общества как антитезис эгоцентризму, гражданину и государству, а также опасным своей радикальной силой принципам «ризомической власти».

Таким образом, очевидно, что ситуация, складывающаяся в обществе трансформационных процессов, сложна и не может претендовать на однозначность.

Условия осуществления власти имеют настолько многоаспектную природу, что возможна реализация самых разнообразных форм власти в диапазоне от тирании до демократии и анархии.

Факторы, влияющие на инертные условия, заставляют инициировать скорейший поиск определенного механизма осуществления власти. Затягивание периода теоретического осмысления проблемы без выработки логичного и прозрачного проекта осуществления власти привело к конфликтам на национальной и религиозной почвах (в специфических условиях Украины, Грузии и Киргизии - к всплеску дестроерной политической активности масс).

Однако, два фактора: этнокультурный плюрализм и конфессиональное многообразие - заставляют абстрагироваться от реалий «ризомической власти», что не исключает, а скорее предполагает, возможность дальнейшего усиления именно этого аспекта властных отношений.

Выводы:

1. Специфика условий и факторов осуществления власти исключает предпочтение либо власти авторитета, либо авторитету власти.
2. В отличие от инертных условий осуществления власти субъективные факторы позволяют усомниться в торжестве радикальной «ризомической власти» и исключить ее из претендентов на доминирующую роль в системе властных отношений.
3. Однако принципы резомической власти, не имеющие на данном этапе решающей и безусловной силы, никуда не исчезнут. Они останутся как реальная альтернатива вертикали и горизонтали власти, сохраняя потенцию вновь заявить о себе на любом витке развития власти.

3.3 Два сценария осуществления власти в Украине

Во время трансформационных процессов, при структурной перестройке общественного механизма, осуществление власти приобретает статус фактора, способного повлиять на весь ход процесса трансформации общества. Этот тезис очевиден и не требует особых доказательств. Проблема осуществления власти занимает ведущее место в научно-философской литературе о власти. Однако она, в силу ранее выявленных причин, искусственно сужается и принимает вид проблемы проведения в жизнь

конкретных управленческих решений, каналов, по которым осуществляется передача информации.

Задачи диссертации требуют не просто описательных характеристик этого процесса, но и сравнительного анализа наиболее адекватных механизмов осуществления власти по отношению к наличным условиям и действующим факторам осуществления власти, с учетом влияния «советского наследия» на форму проявления власти.

Поставленная задача имеет несколько векторов решения. Во-первых, это традиционный сравнительный анализ, в ходе которого реальные условия и факторы сравниваются с декларированными принципами осуществления власти. В результате выявляется наиболее эффективный тип осуществления власти. Это классический способ решения указанной задачи в гуманитарных науках: социологии, политологии, истории.

Второй вариант сложнее и более приближен к идеалам философского освоения действительности. Сравнительный анализ проводится через категории сущего и должного с выходом на более адекватное действительности решение проблемы, когда существующее рассматривается сквозь призму должного, идеального, которого достичь по определению нельзя, но стремиться к этому необходимо.

Еще одним методом, помогающим полнее изучить проблему, является моделирование. При его использовании изучаются не только наличные условия осуществления власти и факторы влияния, но и проводится анализ дальнейшего развития изучаемой схемы власти и уже отработанных схем. В результате этого происходит поиск наиболее гармоничной модели механизма осуществления власти с учетом ее дальнейшего развития и прошедшего пути становления.

Таким образом, итогом осуществления заявленной методологической стратегии должно стать создание идеальной модели осуществления власти в специфических условиях трансформационных процессов современного украинского общества. В силу своей идеальности она может претендовать

лишь на концептуальное оформление той реальности, которая должна заявить о себе через конкретные механизмы осуществления власти.

Однако есть различие между должным и сущим. Поэтому предполагаемый результат следует рассматривать не как долгосрочный прогноз, а как идею, которая может заявить о себе как мощном факторе, изменяющем наличные условия бытия власти через востребованность массами, а впрочем, она может быть и не востребована вообще.

Проект: «Осуществление власти с ориентиром на монокультурное общество, национальное государство* и доминирование принципов вертикали власти»

Как уже было отмечено, конкретные механизмы власти всегда являются следствием тех изменений, которые претерпевает социальный организм. Более того, они постоянно «опаздывают» в погоне за происходящими изменениями. Поэтому, рассматривая применение того или иного типа осуществления власти, всегда стоит обращать внимание на те ориентиры, которые ставят перед собой общество или государство и которых они стремятся достичь. В обществах трансформационных процессов, на первый взгляд, актуальным является построение системы, близкой к вертикали власти, с ориентиром на национальное государство и идеи монокультурализма. Это объясняется тем, что в непростых условиях трансформации общественного организма нормой становится неуверенность в завтрашнем дне, ставится под сомнение традиционный уклад жизни, окружающий мир теряет свою стабильность. Эти причины неизбежно инициируют ностальгию по прошлому, которое, как правило, связывается с символом «твердой руки», настоящим «порядком», единой системой

---

* **Национальное государство.** Это понятие, которое отражает доктрину построения государства по национальному признаку. Когда «головним субъектом національно-державного самовизначення виступає, як правило, нація .., яка традиційно проживає на даній території, є на ній найчисленнішою етнічною спільнотою» [78, с. 9]. Фактически обосновываются приоритеты развития одной нации по сравнению с другими, проживающими на данной территории. Целью такого государства является формирование единой политической нации на основании особенностей менталитета главного субъекта «державотворення». По существу идея национального государства является антиподом идеи гражданского общества, которое не допускает преимущество одной нации перед другой.

ценностных ориентиров (известно, что власть воспринимается эмоционально, а не рационально [184, с. 125]). В Украине подобные настроения усилены идеализацией авторитарного прошлого, оценкой периода застоя как золотого века [143, с. 7-11][*]. Реализовать эти идеи возможно лишь в рамках:

- вертикали власти (которая предоставит обществу сильную власть и наведет порядок в его институтах);
- национального государства (которое унифицирует разноликое сообщество в сплоченную массу людей);
- монокультурного сообщества (которое даст возможность сформировать некую единую систему ценностных ориентаций, четко определив «своих» - большинство и «чужих» - меньшинство).

Предложенная система способна «обуздать» кризис управления, кризис идентичности и деструктивные силы маргинальности [113], которые вызывают у членов социума наибольшее недовольство существующим (в этом отношении любопытны размышления о судьбах государства в восточной Европе у А. Аслунда и З. Бжезинского, которые по меньшей мере не уверены в эффективности демократии в условиях трансформационных процессов посттоталитарных государств [14, с. 480-482; 23]). Реальность достижения этого ориентира подкрепляется тем, что приведенная здесь схема очень распространена в мире и хорошо зарекомендовала себя в истории. Она характерна для индустриальной цивилизации и в этих условиях достигла своего совершенства. В российских и украинских теоретических разработках она является ведущей [78; 122; 182; 320].

Прежде всего, когда речь заходит о принципиальных шагах преодоления кризиса, как в России, так и в Украине, на первом месте стоит тезис укрепления государства и его структурной организации. Именно в слабости государства большинство исследователей видят причину произвола

---

[*] Кроме того известно, что «люди в общем склонны к тому, чтобы принимать те политические и социальные программ, которые, по их мнению, служат их собственным экономическим интересам» [3. – с. - 22]

проводимых реформ. Укрепление государства во многих работах связывается не с развитием институтов общества, а с поиском национальной идеи, которая неизбежно связывается с интересами не членов общества, а населения государства. Наиболее рельефно эта тенденция бытует в Украине, где она обостряется «комплексом неполноценности» украинского менталитета – отсутствием в течение долгого времени собственной государственности [75, с. 329]. Идея национального государства является ведущей в большинстве сборников докладов, диссертаций, монографий, посвященных будущему украинской власти. При этом лишь время от времени появляются работы, осторожно ставящие под сомнение этот тезис или предлагающие альтернативу в форме института гражданского общества. Любопытно, что в России эта ситуация выражена несколько иначе, чем в Украине. Там акцентируется не столько национальная составляющая, сколько укрепление и проведение в жизнь принципов вертикали власти [182]. В этой стране теоретическая разработка вопроса непосредственно предшествует ее реализации, и сейчас можно с уверенностью говорить, что государственные структуры взяли курс на создание сильной вертикали власти при осторожном подходе к ее национальному окрасу.

В Украине наблюдается известное расхождение между теоретическими разработками национального государства и воплощением их в жизнь (не все идеи национального государства ныне превратились в реальность). Так, заявленный принцип государственного одноязычия скорее условен, чем безусловен. На государственном уровне в сфере публичной политики доминирует украинский язык, но при решении конкретных управленческих задач наблюдается скорее сосуществование украинского и русского языков [94, с. 127]. Хаотична ситуация и в социокультурной сфере, в частности в области образования и книжной продукции, где доминирование сохраняется за русским языком, что противоречит ряду подзаконных актов украинского законодательства и заявкам украинской политической элиты.

Принцип монокультурализма является следствием создания национального государства, которое неизбежно будет поглощать как региональные, так и национальные особенности его населения. Можно привести пример построения национального французского или итальянского государства. В результате создания французского королевства в средние века была уничтожена изящная Прованская культура, были нивелированы специфические особенности культур Нормандии, Бургундии, Бретани. В Италии были почти полностью уничтожены венецианские и генуэзские культурные традиции. Поэтому заявления некоторых политиков о том, что национальное государство даст возможность свободно развиваться всем культурам на его территории, противоречит здравому смыслу и историческому опыту.

Монокультурное сообщество можно создать, лишь поглотив (в лучшем случае) или уничтожив культурные особенности его членов. В Украине реализация этого проекта осложняется наличием двух соседствующих и количественно равных типов культур - русской и украинской [271. - табл. - h5, h10, h11]. Неизбежный монокультурализм, который является следствием политики национального государства, постоянно оппонируется населением Восточной и Южной частей Украины. События «оранжевой революции» прекрасно продемонстрировали эту проблему, когда политические симпатии распределились даже не по национальному признаку, а по культурной идентификации (русской и украинской). Ситуация, связанная с парламентскими выборами 2006 г., выявила новый цивилизационый раскол: Западная (В. Ющенко) - Центральная (Ю. Тимошенко) – Восточная и Южная Украина (В. Янукович).

Указанные ориентиры требуют от механизма реализации власти особой специфики. Это доминанта идеологии (демократической или авторитарной не суть важно) над реальными ценностями человеческого общежития, ибо только через идеологические клише можно нивелировать различия культур, этносов и построить вертикаль власти («пролетарии всех стран

объединяйтесь», «человек человеку – волк», «думай по украински, говори по украински, читай по украински»). Таким образом, именно идеология становится сущностью механизма осуществления власти. Это возрождение старых принципов осуществления власти в Советском Союзе, правда, уже на качественно ином уровне в условиях современной Украины.

С теоретической точки, зрения рассмотренная модель будущего оптимальна для обществ трансформационных процессов, ибо позволяет быстро и с минимальными экономическими потерями выйти из политического кризиса. Однако применительно к специфике Украины оказывается, что она имеет массу препятствий. Они находятся не столько в рамках условий реализации этой программы, сколько в сфере действия реальных факторов этнокультурного плюрализма и конфессионального многообразия страны.

Проблема реализации этой модели лежит также в проблематичности ее осуществления с позиций долгосрочной перспективы*. Опыт советского прошлого показывает, что эффективное время его функционирования - это время жизни одного поколения (построение национального государства в СССР стоит отнести к началу 30-ых годов, а время потери эффективности приходится на конец 60-ых). Кроме того, рано или поздно условия, благоприятствующие, с экономической точки зрения, проведению в жизнь принципов вертикали власти, будут изменены. А при смене вертикали власти на горизонталь национальное государство и идея монокультурности теряют свою актуальность. Следовательно, с точки зрения перспективы, эта модель не является лучшей. Ее можно отнести к разряду сущего, но ни в коем случае не к категории должного.

Проект: «Осуществление власти с ориентиром на поликультурализм, гражданское общество и доминирование принципов горизонтали власти»

---

* В РФ осознавая эту проблему вводят тезис о третьем варианте проекта преодоления кризиса, который совмещает и проект «гражданское общество» и «национальное государство» [218].

Антиподом национального государства является гражданское общество. О гражданском обществе много пишут и говорят. Исследователи этой проблемы находят несколько современных версий ее прочтения, которые группируются вокруг американской и европейской моделей. Многие заявляют о ее осуществлении в рамках Западной Европы и предлагают адаптировать их опыт [64, 303]. Однако следует различать гражданское общество как реальность и идеал, к которому следует стремиться, но достичь которого, по определению, не дано.

Гражданское общество как реальность, конкретные формы ее осуществления (типы ассоциаций, механизмы их отношения на уровне экономики, права и политики) интересны в основном представителям гуманитарного знания об обществе – политологам, социологам и, отчасти, историкам. Для социальной философии интерес представляет скорее гражданское общество как идеал, который может выступить в качестве идеи и произвести кардинальные изменения в обществе, обеспечив соответствующий вектор развития.

Идеал гражданского общества всегда выступал антитезой национального государства и заявлял о себе, как правило, во время трансформации общественных процессов. Так было в Новое время, когда окончательно решался вопрос о новом устройстве общественного бытия, так произошло и в эпоху постмодерна, когда национальное государство заявило о своем бессилии сохранять мир в полиэтничном и поликультурном сообществах (проблема Алжира во Франции, Квебека в Канаде, таджиков в Афганистане, курдов в Турции, басков в Испании и т.д.).

В Советском Союзе идея гражданского общества возникла в конце 80-ых годов, когда появилась реальная угроза гражданской войны по национальному признаку, когда возникла опасность сепаратизма. В рамках общества трансформационных процессов в Украине от идеи гражданского общества стали требовать инверсии в конкретный проект ее осуществления. Не разобравшись с тем, что такое гражданское общество вообще,

политические деятели стали переносить отдельные его элементы в нормативной (свобода собраний и совести), в экономической (частная собственность и свободный рынок) и в политической (открытость и публичность политической жизни) сферах в специфические условия постсоветского существования. Результат не заставил себя ждать. Перенесенные элементы гражданского общества европейского и американского толка были частью искажены и выхолощены, частью остались декларациями, а частично преданы забвению. Результат оказался негативным, ибо гражданские свободы при таком их применении были заглушены обильными всходами мафии, коррупции и политического беспредела.

Очевидно, что время, когда идея гражданского общества сможет претендовать на общественный проект, еще не наступило. Оно нуждается в реальном, а не декларативном проведении в жизнь принципов диалога, компромисса, толерантности как принципов горизонтали власти. Ранее уже было заявлено о позитивном содержании указанных ориентиров. Но они нуждаются в соответствующем оформлении во всех измерениях человеческого общества от социокультурного до политического.

К сожалению, приходится констатировать, что принципы гражданского общества нашли свое адекватное отражение лишь в сфере юрисприденции. Подписанные Украиной международные договоры и хартии регламентируют проведение в жизнь принципов поликультурализма. Конституция Украины и подзаконные акты обязывают региональные и центральные власти руководствоваться заявленным принципом. Об этом свидетельствует как украинское законодательство, так и его толкование в различных специализированных изданиях. В качестве примера фундаментального анализа нормативной сферы Украины с позиций выяснения правового обеспечения гражданского общества и принципов поликультурализма стоит назвать монграфию В. П. Рубцова «Засоби громадської участі. Науково-практичний збірник модельних місцевих нормативних актів» [224].

Монография свидетельствует, что принципиальных препятствий проведению в жизнь заявленного проекта в нормативном поле Украины – нет. Но практика: скандалы вокруг языка общения и судопроизводства, претензии украинской элиты на руководящую и направляющую роль в социокультурной сфере – свидетельствуют об игнорировании Украиной собственного законодательства. И причина этого, как это было выяснено в предыдущих подразделах, кроется в специфике протекания трансформационных процессов.

Горизонталь власти как стержень означенного проекта находится в зародышевом состоянии, в сфере возможного, но не сущего. К примеру, вопросы местного самоуправления нашли свое отражение в нормативной сфере в законе об украинских громадах, но ни в экономическом, ни в политическом измерении осуществления этого закона нет. Любая попытка местных сообществ добиться даже ограниченной автономии наталкивается на яростное сопротивление бюрократии. В общеукраинском масштабе центральные государственные органы, как это верно подметил крымский ученый А. В. Мальгин в монографии «Украина: Соборность и регионализм», отрицают даже возможность федерализации или автономизации региональной власти, несмотря на недвусмысленное волеизъявление граждан Украины на референдуме 2004 года [162, с. 266-268]. Но именно политика федерализма может стать основой для успешного осуществления заявленных принципов власти авторитета в XXI веке.

Неудачный эксперимент однобокого подхода к представленному проекту привил широким массам населения явно скептически-негативное отношение к самой возможности существования альтернативы крепкого государства. Национальные конфликты и неудачи в решении этнических проблем в России (проблема Чечни, Татарстана), конфликтная ситуация в Украине (не всегда федеральные, а нередко и сепаратистские устремления АРК, проблема депортированных граждан) толкают политическую мысль на необходимость реализации проекта «национальное государство».

Действительно, при попытке реализации гражданского общества возникает проблема гражданского согласия*, которая, в свою очередь, неразрывно связана с принципами справедливости, диалога и толерантности. А как показали предыдущие подразделы, именно эти принципы, выражающиеся в ценностях формального равенства и справедливости, наиболее дефицитны в современном украинском обществе, как обществе трансформационных процессов.

Можно сделать вывод, что проект «национальное государство» находится в сфере сущего, но не должного. При этом проект «гражданское общество» следует отнести к области должного, но, к сожалению не сущего.

Однако не надо забывать, что Украина лишь вступила в трансформационные процессы, которые характеризуются, помимо всего прочего, молниеносной сменой парадигм общественного развития. Существующие условия говорят в пользу авторитета власти, а реальные факторы свидетельствуют о возможности и даже необходимости оформления власти авторитета, как доминирующего элемента украинской системы власти, сохраняется также угроза радикальной смены властной реальности по принципам «ризомической власти».

Будущее украинской власти и общества неоднозначно, и очень многое зависит от действий каждой личности, каждого индивида для реализации наиболее необходимого проекта осуществления власти в специфических условиях трансформационного процесса современного украинского общества.

Выводы по разделу:

1. Условия существования современного украинского общества как общества трансформационных процессов таковы, что принципы, которые воплощаются в ценностях справедливости и формального

---

* **Гражданское согласие** является операциональным термином, который отражает реальный механизм и необходимое условие осуществления гражданского общества. Только через гражданское согласие, основанное на диалоге и доверии между всеми участниками общественного процесса, можно осуществить принципы гражданского общества, сформулированные в предыдущем определении.

равенства, не пользуются популярностью [312], в отличие от деструктивной по своему содержанию направленности на такие ценности, как свобода и собственность. Это не позволяет говорить об однозначности трансформации советского, тоталитарного общества в демократическое украинское и о безусловном переходе от принципов авторитета власти к власти авторитета.

2. Предпосылки и условия осуществления власти в Украине говорят в пользу формирования авторитета власти по принципам вертикали власти. В **экономическом измерении** это сохранение экономики «фабричных труб» при относительно слабом развитии информационных технологий, **в социокультурном** – формирование неосоветской идеологии, с включением основной части идеологических клише СССР: «все равны, но есть более равные», «справедливость не абсолютна, а относительна», «государство – все, а общество – ничто».
3. Научное и религиозное мировоззрение слабы, а в среде молодежи доминирует мифологическое мировоззрение, что не исключает возможность формирования власти авторитета. **Нормативное измерение** наиболее приближено к идеалам власти авторитета, однако его значение сводится на нет уже заявленными предпосылками, а также очевидно дестроерными тенденциями в украинской **политике** последних лет (оранжевая революция, региональное противостояние на парламентских выборах, попытка условных победителей удалить из политической жизни своих идеологических противников и пр.).
4. В специфических условиях бытия современного украинского общества возможен и дестроерный вариант осуществления власти. Он несет на себе признаки «ризомической власти»: анархии, бойкотирования и капсулирования.
5. Существует реальная возможность нивелировать предпосылки и условия осуществления украинской власти по принципам как

авторитета власти, так и «ризомической власти». Два мощных фактора: конфессиональный и национальный - дают повод прогнозировать вариант развития событий в пользу власти авторитета.

6. Новые ценности общественного развития, а также их гармонизация с принципами власти авторитета могут сформироваться на базе религиозной этики, центром которой они, по существу, и являются [308]. При обращении к идее поликультурализма можно выявить и востребовать особенности менталитета украинского народа, у которого принципы справедливости, равенства, толерантности, всегда играли ключевую роль, что создаст условия осуществления власти с ориентиром на принципы горизонтали власти.
7. Украинская власть найдет свои формы либо в проекте «национальное государство с ориентиром на монокультурное общество и доминирование принципов вертикали власти», либо в проекте «гражданское общество с ориентиром на поликультурализм и доминирование принципов горизонтали власти».
8. Оба проекта имеют свои трудности. Оба не сулят абсолютного успеха в специфических условиях Украины с точки зрения оценки условий и факторов современного бытия Украины. Тем не менее, реальность претворения в жизнь проекта «национальное государства» более высока, чем проекта «гражданское общество», что и находит отражение в формируемой центральными органами государственной власти стратегии развития Украины. Однако, с точки зрения долгосрочной перспективы, проект «гражданское общество», демонстрирует свое преимущество над проектом «национального государства». Он полнее отвечает духу трансформационных процессов индустриального общества, логике развития власти в общемировом масштабе и перспективам ее дальнейшего совершенствования.
9. Вариант «гражданское общество» невозможно «спустить» сверху или протолкнуть «снизу». Нельзя решить эту задачу только через

нормативную сферу, даже с помощью самого умного законопроекта (см. например [190]. А это значительно снижает интерес бюрократии к представленному проекту.

10. Реализация проекта «гражданского общества» только в декларативно-политической сфере (в духе «майданных оранжево-голубых» лозунгов) также демонстрирует свою несостоятельность, Прямой пример - неудача «революционного правительства» Ю. Тимошенко, которая прогнозировалась еще до окончательной победы «оранжевых» над «синими» [28].
11. Только взаимодействие населения с государством, комплекс реформаторских мер во всех сферах человеческого бытия [173] с ориентиром на признаки горизонтали власти могут обеспечить полноценное гражданское согласие как предпосылку гражданского общества.
12. Механизм сосуществования «власть - ценности» должен основываться не на идеологии, а на ценностных предпочтениях граждан, их самостоятельном и осознанном выборе власти и ее поддержки.
13. Механизмом осуществления тандема «власть - ценности» являются референдумы, которые с развитием информационных технологий позволяют значительно упростить эту процедуру взаимосвязи и взаимообусловленности, что на уровне государственной и законодательной власти продемонстрирует начало конкретной реализации задекларированных в нормативной сфере принципов демократического бытия Украины.

ВЫВОДЫ

Социальная философия, рассматривая проблему власти, заявляет о себе как системообразующий элемент всего комплекса кратологического знания. Значение социально-философского подхода к исследованию феномена власти проявляется в анализе перспективных методологических стратегий новой отрасли науки и формировании категориального аппарата кратологии.

Анализ концепций власти выявил основные понятия дискурса о власти: воздействие, отношение, стремление к власти, обладание, человек как субъект власти, легитимность и легитимация, структура, функция, системная организованность наличного бытия власти, обмен информацией, управление, властеотношение, властвующее начало, власть как удовлетворяющее обладание, признание, притяжение.

Основными понятиями социально-философского дискурса являются: «горизонталь власти» и «вертикаль власти», «власть авторитета» и «авторитет власти». Специфика вертикали власти раскрывается через концепты: иерархия, господствование, подчинение, а горизонтали власти – через управление, согласие, влияние. Понятия «власть авторитета» и «авторитет власти» служат для практической иллюстрации взаимосвязи того или иного способа разрешения противоречий вертикали и горизонтали власти с базовыми ценностями человека.

Власть авторитета изначально укоренена не в социальном, а в биологическом бытии прачеловеческих обществ, где инстинкт самосохранения уступает место признанию. С появлением протообщественных структур власть авторитета находит свое основание в материнском Роде, позднее - в патриархальной семье. В пределах власти авторитета уже закладываются предпосылки противоречия между властью и ценностями, которые с развитием общества приведут к смене властной парадигмы в пользу авторитета власти.

В условиях уже традиционного общества намечается кризис власти авторитета. Его предпосылками выступают: в экономическом измерении –

кризис натурального производства, в социокультурном - разрушение мифологического и религиозного мировоззрений, в нормативном – доминирование закона над правом, в политическом - формирование механизма государственного бюрократизма, по определению отчужденного от человека. Базисные ценности человеческого общежития, испытывая давление со стороны новой формирующейся парадигмы общественного развития подменяются идеологическими клише.

В условиях индустриального общества доминирующим оказался авторитет власти (идеальной структурной организацией общества признана вертикаль власти), где власть достигла высшей степени своего развития. Но глобальные изменения инициировали и кризис авторитета власти. Идеологические клише уже не могут удовлетворить запросы элиты. Возникает желание вновь обратиться к вопросам духовной жизни, в том числе и через реабилитацию таких фундаментальных ценностей человеческого общежития, как жизнь, свобода, собственность, формальное равенство и справедливость. Однако успехи информационных технологий могут привести к усилению худших сторон авторитета власти. В этих условиях решающую роль получают региональные особенности условий и факторов осуществления власти.

Специфика условий осуществления власти в современном украинском обществе такова, что ценностные ориентиры справедливости и формального равенства, не пользуются популярностью, в отличие от свободы и собственности. Сложившаяся тенденция ставит под сомнение однозначную трансформацию тоталитарного общества в демократическое. Предпосылки и условия осуществления власти в Украине говорят в пользу усиления авторитета власти через осуществление принципа вертикали власти. В экономическом измерении это находит свое выражение в форме сохранения экономики «фабричных труб» при относительно слабом развитии информационных технологий, в социокультурном – формирование неоидеологии по стандартам советского прошлого, с включением клише:

«все равны, но есть более равные», «справедливость не абсолютна, а относительна». Однако мировозренческие основания авторитета власти - в Украине слабые. В среде молодежи доминирует мировоззрение неомифологическое, характерное скорее для власти авторитета. Социальная регуляция тяготеет к нормативной пирамиде власти авторитета. Однако все это сводится на нет уже рассмотренными условиями бытия общества, а также очевидными дестроерными тенденциями в украинской политике последних лет. В специфических условиях бытия современного украинского общества возможен и деструктивный вариант осуществления власти. Он несет на себе признаки «ризомической власти»: анархии, бойкотирования и капсулирования.

Существует реальная возможность нивелировать предпосылки и условия осуществления украинской власти как по принципам авторитета власти, так и ризоматической власти. Два мощных фактора - конфессиональный и национальный дают повод прогнозировать и такой вариант развития событий. Новые ценности общественного развития и власти авторитета могут сформироваться на базе религиозной этики, центром которой они, по существу, и являются. Обращение к идее поликультурализма востребует особенности менталитета украинского народа, у которого принципы справедливости, равенства, толерантности всегда играли ключевую роль, что создает условия осуществления власти с ориентиром на принципы горизонтали власти.

Современная украинская власть имеет два проекта своего осуществления: проект «национальное государство с ориентиром на монокультурное общество и доминирование принципов вертикали власти» и проект «гражданское общество с ориентиром на поликультурализм и доминирование принципов горизонтали власти». Первый проходит по реестру сущего, второй - по реестру должного. При этом подчеркивается, что механизм взаимосвязи «власть - ценности» должен основываться не на идеологии, а на ценностных предпочтениях граждан, их самостоятельном и

осознанном выборе власти и ее поддержки. Механизмом примирения власти и ключевых ценностей общества в рамках власти авторитета являются референдумы, которые с развитием информационных технологий позволяют значительно упростить процедуру взаимосвязи и обусловленности, что на уровне государственной и законодательной власти демонстрирует начало конкретной реализации задекларированных в нормативной сфере принципов демократического бытия Украины, а следовательно, и проведения в жизнь нормы «гражданское согласие» как необходимой предпосылки осуществления проекта «гражданское общество».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Авдийский В. И. Феномен власти: истоки ее силы и слабости. Опыт системного анализа. - М.: АКДИ «Экономика и жизнь», 2002. - 240 с.
2. Аврелий М. Наедине с собой: Пер. с древнегреч. – К., Черкассы: РИЦ «Реал», 1993. – 148 с.
3. Адорно Т. Исследование авторитарной личности: Пер. с нем. - М.: Серебряные нити, 2001. - 416 с.
4. Алиев Ш. Методологические аспекты управления. – Баку: ЭЛМ, 1980. – 219 с.
5. Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии. – СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 1998. - 432 с.
6. Аникевич А. Г. Категориальный ряд власти: социально-философский аспект. – Красноярск: Изд-во ГГТУ, 1998. – 207 с.
7. Антонова М. Л. Природа авторитета как общественного явления (социально-философские аспекты проблемы): Автореф. дис… к-та. филос. наук: 09.00.11 / Иван. гос. ун-т – Тамбов, 2003. - 27 с.
8. Арендт Х. Джерела тоталітаризму: Пер з англ. – 2-е вид. – К.: Дух і літера, 2005. – 570 с.
9. Арендт Х. Між минулим і майбутнім: Пер з англ. – К.: Дух і літера, 2002. – 321 с.
10. Аристотель. Афинская полития // Платон, Аристотель. Политика. Наука об управлении государством: Пер. с древнегреч. – М.; СПб.: Изд-во Эксмо, 2003. - С. 385-656.
11. Аристотель. Политика // Аристотель Сочинения в 4-х томах. Т. 4: Пер. с древнегреч. - М.: Мысль, 1984. - С. 375-645.
12. Артемова О.Ю. Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной деформации / Ранние формы социальной стратификации. – М.: Наука, 1993. – С. 40-71.
13. Артемова С.Г. Социально-психологический фактор в системе отношений власти (социально-философский анализ): Автореф. дис... к-та. филос. наук: 09.00.11 / Моск. гос. техн. ун-т. – М., 2002. – 27 с.
14. Аслунд А. Розбудова капіталізму. Трансформації в країнах колишнього Радянського блоку: пер. с англ. – К.: Дух і літера, 2003. – 640 с.
15. Ашкеров А.Ю. Политическое пространство и политическое время античности // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 12, Политические науки. – 2001. - №1. – С. 27-39.
16. Бадзьо Ю. Влада-опозіция-держава в Україні сьогодні. – К.: Смолоскип, 1994. – 28 с.
17. Бадзьо Ю. Український вибір. – К.: Смолоскип, 2004. – 54 с.
18. Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. – М.: Наука, 1989. – 167 с.

19. Байрачная Л. К. Власть: содержание, структура, функции (социально-философский анализ): Дис... канд. филос. наук: 09.00.03 – Харьков, 1992. – 179 с.
20. Батлер Д. Психика власти: теории субъекции: Пер. с англ. – Харьков; СПб.: ХЦГИ; Алетейя, 2002. - 160 с.
21. Бейгсейдов Б.Ю. Проблема классификации видов власти и ее отражение в философской литературе. - М., 1991. – 20 с. – Рус. - Деп. В Фонде ИНИОН РАН 46448.
22. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. В кн: Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. – М.: Республика, 1995. – С.288-380.
23. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы: Пер. с англ. — М.: Междунар. отношения, 1998. — 256 с.
24. Бибихин В.В. Свое, собственное // Вопросы философии. – 1997. - №2. – С.71-81.
25. Богачек И. А. Философия управления: Очерки профессионального управленца. - СПб.: Наука, 1999. - 232 с.
26. Богданов В. С. Авторитет як предмет соціально-філософського аналізу: Діс… д-ра. філос. наук: 09.00.03. – К., 1997. – 374 с.
27. Боден Ж. Шесть книг о государственной власти // http:www.bibl-univ.ru/filos_boden.html
28. Бондаренко К. Система БЮТ или блок Ющенко-Тимошенко. – К.: Изд-во «ВІК», 2004. – 36 с.
29. Боришевський М. Національна самосвідомість та ідентифікація громадян як чинник демократичних перетворень в українському суспільстві // Соціально-психологічний вимір демократичних перетворень в Україні: Зб наук. пр. – К.: Укр. центр політ. менедж., 2003. С. 138-144.
30. Боровой А. А. Власть. // Анархия и Власть. – М.: Наука, 1992. – С. 151-167.
31. Боронаев А. О., Смирнов П. И. Российский менталитет и реформы // Общество и политика. Современные исследования, поиск концепций. - СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – С. 247-302.
32. Борщов А.С. Факторы детерминации в эволюции современного общества // Межвуз. науч. сборник: Перспективы социальной эволюции современного общества. Саратов: Юл, 2001. – С. 3-5.
33. Бочаров В. В. Власть. Традиции. Управление. Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки. – М.: Наука, 1992. – 296 с.
34. Брин Д. Почтальон: Пер. с англ. – Спб., Изд-во «Азбука-классика», 2004. – 380 с.
35. Будь лицом: ценности гражданского общества: Под ред. В.И. Бакштановского, Ю.В. Согомонова, В.А. Чурилова – Томск: Изд-во томского ун-та, 1993. - Т. 1. – 300 с.

36. Бурдье П. Социология политики: Пер. с фр. – М.: SOCIO LOGOS, 1993. – 336 с.
37. Бьюнкен П. Смерть Запада: Пер. с англ. – М.: АСТ, 2004. – 445 с.
38. Васильев Г. Г. Социокультурная эволюция и социальное управление. – М.: Изд-во «Универ. Гуманитар. Лицей», 1997. - 220 с.
39. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – 806 с.
40. Великий тулмачний словник сучасної української мови / Уклад. В.Т. Бусел. – К.: Ірпінь; ВТР "Нептун". – 2003. – 1404 с.
41. Ветюгов К. В. Соотношение идеалов светской и духовной власти в русской культуре: Автореф. дис… к-та. филос. наук: 09.00.11 / Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2001. – 22 с.
42. Віденко Н. Г. Взаємодія управління, влади і держави як предмет філософського аналізу. Діс... к-та. філос. наук: 09.00.03. – Донецьк, 2002. – 163 с.
43. Виндельбанд В. О свободе воли: Пер. с нем. – Минск, М.: ХАРВЕСТ, АСТ, 2000. – 206 с.
44. Влада, на котру ми заслоговуємо. Аналітичний огляд. – К.: Агенція соц. проектування, 2002. – 28 с.
45. Власть: Очерки современной политической философии Запада: коллективная монография под ред. В.А. Подорги - М.: Наука, 1989. – 328 с.
46. Всемирная энциклопедия: Философия / Глав. науч. ред. и сост. А.А. Грицианов. – М.; Минск: АСТ, Харвест, Современный литератор, 2001. – 1312 с.
47. Габриелян О.А. Государственное управление: США и Украина. – Симферополь: Таврия, 2003. – 300 с.
48. Габриелян О. А. Политические процессы в Крыму. Последнее десятилетие XX века. – Симферополь: Таврия, 2000. – 160 с.
49. Галиев М. Р. Философия власти: противоречия между мировым политическим опытом и осуществлением властвования в условиях современной российской действительности: Дис... канд. филос. наук: 09.00.11. – М., 2002. - 211 с.
50. Гасилин В. Н. Философия власти: основные понятия, аспекты исследования, проблемы // Матер. Всерос. науч. конф. "Философия и социология власти". – Саратов: Изд-во поволж. филиала рос. уч. ц-ра, 1996. – С. 4-7.
51. Гегель Г.В.Ф. Система наук. Ч.1. Феноменология духа: Пер. с нем. – М.: Мысль, 1959. – 440 с.
52. Гегель Г. В. Ф. Философия права: Пер. с нем. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
53. Герасимов Е.Н. Дорогу к свободе осилит идущий: от автоитаризма к «практическому гуманизму». – К.: КМУГА, 1997. – 226 с.
54. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества: Пер. с нем. – М.: Наука, 1977. – 704 с.

55. Глейк Д. Хаос. Создание новой науки: Пер. с англ. – СПб.: Амфора, 2001. – 399 с.
56. Гоббс Т. Левифан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения в 2 т. - Т. 2: Пер. с лат. – М.: Мысль, 1991. - С. 3-546.
57. Гобозов И.А. Социальная философия: диалектика или синергетика? // Философия и общество. – 2005. - №2. – С. 5-18
58. Гомеров И.Н. Структура и свойства власти. – Новосибирск: СибУПК, 2000. – 236 с.
59. Гончар Л.П., Краснонос П.А. Переоцінка цінностей у духовній культурі сучасної України // Постмодерн: переоцінка цінностей: Зб наук. пр. – Вінниця: УНІВЕРСУМ, 2001. - С. 277-287.
60. Гражданское общество: истоки и современность. Изд. второе испр. и дополн. / Под общ. ред. И.И. Кального - СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 301 с.
61. Грин Р. 48 законов власти: Пер. с англ. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. – 576 с.
62. Гринев В.Б. Итоги и уроки десятилетия независимости Украины. – К.: МАУП, 2001. – 36 с.
63. Гробовський С. «Государство Украина»: Розбудова квазінаціональної держави. – Дрогобич: КОЛО, 2004. – 55 с.
64. Громадянське суспільство і держава в Україні: проблеми взаємодії. Матеріали методологичного семінару 27 січня 2004 р. / За ред. В.В. Цвєткова, І.О. Кресіна. – К.: і-т держави і права НАН України, 2004. – 84 с.
65. Грюнбаум А. Свобода воли и законы человеческого поведения // Вопросы философии. – 1970. - №6. – С. 62-74.
66. Грюнбаум А. Сто лет психоанализа: итоги и перспективы // Вопросы философии. – 1997. - №7. – С. 85-98.
67. Грядовой Д. И. Управленческое решение (философско-социологический анализ). - М.: Моск. Академ. МВД России, 2001. - 192 с.
68. Даль В. И. Толковый словарь в 4-х томах. – М.: Русский язык, 1989. – Т.1. – 699 с.
69. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. - М.: КНИГА, 1991. – 576 с.
70. Данте А. Монархия: Пер. с лат. – М.: «КАНОН-пресс-Ц» - «Кучково поле», 1999. – 192 с.
71. Дейнека О. С. Экономико-психологические последствия политики переходного периода // Общество и политика. Современные исследования, поиск концепций. - СПб.: Из-во СПбГУ, 2000. – С. 442-474.
72. Денисова Н. Ю. Власть как конституирующий фактор социокультурной реальности: Автореф. дис… к-та. филос. наук: 09.00.11. / Сарат. гос. акад. права. – Саратов, 2003. - 22 с.

73. Діденко Н.Г. Взаємодія управління, влади ідержави як предмет філософського аналізу: Діс... канд. філос. наук: 09.00.03. – Донецьк, 2002. – 163 с.
74. Догадайло Е. Ю. Личность в системе отношений власти: теоретико-правовой и социально-психологический аспекты. Дис... канд. юр. наук: 07.01.10 – М., 1995. - 155 с.
75. Донченко О., Романенко Ю. Архетипи соціального життя і політика. – К.: Либідь, 2001. – 336 с.
76. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10 томах. – М., 1957. – Т. 7: Бесы. – 757 с.
77. Елеманова А. М. Власть как философская проблема: Автореф. дис… к-та. филос. наук: 09.00.11 / Алм. гос. ун-т – Алматы, 1994. - 29 с.
78. Етно-національна структура українського суспільства. – К.: Наук. думк., 2004. – 344 с.
79. Ефремов И.И. Функции и роль авторитета как феномена социальной жизни // Философия и общество. – 2005. - № 1(38). – С.38-50
80. Желаев Т. Н. Эволюция систем власти: социально-философский анализ: Автореф. дис… к-та. филос. наук: 09.00.11 / Бурят. гос. ун-т – Улан-Удэ, 2002. - 24 с.
81. Завершинский К.Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта // ПОЛИС. – 2001. - №2. – С. 113-131.
82. Запорожець Т.В. Утопічна свідомість як атрибутивна характеристика перехідного періоду: Автореф. діс… канд. філос. наук: 09.00.03 / Львів. гос. ун-т. – Львів, 2000. – 19 с.
83. Зимовець Р. Дискусія «Фуко-Габермас»: внесок до теорії влади (стаття перша) // Філософська думка. - 2005. - №2. – С. 104-120.
84. Зимовець Р. Дискусія «Фуко-Габермас»: внесок до теорії влади (стаття друга) // Філософська думка. - 2005. - №3. – С. 42-61.
85. Зимовець Р. В. Феномен влади в культурі: Діс... канд. филос. наук: 09.00.04 – К., 2001. -188 с.
86. Зяблова Е. Ю. Личность и власть в спектре адаптационных и конфронтационных процессов: Дис... канд. соц. наук: – Хабаровск, 2000. - 140 с.
87. Иванов В. В. Власть и отношения собственности (социально-философский анализ): Автореф. дис… к-та. филос. наук: 09.00.11 / Рос. акад. гос. сл. при през. РФ. – М., 1996. - 48 с.
88. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: очерки истории и теории. – М.: Политиздат, 1984. – 320 с.
89. Ильин И.А. О сущности правосознания. – М.: Рарогъ, 1993. – 236 с.
90. Илюшечкин В.П. Теория стадийного развития общества (история и проблемы). – М.: Издат. фир. «Вост. лит.» РАН, 1996. – 406 с.
91. Иноземцев В.Л. Собственность в посиндустриальном обществе и исторической перспективе // Вопросы философии. – 2000. - №12. – С.3-13.

92. Историко-этимологический словарь современного русского языка в 6-ти томах / Под ред. П.Я. Черных. – 2 –е изд. Стереотип. – М.: рус. яз., 1994. – Т. 1. – 623 с.
93. Каган М.С. Философская теория ценности. – СПБ.: Петрополис, 1997. – 206 с.
94. Кайгер В. Этнопсихологические факторы языковой проблемы в Украине // Соціально-психологічний вимір демократичних перетворень в Україн: збірник наук. праць. – К., 2003. С. 125-137.
95. Кальной И. И. Отчуждение как феномен общественного развития (природа, стоки и современость): Автореф. дис... д-ра. филос. наук: 09.00.01 / Ленингр. гос. у-т. – Симферополь, 1991. – 33 с.
96. Кальной И.И. Формирование новой шкалы ценностей как условия взаимодействия государственной власти и политического участия // Материалы международной научной конференции «Государственная власть и политическое участие». – Севастополь: Изд-во СевНТУ, 2003. С. 67-69.
97. Кальной И.И., Парунова Ю.Д., Шевченко О.К. Проблема идентичности в условиях трансформации современного украинского общества // Ученые записки ТНУ. Серия философия. – 2004. Т.17 (56). - №2. – С. 110-118.
98. Кальной И.И., Шрейдер В.Ф. Самоуправление – важнейший фактор развития гражданского общества // Наука. Культура. Общество. – М., 2006. - №С. 85-122.
99. Кампанелла Т. Город Солнца: Пер. с лат. // Зарубежная фантастическая проза прошлых веков. – М.: Правда, 1989. - С.133- 188.
100. Канетті Е. Маса і влада: Пер. с нем. – К.: Альтернативи, 2001. – 416 с.
101. Кант И. Критика чистого разума: Пер. с нем. – Симферополь: Реноме, 1998. – 528 с.
102. Кант И. Основы метафизики нравственности: Пер. с нем. // www.philosophy.ru\library\kant\omn.html
103. Капустин Б.Г. Современность – как принуждение и как свбода // Вопросы философии. – 1998. - №4. С.19-37.
104. Карагод Ю.Г. К вопросу о глобализации ценностных систем // Перспективы социальной эволюции современного общества: Сб. науч. раб. – Саратов: ЮГ, 2001. – С. 36-39.
105. Касавин И.Т. Познание в мире традиций. – М.: Наука, 1990. – 207 с.
106. Касьянов Г. Теорії Нації та націоналізму. – К.: ЛИБІДЬ, 1999. – 352 с.
107. Катаев С. Л. Украина как „сателитное” общество // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Зб. наук. пр. – Харків: ХНУ, 2002. – С. 18-21.
108. Категории диалектики их развитие и функции / Под ред. В.П. Иванова. – К.: Наук. Дум., 1980. - 364 с.

109. Князева Е.Н. Сложные системы и нелинейная динамика в природе и обществе // Вопросы философии. – 1998. - №4. – С. 138-143.
110. Коваль Б.И., Ильин М.В. Власть versus политика // ПОЛИС. – 1991. - №5. – С. 152-163.
111. Коган Л.А. Триединство свободы // Вопросы философии. - 1997. - №5. С. 31-43.
112. Кожев А. Тирания и мудрость // Вопросы философии. - 1998. - №6. – С.92-119.
113. Козырева А. Ю. Политическая психология. Влияние государственных структур на мировоззрение индивида. - М.: ДА МИД РФ, 2001. – 130 с.
114. Колдаев В. М. Власть. - М.: Ин-т защиты предприним., 1995. - 22 с.
115. Колесников А. Первый Украинский. Записки с передовой. – К.: ВАГРИУС НАЦИОНАЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ ПРОЕКТ, 2005. – 416 с.
116. Комина А. В. Авторитет, ответственность, доверие как реалии и императивы власти: Автореф. дис… к-та. филос. наук: 09.00.11 / Моск. гос. техн. ун-т. – Тверь, 2003. – 23 с.
117. Конде А. Грифон: Пер. с галисийского. – СПб.: Изд-во «Азбука-классика», 2004. – 318 с.
118. Конт О. Курс позитивной философии: Пер. с фр. - Харьков: ФОЛИО, 1999.
119. Конт Ф. К политической антропологии советской системы: Пер. с фр. – М.: Языки русской культуры, 2003. – 220 с.
120. Конституция Автономной республики Крым. – Симферополь: Изд-во: ООО «Инфолекс», 2002. – 36 с.
121. Конституция Украины. - Харьков: Изд-во «ФОЛИО», 2002. – 48 с.
122. Концепція стратегії розвитку України у XXI столітті / Під керів. Г. В.Щокіна. – К.: МАУП, 2003. – 40 с.
123. Корабельникова Л. К. Социализация молодежи в условиях деинституционализации украинского общества // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Зб. наук. пр. – Харків: ХНУ, 2002. – С. 547-551.
124. Королев С. А. Технологии власти в истории России: Автореф. дис... д-ра. филос. наук: 09.00.11 / Ин-т философии РАН. – М., 1998. - 38с.
125. Коротаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. – М.: Вост. Лит., 2003. – 278 с.
126. Котенев А.А., Лукьянов А.Е. Архетипы власти. – М.: Ягуар, 2000. – 62 с.
127. Кравченко И. И. Средний («Мезо») уровень политической и неполитической власти // Власть. Философско-политические аспекты. М.: Ин-т философии РАН, 1998. – С. 6-26.

128. Крамер Д., Олстед Д. Маски авторитарности: Очерки о гуру: Пер. с англ. - М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 408 с.
129. Крамник В. В. Власть и Мы: ментальность российской власти – традиции и новации // Общество и политика. Современные исследования, поиск концепций. - СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – С. 90-141.
130. Краснодембський З. На постмодерністських роздоріжжях культури: Пер. с пол. – К.: Основи, 2000. – 200 с.
131. Кремень В. Г., Табачник Д. В., Ткаченко В. М. Україна: альтернативи поступу (критика історичного досвіду). – К.: „ARC-UKRAINE», 1996. – 793 с.
132. Кресіна І.О. Особливості становлення громадянського суспільства в Україні // Громадянське суспільство і держава в Україні: проблеми взаємодії. Матеріали методологичного семінару 27 січня 2004 р. / Под ред. В.В. Цвєткова, І.О. Кресіна. – К.: і-т держави і права НАН України, 2004. – С. 7-25.
133. Кривега Л. Д. Мировоззренческие ориентации личности в условиях трансформации общества. Дис... докт. филос. наук: 09.00.03 – Запорожье, 1999. – 355 с.
134. Кривоносова Л.А. Социология управления. – Хабаровск: Дальневост. акад. гос. службы, 2000. – 164 с.
135. Крисаченко В.С., Мостяєв О.І. Україна: природа і люди. – К.: НІСД: 2002. - 623с.
136. Кропоткин П.А. Государство, его роль в истории // Кропоткин П.А. Анархия, ее философия, ее идеал. – М.: ЭКСМО, 2004. – С. 617-677.
137. Ксенофонт. Киропедия: Пер. с древнегреч. – М.: Наука, 1976. – 335 с.
138. Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. – М.: Наука, 1988. – 272 с.
139. Кузнєцова М.В. Роль аномічності сучасного українського суспільства у формуванні системи ціннісних орієнтацій студентів // Розвиток депократії та демократичной освіти в Україні: тези доповідей. – Львів: Ізд-во: “Розбудова демократії”, 2005. - С. 10.
140. Кузьмин М. Н. Переход от традиционного общества к гражданскому: изменение человека // Вопросы философии. – 1997. - №2. – С. 57-70.
141. Курбанова Е. С. Власть и управление: единство и взаимодействие в обществе: Автореф. дис… к-та. филос. наук: 09.00.11 / Рос. акад. гос. сл. при през. РФ. – М., 1996. - 20 с.
142. Кутаев Р. М. Социальное управление в контексте национальной культуры (социально-философский анализ) – СПб.: СПБГу, 1997. - 176 с.
143. Куценко О. Д. Социальная идентификация в постсоветской Украине: формирование новой социальности? // Методологія, теорія та

практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Зб. наук. пр. – Харків: ХНУ, 2002. – С. 7-14.
144. Лазарев Ф.В. Разум и мудрость в горизонте новой культурной парадигмы. – Симферополь: Всемирный Этический Форум, 2004. – 64 с.
145. Лазарев Ф.В., Брюс А. Литтл. Многомерный человек. Введение в интервальную антропологию. – Симферополь: СОНАТ, 2001. – 264 с.
146. Латипов А. Д. Власть как социальный феномен и формы ее истинности: Автореф. дис… к-та. филос. наук: 09.00.11 / Башкир. гос. пед. ун-т. – Уфа, 2001. - 19 с.
147. Левидов М.Ю. Путешествие в некоторые отдаленные страны мысли и чувства Джонатана Свифта, сначала исследователя, а потом воина в нескольких сражениях. – М.: Книга, 1986. – 287 с.
148. Леви-Стросс К. Печальные тропики: Пер. с фр. – Львов; М.: Инициатива, АСТ, 1999. – 576 с.
149. Левин Г. Д. Свобода и покинутость. Методологический анализ // Вопросы философии. – 1997. - №1. – С. 56-68.
150. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада: Пер. с фр. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 568 с.
151. Ледяев В. Г. Власть: концептуальный анализ. – М.: Росспэн, 2001. – 384 с.
152. Лейбин В.М. Психоанализ и философия неофрейдизма. – М.: Изд-во полит. лит., 1977. – 246 с.
153. Ленин В.И. Собрание сочинений. – изд 3-е. – Т. 21: Государство и революция. – М.: Партиздат, 1937. – С. 365-455.
154. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. – 1996. - №4. – С. 15-26.
155. Лесков Л.В. Знание и власть. Синергетическая кратология. – М.: Эко, 2001. – 98 с.
156. Литвин В.М. Україна на межі тисячоліть (1991-2000 рр.). – К.: «Альтернативи», 2000. – 360 с.
157. Локк Д. Два трактата про врядування: Пер. с англ. – К.: ОСНОВИ, 2001. – 265 с.
158. Луман Н. Власть: Пер. с нем. - М.: Праксис, 2001. – 250 с.
159. Майнцер К. Сложность и самоорганизация. Возникновение новой науки и культуры на рубеже века // Вопросы философии. – 1997. - №3. – С. 48-61.
160. Макейчик А.А. Аксиология. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. – 128 с.
161. Макиавелли Н. Князь: Пер. с ит. - Минск: ООО «Завигар», 2000. - 192 с.
162. Мальгин А.В. Украина: Соборность и регионализм. – Симферополь: СОНАТ, 2005. – 280 с.

163. Манхейм К. Человек и общество в эпоху преобразования // Диагноз нашего времени: перевод с английского. – М.: Юрист, 1994. – С. 277-411.
164. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К.Социология: Пер. с нем. - М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц, КУЧКОВО ПОЛЕ, 2000. – С. 177-324.
165. Мартиен Ж. Человек и государство: Пер. с фр. - М.: Идея-Пресс, 2000. – 196 с.
166. Мартынов М.Ю. Индивид в условиях дисциплинарной власти: Автореф. дис… к-та. филос. наук: 09.00.11 / Чуваш. гос. ун-т. – Чебоксары, 2004. – 24 с.
167. Межуев В.М. Ценности современности в контексте модернизации и глобализации // Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара клуба ученых «Глобальный мир». Вып 10. – М.: Издат дом «Новый век», 2001. – С. 4-19.
168. Мей К. Інформаційне суспільство. Скептичний погляд: Пер. з англ. – К.: К.І.С, 2004. – 214 с.
169. Методология гуманитарного знания / Под ред. В.В. Буряка. – Симферополь, 2002. – 132 с.
170. Мид М. Отцовство у человека – социальное изобретение // Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения: Пер. с англ. – М.: Наука, 1988. – С. 308-321.
171. Митрохин В. И. Сущность власти: философский анализ. - М.: Изд-во МГОПИ «Альфа», 1992. – 148 с.
172. Михальченко Н.И. Украинское общество: трансформация, модернизация или лимитроф Европы? – К.: Ин-т социологии НАНУ, 2001. – 440 с.
173. Михальченко Н.І., Хоанг Хай Банг. Взаємодія політики і економіки в умовах прискореної трансформації суспільства як предмет соціально-філософського дослідження. – К.: Абрис, 1999. – 32 с.
174. Модель И. М., Модель Б. С. Власть и гражданское общество России: от социального взаимодействия – к социальному партнерству. – Екатеринбург: УрО РАН, 1998. – 156 с.
175. Модернизация в России и конфликт ценностей / Ответ. ред. С. Я. Матвеева. - М.: ИФ РАН, 1993.
176. Моисеев Н.Н. Еще раз о коэволюции // Вопросы философии. - 1998. - №8. – С. 26-32.
177. Монтескье Ш.-Л. Персидские письма: Пер. с фр. – М.: Худ. лит.,1956. – 400 с.
178. Мор Т. Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии // Зарубежная фантастическая проза прошлых веков: Пер. с лат. – М.: Правда, 1989. - С. 19-132.
179. Мороз О., Саєнко Ю. Час інтелекту: сукупний український Розум. – Львів: Панорама, 2002. – 94 с.

180. Московичи С. Машина творящая богов: Пер. с фр. – М.: Центр психологии и психотерапии, КСП+, 1998. – 560 с.
181. Мусиездов А. А. Трансформация: к вопросу о концептуализации постсоветских социальных изменений // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Зб. наук. пр. – Харків: ХНУ, 2002. – С. 51-56.
182. Муталипова А. М. Централизация государственной власти как гарант свободы личности: Автореф. дис... к-та. филос. наук: 09.00.11 / Северо-Кавказ. гос. техн. ун-т. – Ставрополь, 2001. - 28 с.
183. Нагорна Л.П. Політична культура українського народу: історична ретроспектива і сучасні реалії. – К.: Стилос, 1998. – 278 с.
184. Нестерова С. В. Отношение власти и населения. Проблемы презентации власти и ее восприятия гражданами // Психология восприятия власти: Сб. науч. раб. - М., 2002. - вып. 1. - С. 117-126.
185. Николаева В. Прикоснись к судьбе. Виктор Янукович – К.: Новый мир, 2004. – 96 с.
186. Николко М.В. Коммуникативная природа легитимационных процессов: Дис…канд. филос. наук: 09.00.03. – Симферополь, 2004. – 198 с.
187. Ницше Ф. Антихристианин // Сумерки богов: Пер с нем. - М.: Политиздат, 1990. – С.17-94.
188. Ницше Ф. Воля к власти // Ницше Ф. Воля к власти: Пер. с нем. – М., Харьков: ЭКСМО, ФОЛИО, 2003. - С.365-714.
189. Ойзерман Т.И. «Наукоучение» Фихте – волюнтаристическая метафизика свободы и ее отрицание // Вопросы философии. – 1998. – «8. – С. 120-133.
190. Онищенко І.Г. Етнополітологічна парадигма українського націогенезу: Автореф. діс…д-ра політ. наук: – К., 1998. – 37 с.
191. Орлов Ю . М. Психология принуждения. - М.: «Импринт-Гольстрим», 1997. - 36 с.
192. Оруэлл Дж. 1984. // Оруэл Дж. 1984. Скотный двор: Пер. с англ. – М. : АСТ, 2003. – С.5-318.
193. Осадчий Н. И. Социально-философский анализ власти как общественного явления: Дис… канд. филос. наук: 09.00.01. - М, 1983. - 182 с.
194. Павленко Ю.В. Человек и власть на востоке // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти: сб. науч. р-т. – М.: Наука, 1993. – С. 26-61.
195. Паздникова И. С. Политическая институционализация социально-классовых образований в современной Украине // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Зб. наук. пр. – Харків: ХНУ, 2002. – С. 183-187.
196. Панарин А.С. Философия политики. – М.: Новая школа, 1996. – 424 с.

197. Панюта В. І. Символічна влада в українському соціумі: Автореф. діс... к-та. соціол. наук. - Харків, 2003. - 20 с.
198. Парсонс Т. О структуре социального действия: Пер. с англ. - М.: Академический Проект, 2002. – 880 с.
199. Партыцкий С. Система общественного рыночного хазяйства // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Зб. наук. пр. – Харків: ХНУ, 2002. – С. 48-50.
200. Петросян В.К. Понятие и сущность ноократического общества // Вопросы философии. – 2002. - №10. _ С.45-61.
201. Пірен М. Демократичні традиції в Україні та здійснення соціально-економічних реформ (соціо-психологічний аналіз) // Соціально-психологічний вимір демократичних перетворень в Україні: Зб. наук. пр. – К.: Укр. Центр політ. мененд-ту., 2003. С. 9-25.
202. Платон. Апология Сократа. // Платон. Диалоги: Пер. с древнегреч. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – С. 312-349.
203. Платон. Критон // Платон. Диалоги: Пер. с древнегреч. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – С. 351-372.
204. Платон. Политика или Государство // Платон, Аристотель. Политика. Наука об управлении государством: Пер. с древнегреч. – М., СПб.: Изд-во Эксмо, 2003. - С. 7-306.
205. Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба. – М.: Госполитиздат, 1959. – 128 с.
206. Плосконосова В.П. Трансформация власти и социально-экономические преобразования в обществе. – Омск: Изд-во Сиб АДИ, 2001. – 222 с.
207. Плотникова О. В. Власть и формы ее проявления. - Уссурийск: Изд-во УГПИ, 1996. - 129 с.
208. Подшивалкина В. И. Трансформационные процессы в обществе: проблемы развития познавательных моделей // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Зб. наук. пр. – Харків: ХНУ, 2002. – С. 15-17.
209. Полякова Н. Б. Конституирование дискурса власти: герменевтический аспект. – Ижевск: Изд-во Удмурдского ун-та, 2003. – 17 с.
210. Полякова Т.М. Молодежная политика в условиях трансформации российского общества // Идентификация личности: Сб. науч. раб. В 2 т. – М.: РАН, 1998. – Т.2. - С. 19-42.
211. Попов В. А. Символы власти и власть символов // Символы и атрибуты власти: Сб. науч. раб. - Спб.: МАЭ РАН, 1996. - С. 9-15.
212. Потякин А. А. Правовой нигилизм как вариант современного российского правосознания // Общество и политика. Современные исследования, поиск концепций. - СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – С. 342-360.
213. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка в 2-х т. – М.: Иностр. и нац. сл-рей, 1959. – Т. 1. – 717 с.

214. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. – М.: Прогресс, 1999. – 268 с.
215. Проскуріна О. О. Формування політичної культури українського суспільства: проблеми і перспективи розвитку: Автореф. діс... к-та. політ. наук. – К., 2001. – 20 с.
216. Пролеєв С. Кант проти Канта: автономія волі та упокорення владі // Філософська думка. - 2005. - №2. – С. 51-66.
217. Пролеєв С. Метафізика влади. – К.: Наук. дум., 2005. – 322 с.
218. Прохоров А. П. Русская модель управления: компромисс между системой и населением // Вопросы философии. – 2003. - №2. – С. 42-52.
219. Резник Ю.М. Введение в социальную теорию. Социальная эпистемология.- М.: Институт востоковеденья РАН, 1999. – 327 с.
220. Риккерт Г. Философия жизни: Пер. с нем. – Минск, М.: ХАРВЕСТ, АСТ, 2000. – 240 с.
221. Римаренко С. Моделювання державної етнополітики в Україні // Розвиток України в регіональній перспективі: політичні, економічні, соціальні проблеми регіоналізації: Матеріали конференції українських випускніків програми наукового стажування у США. – К.: Стилос, 2002. – С. 260-266.
222. Робертс Дж. М. Доисторическое время и первые цивилизации. Иллюстрированная история мира в 10 томах. Том 1: Пер. с англ. – М.: БММ АО, 1998. – 192 с.
223. Російско-Український і Українсько-Російський тлумачний словник / За ред. Л.Т. Савченко. – Харків: Прапор, 2003. – 544 с.
224. Рубцов В.П. Засоби громадської участі. Науково-практичний збірник модельних місцевих нормативних актів. - К.: Екосфія, 2003. – 100 с.
225. Русско-Английский словарь / Под ред. А. И. Смирницкого. – 15-е изд., стереотип. - М.: Русс. Яз., 1989. – 764 с.
226. Русско-Беларусский словарь / Под ред.. Я. Коласа, К. Крапивы, П. Глебки. - М.: Государственное издание иностранных и национальных словарей, 1953. – 728 с.
227. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права: Пер. с фр. // Руссо Жан-Жак. Трактаты. - М.: Наука, 1969. – С. 151-302.
228. Савостьянова М.В. Перспективы человека разумного: эволюция или адаптация ? – К.:ПАРАПАН, 2005. – 168 с.
229. Сапровский Ю. С. Социокультурная динамика власти: Автореф. дис… к-та. полит. наук: 23.00.02 / Урал акад гос. сл. – Екатеринбург, 2001. – 23 с.
230. Сапронов П. А. Власть как метафизическая и историческая реальность. - СПб.: Церковь и культура, 2001. – 816 с.
231. Сахно Е.Г. Повседневные практики власти: Автореф. дис…к-та филос.наук: 09.00.11 / СПбГУ. – СПб., 2003. – 25 с.

232. Свенцицкий Л. А. Сила власти в зеркале социальной психологии // Общество и политика. Современные исследования, поиск концепций. - СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – С. 20-56.
233. Свешникова Н. О. Психические состояния человека в политической жизни: Дис... канд. псих. наук: 19.00.03 / СпбГУ. – СПб, 1998. – 192 с.
234. Свифт Д. Путешествия Лемюэля Гулливера: Пер. с англ. – Л.: Детская литература, 1966 г. – 430 с.
235. Сенокосов Ю. Власть как проблема. Опыт философского рассмотрения. – М.: Школа Политических Исследований, 2005. -184 с.
236. Серебрянский С. В. Концептуальный анализ феномена власти: Автореф. дис… к-та. филос. наук: 09.00.11 / МГУ. – М., 1993. - 22 с.
237. Сивова С. А. Управленческий образ мышления. – Саратов: Из-во Сарат. Ун-та, 1998. – 212 с.
238. Сирано де Бержерак. Иной свет, или государства и империи Луны: Пер. с фр. // Зарубежная фантастическая проза прошлых веков. – М.: Правда, 1989. – С.189-287.
239. Славный Б.И. Проблема власти: новое измерение // ПОЛИС. – 1991. - №5. – С.33-50.
240. Слободянюк А. В. Еволюція концептуальних уявлень про владу в історіко-соціологічному процесі: Автореф. діс… к-та. соціол. наук. / КНУ. – К., 2002. - 21 с.
241. Словарь древнерусского языка (XI-XIX вв.) / Под. ред. – М.: Рус. яз., 1959. – 1200 с.
242. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2003. – Т. 1. – 680 с.
243. Словарь современного русского литературного языка в 18 томах / Под ред. В.И. Чернышева. – М.-Л.: АН СССР, 1951. – Т. 2. – 1393 с.
244. Словарь современного русского литературного языка в 20 томах / Под ред. И.С. Горбачевича. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: рус. яз., 1991. – Т. 2. – 960 с.
245. Словник української мови в 8 т. / За ред. П.Й. Горецького. – К.: Наук. Думк., 1970. – Т. 1. – 800 с.
246. Слотердайк П. Критика цинічного розуму: Пер. з нем. – К.: Тандем, 2002. – 542 с.
247. Соболь О.М. Проблема свободи у постметафізичному дискурсі // Практична філософія – 2001. - №1. – С.19-38.
248. Соколов В. Н., Старинец А. Г. Власть и общество. - Одесса: Маяк, 2003. - 180 с.
249. Солдатов В.Е. Авторитет должности и авторитет личности: Автореф. дис… к-та. филос. наук: 09.00.01 / Свер. гос. ун-т. – Свердловск, 1990. – 18 с.
250. Соловьев А. И. Культура власти. – М.: Николь, 1992. - 144 с.

251. Солодкая М.С. К единству социального и технического: проблемы и тенденции развития научных подходов к управлению. – Оренбург: Печатный Дом «Димур», 1997. – 208 с.
252. Спиноза Б. Богословско-политический трактат: Пер. с лат. - М. Лопаткина. – Минск.: Литература, 1998. – 528 с.
253. Старіш О. Г. Особливості політичного процесу в Україні як державі перехідного типу (нація як інформаційне середовище) // Регіональні проекції державної політики: Зб. наук. пр. Крим. Філ. НІСД. В 2 т. – Сімферополь: Таврія, 2003. – Т. 1. - С. 16-27.
254. Степко М.Т. Філосфсько-методологічний аналіз становлення та бутя етносоціальних спільнот: Автореф. діс... д-ра філос. наук: 09.00.03 / Інстітут філософії НАН України. - К., 1999. – 34 с.
255. Стратегія для України: уроки десятиріччя незалежності. – К.: Заповіт, 2001. – 94 с.
256. Судакова В. Н. Свобода и ненасилие в современном общественном развитии. Социально-философский анализ: Дис... докт. филос. наук: 09.00.03 – Днепропетровск, 1997. - 414 с.
257. Сурина И.А. Ценности. Ценностные ориентации. Ценностное пространство: вопросы теории и методологии. – М.: Социум, 1999. – 184 с.
258. Сучасна політична ситуація в Україні: між сходом ізаходом: Зб. матер. семінару. – К.: Стилос, 2001. – 61 с.
259. Тайлор Э. Б. Первобытная культура: Пер. с англ. – М.: Изд-во полит. Лит., 1989. - 573 с.
260. Тиковенко А. Г. Авторитет власти. Прошлое и настоящее. - Минск: «Наука і тэхніка», 1992. - 80 с.
261. Тлумачний словник української мови / За ред. В.С. Калашника. – Харків: Прапор, 2002. – 992 с.
262. Тойнби А. Дж. Постижение истории: Пер. с англ - М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
263. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова в 4-х томах. – М.: Сов. Энцик., 1935. – Т. 1. – 1565 с.
264. Толковый словарь русского языка / Сост. С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. – 4-е изд. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
265. Толстоухов А.В. Трансценденталізм. Влада. Свобода // Практична філософія. – 2001. - №1. – С. 3-19.
266. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Пер. с англ. - М.: АСТ, 2003. - 671 с.
267. Тоффлер Э. Третья волна: Пер. с англ. – М.: АСТ, 1999. - 783 с.
268. Трифонова С. И. Психологические условия формирования авторитета власти в общественном сознании: Дис... канд. псих. наук: 19.00.05. – М., 1997. - 140 с.
269. Троцкий Л.Д. Уроки октября. – СПб.: Лениздат, 1991. – 364 с.

270. Україна. Закони. Проект Закону України «Про внесення змін до Конституції України»: На всенародне обговорення. – К.: Пресса України, 2003. – 80 с.
271. Українське суспільство – 2003. Соціологічний моніторинг / За ред. В. Ворона, М. Шульги. – К.: Інститут соціології НАН України, 2003. – 684 с.
272. Україна на перехідному етапі: Політика. Єкономіка. Культура / За ред. Т. Степануової, П. Дуткевич, М. Гхош. – К.: «Академія», 1997. – 280 с.
273. Уортман С. Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: Пер. с англ. М.: ОГИ, 2002. – Т. 1. – 608 с.
274. Фадеева И.Л. Концепция власти на Ближнем Востоке. Средневековье и новое время. Изд. Второе. – М.: Издат. Фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 285 с.
275. Файнберг Л.А. У истоков социогенеза. – М: Наука, 1980. – 153 с.
276. Филиппов А.Ф. Ясность, беспокойство и рефлексия: к социологической характеристике современности // Вопросы философии. – 1998. - №8. – С.38-58.
277. Философия власти / Под ред. А.А. Ильина. - М.: Изд-во МГУ, 1993. – 271 с.
278. Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л. Ф. Ильичева, П. Н. Федосеева и др. – М.: Сов. энц., 1983. – 840 с.
279. Фихте И. Назначение человека: Пер. с нем. // Фихте И. Факты сознания. - Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. – С. 564-721.
280. Фихте И. Основы естественного права согласно принципам учения о науке: Пер. с нем. // www.philos.univ-slav.ru\lib\fihte_o\html
281. Фихте И. Основные черты современной эпохи // Фихте И. Факты сознания: Пер. с нем. - Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. – С. 4-273.
282. Фома Аквинский. О правлении владык: Пер. с лат. // www.philos.univ-slav.ru\lib\foma_o\html
283. Французко-Русский и Русско-Французский словарь / Под ред. К. С. Выгодской, О.Л. Долгопаловой. –13-е изд., стереотип. – М.: Русс. Яз., 1983. – 840 с.
284. Фрезер Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1980. – 831 с.
285. Фрезер Дж. Фольклор в Ветхом Завете: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1985. – 511 с.
286. Фромм Э. Бегство от свободы; Человек для себя: Пер. с англ. – Минск.: Попурри, 2000. – 672 с.
287. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Пер. с фр. - М.: Праксис, 2002. - 382 с.
288. Фукуяма Ф. Конец истории и конец человечества: Пер. с англ. – М.:АСТ, 2004. – 476 с.
289. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории: Пер. с нем. – СПб.: Наука, - 417 с.

290. Халипов В. Ф. Наука о власти. Кратология. - М.: «Ось-89», 2002. – 448 с.
291. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций: Пер с англ. – М.: АСТ, 2005. – 604 с.
292. Хатунцев Б. Н. О природе власти. Опыт исследования социально-психологических основ власти. - Саратов: Гублит, 1925. - 150 с.
293. Хейзинга Й. Осень средневековья: пер. с нидерландского Д.В. Сильвестрова. – 4-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 544 с.
294. Хенкин С. М. От авторитаризма к демократии: опыт перехода // Социальные идеалы и политика в меняющемся мире. - М., 1992. - С. 207-215.
295. Херберт Ф. Дюна: Пер. с англ. – М.: Фея, 1992. – 576 с.
296. Хомелева Р. А. Онтологический статус политической власти: теоретические и методологические аспекты исследования: Автореф. дис… д-ра. филос. наук: 09.0011 / ГПУ. – СПб, 2001. - 34 с.
297. Цатурова С.К. Офицеры власти: Парижский Парламент в первой трети XV века. – М.: Логос, 2002. – 384 с.
298. Цикуренко С. Г. До питання про формування української політичної нації (політико-філософський вимір) // Регіональні проекції державної політики: Зб. наук. пр. Крим. Філ. НІСД. В 2 т. – Сімферополь: Таврія, 2003. – Т. 1. - С. 4-15.
299. Цофнас А.Ю. 50 терминов по методологии познания: Краткий словарь-справочник. – Одесса: „Астропринт”, 2003. – 48 с.
300. Чалудин Р. Психология влияния. - СПб.: Питер, 2001. - 288 с.
301. Чемшит А.А. Государственная власть и политическое участие. – К.: Украинский центр духовной культуры, 2004. – 528 с.
302. Черненко А.К. Взаимосвязь государства и права как фактор становления и саморазвития правового государства // Материалы 4-го Всероссийского научного семинара: «Самоорганизация и организация власти». – Томск: Изд-во «Спектр», 2000. – С. 17-20.
303. Черноног Р.А. Держава і громадянське суспільство: соціокультурні аспекти розвитку: Дис…канд. філос. наук: 09.00.03. – К.,. 2003. – 185 с.
304. Чернышев А.Г. Человек и власть в России: Автореф. дис…к-та. полит. наук. – Саратов, 1994. – 16 с.
305. Шадрин А.Е. Трансформация экономических и социально-политических институтов в условиях перехода к постиндустриальному обществу // Материалы к международному симпозиуму: «Тенденции и перспективы социокультурной динамики», посвященной 110 летней годовщине со дня рождения П.А. Сорокина. – М. Из-во МФК, 1999. – 274 с.
306. Шаповаленко М. Проблема регіоналізації у процесі становлення консолідованої демократії в Україні // Розвиток України в регіональній перспективі: політичні, економічні, соціальні проблеми регіоналізації: Матеріали конференції українських випускніків програми наукового стажування у США. – К.: Стилос, 2002. – С. 17-30.

307. Шевченко О.К. Взаимоотношение светской и духовной власти в условиях современной Украины // Материалы IV международного семинара «Религия и гражданское общество: между национализмом и глобализмом. – Симферополь: Таврия, 2005. – С.288-290.
308. Шевченко О. К. Отношение к феномену «власть» в условиях переходных периодов (Эллинизм, Ренессанс, Постмодерн) // Матеріали Міжнародної наукової конференції „Актуальні проблеми філософських, політологічних і релігієзнавчих досліджень (До 170 річчя філософського факультету Київського національного університету ім Т. Г. Шевченко)”. К.: Центр навчальної літератури, 2004. С. 799-801.
309. Шевченко О. К. Принципы социально-психологического механизма власти // Материалы международной научной конференции «Государственная власть и политическое участие». – Севастополь: Изд-во СевНТУ, 2003. С. 163-165.
310. Шевченко О.К. Специфика осуществления власти в современной Украине // Ученые записки ТНУ. Серия «Философия». – 2006. – Т. 19 (58). - №1. – С. 268-271.
311. Шевченко О.К. Сравнительный анализ философских концепций власти в Украине и России // Культура народов Причерноморья. – 2006. - №74. – С. 160-165.
312. Шевченко О.К. Украина: постсоветское наследие и предпосылки становления нового общества // Материалы XXXIV научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов ТНУ им. В.И. Вернадского «Актуальные проблемы философии: общество, политика, культура». – Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2004. – С.41-45.
313. Шевченко О.К. Феномен власти и его метаморфозы // Труды IV Российского философского конгресса «Философия и будущее цивилизации». – М.: «Современные тетради», 2005. С. 166-167.
314. Шевченко О.К. Ценностные ориентиры субъекта власти в условиях переходного периода // Ученые записки ТНУ. Серия философия. 2004. -Т. - 17 (56). - №2. – С. 125-133.
315. Шестопал Е. Б. Образы власти в России конца XX века. Некоторые результаты исследования 1993-2002 гг. // Психология восприятия власти: Сб. науч. раб. - М., 2002. - вып. 1. - С. 31-52.
316. Шестопал Е. Б. Теоретико – Методологические проблемы исследования образов власти // Психология восприятия власти: Сб. науч. раб. - М., 2002. - вып. 1. - С. 14-30.
317. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. В 2-х томах: Пер. с нем. Минск: Попурри, 1998-1999.
318. Штукина Т. А. Политическое лидерство как проявление власти (теоретико-методологический аспект): Дис... канд. филос. наук: 09.00.11. - М., 1995. – 166 с.

319. Шпенглер О. Закат Европы: Пер. с нем. В 2-х томах. – Минск.: Попурри, 1998-1999.
320. Щербак Ю. Україна: виклик і вибір. Перспективи України в глобалізованому світі XXI століття. – К.: Дух і Літера, 2003. – 578 с.
321. Эко У. Баудолино: Пер. с итал. – СПб.: Симпозиум, 2005. – 576 с.
322. Эко У. Имя розы: Пер. с итал. – М.: Книжная палата, 1989. – 497 с.
323. Элиаде М. Аспекты мифа: Пер. с фр. – М.: Академический проект, 2000. – 222 с.
324. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: Пер. с нем. – М.: Изд-во полит. Лит., 1985. - 240 с.
325. Юнг К.Г. Проблемы современной психотерапии // Юнг К. Проблемы души нашего времени: Пер. снем.. – СПб.: Питер, 2002. – С. 13-41
326. Юнг К.Г. Противоречия Фрейда и Юнга // Юнг К. Проблемы души нашего времени: Пер. с нем. – СПб.: Питер, 2002. – С. 67-77.
327. Ющук І.П. Єдина державна мова як основа єдності суспільства // «Україна: національна ідея»: Матеріали міжнародної наукової конференції. – К.: КиМУ., Правові джерела, 2003. – С. 168-175.
328. Яблонская Т. В. Проблема нравственности и власти в отечественной социальной философии: Автореф. дис… к-та. филос. наук: 09.00.11 / Кисловод. ун-т Акад. оборон. отраслей пром. РФ. – Ставрополь, 2001. – 23 с.
329. Якимович А.К. «Свой-чужой» в системах культуры // Вопросы философии. - 2003. - №4. – С.48-60.
330. Яковец Ю.В. Формирование постиндустриальной парадигмы: истоки и перспективы // Вопросы философии. – 1997. - №1. – С.3-17.
331. Яневський Д. Обличчя «померанчевої» революції. – Харків: ФОЛІО, 2005. – 319 с.
332. Яневський Д. Хроніка «померанчевої» революції. – Харків: ФОЛІО, 2005. – 320 с.
333. Dahl R. The Concept of Power // Behavioural Science, 1957. - Vol. 2. – P. 201-215.
334. Lukes S. Critical Note: Reply to Bradshaw // Power: Critical Concepts / ed/ by John Scott. Vol 2. - London: Rouledge, 1994. - P. 278-282.
335. March J.G. The Power of Power // Varieties of Political Theory / ed. by D. Easton. - New Jersey, 1966. – P. 39-70.
336. Marcuse H. One dimensional man. Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society. – Boston: beacon Press, 1968. – 260 c.
337. Russell B. Power: A new Social Analysis. - London.: Fllen and Unwin, 1938. – 258 c.